821(574)
С47

Николай Слепцов

Стихи,
поэмы,
мысли

С миру по нитке
&
Жизни моей колесница

Николай СЛЕПЦОВ

G МИРУ ПО НИТКЕ

Караганда, 2018

УДК 821(574)
ББК 84 (5Каз-Рус)
С 48

Слепцов Н.А.
С48 С миру по нитке: Жизни моей колесница/ Н.А. Слепцов - Караганда: ТОО «Типография Арко», 2018 - 240 с.

ISBN 978-601-204-425-6

У каждого из нас есть свой взгляд на жизнь в тех или иных ее проявлениях. Имеется собственная точка зрения и у агадырского писателя Николая Слепцова, который в произведении «С миру по нитке» излагает свои суждения на предмет истории, политики, морально-этических норм и прочих аспектов человеческой деятельности, а порой и просто делится личными наблюдениями и воспоминаниями. Всему этому неизменно сопутствует творческое вдохновение, которое отражено тут же, на страницах поэтического сборника «Жизни моей колесница».

УДК 821(574)
ББК 84 (5Каз-Рус)

«ШЕТ АУДАНЫ ӘКІМДІГІ
ШЕТ АУДАНЫНЫҢ МӘДЕНИЕТ
ЖӘНЕ ТІЛДЕРДІ ДАМЫТУ БӨЛІМІНІҢ
«ШЕТ АУДАНДЫҚ ОРТАЛЫҚТАНДЫРЫЛҒАН
КІТАПХАНАЛАР ЖҮЙЕСІ» КММ
№ 20950

ISBN 978-601-204-425-6

© Слепцов Н.А.

От автора

Мною на пенсионном загоне написано уже восемь книг, из каких половина - проза. Специалисты говорят, что прозу легче писать: мели языком, а там все приложится. Это мне сказал один пенсионный журналист, с каким мы когда-то вместе учились этой профессии. Для сокурсника она и стала его судьбой, а я так и остался слесарем и инженером по снабжению на все сорок лет до ухода на «дембель». Мой товарищ-журналист говорил: имей под рукой материал, а там из него можешь сляпать что угодно.

Не знаю... Где этот материал брать, кто его приготовил? Где Лермонтов брал материал для своего «Героя нашего времени»? Неужто Печорины да

Грушницкие бродили по улицам большой Руси? А Тургенев где нашел своего Базарова, а Толстой всю большую команду для романа «Война и мир»? А Горький ведь уцепился за «Мать» и довел ее героев до логического конца... Во всех этих произведениях - живые люди, живые герои со своими мыслями, характерами, мечтами, надеждами, действиями в кругу семьи, в обществе, в стране. Тут лично я не вижу никакой простоты, мне так всегда будет чего-то не хватать.

Для этой книги я брал материал из газет, в какие посылал свои статьи и очерки. Если материал не появлялся, значит, он не имел интереса для газеты, а значит, и для читателя. В газетах трудятся классические специалисты, какие знают, что нужно читателю, а в лице его всему обществу.

В сентябре 2016 года послал я материал в «Индустриальную Караганду» под названием «Где вы, старые киноленты?». В статье речь шла о старых кинофильмах тридцати-пятидесятилетней давности с такими актерами, как Николай Крючков, Борис Андреев, Петр Олейник, Любовь Орлова, Татьяна Пельтцер, Надежда Румянцева, Николай Рыбников, Игорь Ильинский, Сергей Филиппов. Фильмы с их участием помнятся до сих пор, но их наше телевидение не транслирует. Проскочили как-то «Солдат Иван Бровкин», «Максим Перепелица» и даже «Волга-Волга». Слава Богу, рахмет казахстанскому телевидению, но был бы еще большой рахмет и поклон нашим телевизионщикам, если бы они прогнали забытые «Трактористы», «Дело было в Пенькове», «Свадьба с приданым», «Гость с Кубани», «Радуга», «Стряпуха», «Девчата» и прочие-прочие тридцати-сорокалетней давности с Шуриком, Шукшиным и другими прославленными актерами.

Статья эта света не увидела, как не увидели и «Пестрые письма», каких было что-то около десяти. В «Пестрых письмах», мне кажется, мною собраны болезненные материалы, какие еще нередко встречаются в нашем житье-бытье. Одно из этих писем называлось «Мысли о нас». В статье речь о том, что в Казахстане со времен СНГ локомотивщики-железнодорожники, какие водят поезда, стали уходить на пенсию в 59 лет, тогда как до распада Союза они уходили в 55.

Работа у локомотивщиков сложная, в своем классе вредноносная, а потому и льготная для выхода на пенсию. Локомотивщики до определенного времени ездили на паровозах, а затем на смену им пришли тепловозы и электровозы, где свои вредности для здоровья, такие как грохот локомо-

тивного дизеля, солярочные пары и пары дизельных и трансформаторных масел, ктому же блуждание собственного электрического поля от локомотивного генератора. На электровозе так вообще электрическое поле исходит от электрической локомотивной подвески в 27 тысяч вольт.

В России локомотивные бригады как уходили на пенсию в 55 лет целых сто лет назад, так уходят и сегодня, тогда как Казахстан решил вырваться вперед и сделал «дембель» для локомотивных бригад в 59 лет. Выходит, 27 тысяч казахстанских вольт не так вредны для локомотивщиков, как в России? А тепловозная вредность тоже слишком мала? В Казахстане тепловозные участки будут существовать еще неизвестно сколько лет, потому локомотивным бригадам долго еще придется дышать соляркой и всяческими моторными и дизельными маслами, к тому же и облучаться электрическим полем от собственного локомотивного генератора... На этой статье редакцией газеты тоже был поставлен крест.

Второе письмо из «Пестрых писем» называлось «Дух большевиков и большевизма». Речь в ней шла о казни царя Николая Второго, его жены и их пятерых детей, младшему из которых Алексею было всего лишь тринадцать лет, а четырем дочерям - от шестнадцати до двадцати двух. Случилось это в ночь с 16 на 17 июля 1918 года в тогдашнем Екатеринбурге по постановлению президиума Уральского комитета.

Через три дня после убийства царской семьи на улицах Екатеринбурга появились прокламации, извещавшие о расстреле царя, а пять дней спустя пермская газета дала следующее сообщение: «Виду того, что чехословацкие банды угрожают солнцу красного Урала Екатеринбургу, и ввиду того, что коронованный палач может избежать суда народа, президиум областного комитета во исполнение роли народа постановил: расстрелять бывшего царя Николая Романова, виновного перед народом в бесчисленных кровавых преступлениях. Постановление приведено в исполнение в ночь с 16 на 17 июля 1918 года. Семья же Романовых переведена из Екатеринбурга в другое, более верное место».

Президиум областного совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Урала, как замечает Пьер Жильяр, автор книги о мытарствах царской семьи из семи человек, личного доктора семьи Боткина и трех слуг, какие были с ними со дня ареста всего царского семейства до его полного уничтожения. С царской семьей были расстреляны ни за что док-

тор Боткин и самые простые люди-трудяги, простые русские женщины, какие и повинны-то были лишь в том, что прислуживали членам царской семьи. Указание об убийстве царя поступило из Москвы, какое имело такой характер:

«ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Президиума всероссийского центрального испольнительного комитета от 18 июля 1916-го года.

Центральный комитет рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов в лице своего представителя одобряет постановление президиума Уральского комитета.

Председатель исполнительного комитета
Я. СВЕРДЛОВ ».

Как бы ни было, а дело было сделано. Царь был убит без суда и следствия, убиты также его жена и пятеро детей, личный доктор семьи Боткин и трое слуг. Если верить автору книги, то комиссар Войков якобы заметил: «Свет никогда не узнает, что мы с ними сделали». Насчет же уверения депутатов Урала, что семья Романовых переведена из Екатеринбурга в другое место, - сплошная ложь, преподнесенная россиянам и миру.

Книга Пьера Жильяра «Император Николай Второй и его семья» вышла в 1921 году в издательстве «Русь» в Вене, когда еще жив был Ленин. Но ни один автор, никакая пресса не сказали, как принял смерть царя и его семьи Ленин, осуществленную без суда и следствия, без большевистского суда, означавшего - народного. Что интересно, молчит о том и история, и нет никаких сведений о ленинском восприятии смерти царя и всей его семьи. Книгу Пьера Жильяра Ленин не мог не прочесть или хотя бы не слышать о ней. Как бы ни было, а история умалчивает о реакции Ленина на смерть царя, его жены, всей семьи из пяти душ, где были и несовершеннолетние дети.

Насчет того, что «Свет никогда не узнает, что мы с ними сделали», Пьер Жильяр сделал замечание о сложности утаить шило в мешке, подробно описывая все действия комиссара Юровского и его команды с одиннадцатью царскими трупами. По утверждению Жильяра, все трупы погрузили в автомобиль и увезли на какую-то лесную поляну вдали от дорог и людского

глаза, разрезали их на части, чтобы удобнее было сжигать на кострах. Прежде же привезли 175 килограммов серной кислоты и 300 литров бензина. Не поддающиеся горению части тела бросали в кислоту, а затем уже обезображенные куски человеческого тела сжигали в кострах. После всех процедур сгоревшие кости сбрасывали в шахту или что-то ее напоминавшее...

Такое заключение сделали меньшевистские дознаватели, какие вскорости заняли Екатеринбург и начали свои поиски царской семьи. Их следственные выводы Пьер Жильяр и использовал в своей книге. Вымысла тут нет, потому как эта была правда жизни.

Единственно, что крайне удивляет: как большевики, такие как Юровский, Медведев, Ермаков, Ваганов, Войков, доверенные Свердлова и лично принимавшие участие в расстреле царя и его семьи, имея дух большевизма, могли так поступить? К тому же они были русскими людьми, а русичи по природе своей никогда не отличались жестокостью, как, скажем британцы, вживую сжегшие на костре Жанну д'Арк. Нечто подобное нам показало нынешнее телевидение, где людей сжигают живьем в металлических клетках. Так в Сирии поступали с пленными, пленным же и вживую отрезали головы. Это тоже показывало телевидение.

Но Африка, арабы - это другой мир, какой еще имеет некоторые позиции средневековья. Где был дух большевизма и вообще руский дух у палачей царской семьи - неизвестно, только знай Ленин о пленении царской семьи, он не позволил бы подобной расправы над ними без суда и следствия. Царь всех своих противников ссылал в ссылку в далекие сибирские дали на определенные годы, чему подвергся и сам Ленин.

А согласно дневниковым записям Пьера Жильяра, мы узнаем о последних минутах жизни царя Николая Второго и всей его семьи. Из записи Жильяра следует, что ночью к спящему царю и царице, их четырем дочерям Ольге, Татьяне, Анастасии и Марии и тринадцатилетнему сыну Алексею пришел комиссар Юровский и приказал им следовать за собою в подвал знаменитого дома Ипатьева, где содержались пленники. С Юровским пришли комиссары Ермаков и Ваганов, а также семь солдат. Юровский объявил во всеуслышание царю, что меньшевики пытаются его спасти, отчего следует его и его семью со всей обслугой казнить. Тут же достал пистолет и в упор выстрелил в Николая Второго, какой тут же рухнул замертво.

Все это случилось на глазах жены и его пятерых детей, доктора Боткина

и троих слуг, какие начали метаться и кричать, но команда Юровского выбрала свою жертву и также стреляла в упор. Раненный тринадцатилетний царевич Алексей кричал в агонии, и Юровский пристрелил его. Анастасия Николаевна была только ранена и тоже металась в агонии, отчего солдат добивал ее уже штыковым ударом. Так большевики Екатеринбурга расправились с царем и царской семьей.

А автор книги о последних часах царя Николая Второго Пьер Жильяр был в семье царя всего лишь воспитателем его малолетнего сына, которого, как было тогда принято, учили французскому языку. При пленении царя большевики учителя просто-напросто отпустили на все четыре стороны. Стрелять во француза у большевиков не было права, да и желания, поскольку он был только лишь учителем по принуждению...

Мы, нынешние восьмидесятилетние, жили и при большевиках, и при коммунистах, когда над нами всегда довлел дух большевизма и коммунизма, каким мы дышали сами, дышали страны СССР и все его общество. Тогда говорили: против партии не попрешь! Тогдашняя Компартия за сопротивление ей могла упрятать противца туда, где Макар телят не пас. Непонятно, чем провинились Солженицын, Галина Вишневская и Ростислав Растропович, высланные из России за рубеж по указанию Брежнева, посчитавшего их антисоветчиками. А они всего-то были писатель и артисты и тоже требовали от Брежнева открытого народного суда над ними, чтобы понять, в чем их вина перед народом России и перед самой Россией. Такого суда не было и не предвиделось, за что Брежнев был просто проклят этими людьми, какие любили свою родину Россию и весь ее народ.

А любили ли свой народ большевистские тройки, какие при Сталине судили своим тройственным судом врагов народа да кулаков, приписывая им только смерть и смерть? Никакого народного суда не существовало, тройка судила Тухачевского, Сейфуллина и тысячи-тысячи других, о каких нынче знает только история. Она и должна бы осудить тот большевистский мир и сталинскую эпоху и просто проклясть их, какие не должны возвратиться и жить ни теперь, ни в будущем...

Не увидела света и эта статья в «Индустриалке».

БЫЛА ВОЙНА...

Опять наступило 22 июня. Москва и республики СНГ сплошь и рядом готовились к нему, чтобы памятно отметить этот день, равный 76-летию начала небывалой в истории человечества войны, унесшей по всему миру как бы не пятьдесят миллионов человек. Как бы ни считала всех погибших история, но только СССР потерял 27 миллионов своих соотечественников...

Что это была за война, теперь мы знаем досконально. До нападения фашистской Германии на Советский Союз советские люди трудились в поте лица, строили города и села, прокладывали железные дороги к отдаленным городам, рыли каналы, соединяя ими реки и озера, выходя к побережьям морей. А еще занимались спортом и, конечно, рожали детей, поскольку жизнь настраивалась, говорило радио и появились радиоприемники, у людей в квартирах появились телефоны. В жизнь советских людей входила цивилизация, люди крепли, украшали свою жизнь и где-то даже начали богатеть.

Все было хорошо, но 22 июня 1941 года все сразу порушилось, потому как Гитлер внезапно напал на Советский Союз, среди ночи громя с самолетов приграничные города, такие как Киев и Брест. Внезапность нападения без объявления войны, конечно, застала страну врасплох. Надо было как-то собраться, мобилизоваться и к пограничным войскам призвать под ружье миллионные массы мирного мужского населения, какое располагалось, как в песне, от Москвы до самых до окраин. А окраины эти тянулись от Дона и Днепра, от Оки и Волги до Иртыша, Оби, Енисея, Лены, до Байкала и морей Дальнего Востока. В стороне не осталась ни одна республика из тогдашних шестнадцати, а это давало вновь мобилизованных.

Как бы ни было, а для мобилизации новобранцев нужно было время, необходимое для формирования новых частей, обеспечения их обмундированием и оружием. Были, конечно, и молодые новобранцы призывного возраста, которых надо было учить армейской службе, да и просто учить стрелять. Все это делалось с первого дня войны до последнего, какой уже перекинулся на германские границы.

Внезапное нападение без объявления войны, естественно, в первые дни, месяцы и годы принесло Советскому Союзу неисчислимые жертвы. Были разрушены города и села, железные дороги и вокзалы, что затрудняло доставку войск к местам сражений. Внезапности необъявленной войны, говорят, да и история это знает точно, не было даже во времена Гомера, его Одиссея и Менелая, всех полководцев древнего мира, Рима и Древней Греции. Даже тогда воюющие страны цивилизованно предупреждали: иду на вас! А между Германией и СССР к тому же существовал некий договор о мире и ненападении друг на друга, который проигнорировали. Такое в мировой политике бывало и прежде, но в большинстве воюющие страны придерживались цивилизованного: иду на вас!

Мирные же договоры на заре цивилизованного человечества существовали давно. Известен, к примеру, Парижский мирный договор 1259 года между французскими и английскими королями. Английский король отказывался от притязаний на Нормандию, Мэн и другие французские территории, потерянные Англией при Иоанне Безземельном. Англия и Франция не были удовлетворены условиями Парижского договора, что и привело к Столетней войне между этими странами 1337 - 1353 годов.

Истории бывшего СССР известен некий Брестский мирный договор 1918 года между Россией и Германией, названный Брестским миром. Для России в годы гражданской войны этот мир был необходим как передышка, как накопление каких-то сил. По этому миру Германия проявила, однако, аннексию против Польши, Прибалтики, части Белоруссии и Закавказья. По истечении какого-то времени Россия как-то окрепла и в том же 1918-ом Брестский мир ликвидировала.

После победы в гражданской войне Россия восстанавливала свое хозяйство, строилась, крепла, росла, схоронила Ленина и жила уже по заветам и указаниям Сталина и по законам сталинской Конституции. В большом Советском Союзе повсюду действовали колхозы и совхозы, страна была с хлебом, с новой техникой, такой как тракторы и комбайны, с грузовыми машинами, такими как известный «ЗИС-5», созданный и выпускающийся на заводе, как принято тогда было называть, имени Сталина.

Словом, СССР становился крепкой страной и в военном отношении. Хотя должно было удивить мир и саму историю, почему советское государство, его руководство, его знаменитый Кремль не обратили внимания

на Германию 1933 - 1941 годов, когда к власти пришел некий Шикльгрубер, какой с приходом к власти начал усиленно поднимать военную промышленность. Выпускались сотни и тысячи танков, самолетов, пушек, миллионы новейших автоматов вместо старой винтовки времен Бисмарка и гражданской войны и другое вооружение. Спрашивается, где были наши советские осведомители, российские послы и другие политические работники в Германии, какие всю эту военную технологию должны были видеть и докладывать о ней Сталину? Ведь тысячи танков и самолетов, пушек и минометов, пулеметов и прочего вооружения надо было где-то хранить от глаз людских. Может, Германия это и делала, но советские разведчики должны были это знать и представлять, против кого готовится это оружие...

Гитлер никак не был поклонником большевизма и коммунизма, потому надо было и Союзу вести свои адекватные военные приготовления. История знает, что СССР не стоял на военной машине, как это делал Гитлер, а потому и крепко поплатился за первые месяцы и годы войны.

Удивляет и другой факт: куда смотрело советское правительство, когда из Германии гнали на Россию сотни и сотни танков, самолетов и миллионы солдат, какие добрались до границ СССР не иначе как железной дорогой или другим транспортом, какой не скроешь ни от какого глаза? К тому же из Германии напрямую в СССР не попадешь, нужно было пройти европейские страны, а Польшу так в первую очередь, потому как она граничила с Белоруссией всего лишь через реку Буг. Ведь кто-то же видел надвигающиеся танки и летящие самолеты и наверняка сообщил бы дружественному Советскому Союзу, какой заранее как-то бы подготовился встретить врага...

Ничего подобного не произошло, потому фашисты безнаказанно бомбили Киев, Брест и другие пограничные города. Где были наши истребители, противовоздушная оборона? Почему, скажем, на брестской границе с Польшей не держать регулярные воинские части, а не простой маленький коллектив защитников Брестской крепости? Враг, смяв его, свободно шел по городам и селам Белоруссии, уничтожая его население.

Какие жертвы пришлось понести белорусскому и украинскому народам, первыми оказавшимся перед врагом, знает история и советская статистика, какая, по замечанию больших политиков, нынче крепко засекре-

чена. 27 миллионов погибших советских людей - цифра явно занижена. Пусть даже останутся эти 27 миллионов, так это же равно снесению с лица земли таких европейских стран, как Болгария, Венгрия, Албания и российская Молдавия!

Конечно, война заставила Кремль мобилизовать все внутренние силы и средства Союза и строить танки типа Т-34, «Катюши» и скоростные самолеты, какие били фашистов вдоль и в поперек. Т-34 вообще обращали фашистов в бегство...

Чем закончилась война, известно, и что на том потеряло человечество, знает мир и история. Знать-то знают, только понять не могут, почему СССР, втрое больший Германии по населению, допустил проникновение на свою территорию, на свои границы злополучного врага? Подобное, думается, не повторится никогда, потому как 27 миллионов погибших на той войне об этом спросят нас нынешних. А этим двадцати семи милллионам погибших вечная память и вечный поклон от их потомков, а значит, от нас и от нашего нового века.

ВСТРЕЧА ЧЕРЕЗ 25 ЛЕТ

Садясь за эту статью, я подумывал, какой ей дать заголовок. Вначале что-то крутилось у телевизионного «Жди меня», где показывают долгожданные встречи близких людей через двадцать, тридцать, сорок, а то и вовсе через пятьдесят лет. Такое в жизни случается, отчего передаче «Жди меня» следует отвесить лишний поклон. Анализируя этот заголовок далее, поймал себя на том, что в передаче встречаются в основном близкие люди, совсем близкие - братья, сестры, отцы-матери и их дети. А в нашем случае произошла встреча выпускников сразу четырех классов агадырской школы имени Гагарина, для каких последний звонок прозвенел ровно двадцать пять лет назад, в 1991 году.

Как часто бывает в таких случаях, выпускники уже взрослые молодые люди, имевшие в выпускной год на руках единственный жизнеутверждающий документ - аттестат зрелости, вольно или невольно кинулись в жизненный водоворот. Провинциальный Агадырь мало чего мог дать молодо-

му, здоровому и ищущему человеку, потому выпускники школы ринулись не на поиски счастья и чинов, а на поиски своего места в жизни. О поисках своего счастья тогда практически не думалось, не думали о том юноши, как не думали и девушки.

Как бы там ни было, а жизнь требовала действий. Одни подались в соседнюю Караганду и штурмовали вузы шахтерской столицы. Для настойчивых двери этих вузов открылись, приютив на целые пятилетки. После вуза, конечно, пришлось налегать на новую работу, знакомящую с новым коллективом, с новыми людьми, а для себя - с новой жизнью, где-то трудной, где-то что-то обещающей, а больше загадочной, какая предполагала как-то вклиниваться в нее и познавать разные ее стороны...

Начало нашего повествования вылилось в своеобразное предисловие, характеризующее дальнейшие события для девяноста пяти выпускников сразу четырех классов агадырской школы. Как бы там ни было, а выпускники разъехались по белу свету, и на встречу одноклассников в Агадыре через двадцать пять лет приехали только сорок человек.

Удивительна, на мой взгляд, не только сама встреча бывших одноклассников через трудные четверть века, а удивительно, как это все организовывалось и кто инициатор этой не менее как экстравагантной встречи. От участников встречи удалось узнать, что ее инициаторами и организаторами были карагандинцы Мейрамкуль Смагулова и Саменкуль Серикова, агадырцы Татьяна Соболева и Нурбек Нуртазин, какой большую часть своей жизни все-таки отдает Караганде.

Организовать подобную встречу было, разумеется, нелегко, но через нынешний Интернет, говорят, можно сделать что угодно. Ладно, своим, кто остался в Казахстане, организовать встречу не столь проблематично, а как быть с теми, кого судьба разбросала по свету? На эту встречу выпускники агадырской школы приехали аж из самой Германии. Ими оказались Любовь Мартьян, Константин Седякин, Антон Габерлах, Татьяна Нерлих. Из России гостями были Екатерина Гринюк, проживающая ныне в Новоалтайске, Игорь Абдуразов из Омска.

Что удивительно, отец Екатерины вообще родился близ Караганды - в поселке Бурма. После бурминской школы он перебрался в Агадырь и целых двадцать лет водил поезда. Родители же отца остались жить в Бурме, где и застали их последние дни. У Екатерины двое детей, старшему из

которых нынче двадцать пять. Из Казахстана эту встречу освятили Тимур Авдеев из Алматы, из Астаны - Азамат Аяпбергенов, Талкын Кусаинова, из Караганды - Елена Ялоза, из Агадыря - Абзал Ибраев и Игорь Сайфутдинов, какие трудятся машинистами электровоза, и бизнесмен Александр Дроздов.

Всех участников встречи называть, наверно, не стоит, но все они на данной долгожданной встрече, конечно, жаждали встречи со своими учителями. Первой и старшей из всех была Шарыгина Галина Георгиевна, какая была учительницей тех далеких начальных классов. Сейчас Галина Георгиевна проживает, по ее словам, за полярным кругом, в ее жизни и в жизни ее детей все нормально: муж пашет в поте лица на корабельной службе, дети выучились наукам и постигают научный мир России. Учителями тогдашнего выпускного класса сейчас присутствовали Тампиева Марал Имановна и Мартыкенова Рымкеш Асылхановна.

В большом коллективе, конечно, было что сказать. Перво-наперво, многие выступающие благодарили своих учителей за их знания, которые они отдали своим ученикам без остатка. Их знания, их уроки жизни помогли начать жить, найти союз человека с его жизнью и с тонкостями этой жизни, какие не прописаны ни в одном жизненном документе. Особенно были рады этой встрече гости из Германии, для каких Агадырь остался их родиной, их счастьем, их надеждой и их памятью. С развалом СССР многие агадырцы покинули свой поселок и свой край в поисках новой жизни. В Германии их жизнь удалась, появились мужья и дети,- какие уже сами пробивают себе дорогу. Двадцать лет как они покинули Агадырь, свою родину, но тяга к Агадырю, к его широким степным просторам, к соседней шахтерской Караганде, какая учила их в вузах и лелеяла, не исчезнет, видно, никогда.

В большом и красивом агадырском кафе, какое было задействовано организаторами встречи, состоялся и большой двенадцатичасовой фуршет с застольем, речами, розами, музыкальными вставками и танцами, какими теперь не всегда приходится заниматься. Ими теперь больше занимаются их дети, а детям, естественно, многое позволено.

Весь долгожданный сход друзей и бывших агадырских одноклассников закончился в четыре часа утра 26 июня. После отдыха был организован выезд всей прежней компании в степное урочище Артау, что в тридцати

верстах от Агадыря. Здесь красовались удивительные и очаровательные в своей компоновке юрты, какие германские товарищы просто забыли, как они выглядят, где у них вход и выход. У юрт как раз жарились шашлыки и выпивался удивительного вкуса и насыщенности кумыс, вкус которого германцы просто забыли. Здесь также были песни, танцы и душевные разговоры, какие, как понимали все присутствующие, теперь никогда не повторятся.

А всех присутствовавших окружало широкое степное раздолье, какое напоминало детство. Степная ширь с ее ковылями, с пасущимися отарами и лощадьми и впрямь напоминали многим родину. Ведь здесь они родились, в этих краях и незабвенном Агадыре. Куда бы судьба и жизнь ни заносили каждого из присутствующих, они об Агадыре, своей родине, о Караганде, стоящей на их благостном пути, будут помнить всегда, может, даже до конца своих дней.

О ИМЕНИ И О СЕБЕ

(Очерк)

Писать о себе и говорить надо уметь. Наверно, тут надо обладать литературным талантом, логическим и философским мышлением. Не ведаю, есть ли они у меня, только меня постоянно тянет что-то рассказать о себе. Ну вот тянет, хоть зашибись в доску! Особенно сейчас, когда наступил на свой восьмидесятник, какой через восемь месяцев так уж полностью придавит восьмидесятилетним грузом.

Подумываю: восемьдесят - это же слишком много! Достоевский умер своей смертью в шестьдесят, Исаковский - так в семьдесят три, Твардовский и вовсе в шестьдесят один. Антон Павлович Чехов так и до полтинника не дотянул, как и знаменитый создатель социальных комедий Фонвизин, дотянувший лишь до сорока семи лет. Чего им не жилось, спрашивается? Хлеб у них был, одевались изысканно, слуги возле них бегали на цырлах, по улицам бегали только лошадиные двойки да тройки, не в пример нашему времени, когда машины скоро просто задавят нас своими выхлопами. Вообще, экология, всякая атомная энергетика, дымовая

завеса заводов и фабрик, всяких тепловых электростанций через какое-то недалекое время просто доконают нас, и мы будем отбрасывать копыта в шестьдесят, а то и вовсе не дотягивая до них ...

Да, а я-то рождения довоенного, в самый свирепый год, когда свирепствовали сталинские репрессии, уничтожавшие «врагов народа», а в лучшем случае ссылавшие людей на северо-сибирский лесоповал, откуда живыми почти не возвращались. Отличился своим обилием колючей проволоки, за какой томились заключенные, все те же «враги народа», и наш карагандинский край, и сама Караганда с ее Долинкой, Спасском и другими тюремными местами, где отбывали свой срок совсем неповинные люди.

Ну чем могла провиниться актриса, певица Лидия Руслановна, какую из Москвы заслали в Долинку? Что было антипартийного, антинародного, антисоветского в ее красивых душевных песнях? А вот сталинское время и сталинские прихвостни находили к чему придраться. Кому перешел дорогу своей жизнью и своими произведениями Сакен Сейфуллин, какой был автором стихотворных сборников «Минувшие дни», «Неукротимый конь», «На волнах жизни», «Советстан», «Альбатрос» и мемуарного романа «Трудный путь»? Был Сейфуллин председателем Совета народных комиссаров Казахстана, членом Центрального исполнительного комитета СССР, был на виду в казахстанском правительстве и в российском, добросовестно вел свою работу. Но Сталину требовались жертвы, «враги народа», поскольку во всеуслышание было объявлено по всему СССР о возникновении категории людей, какие якобы сопротивляются всем новшествам советской власти после смерти Ленина.

По поводу «врагов народа» и всей сталинской системы 30-ых годов, когда был похоронен Ленин, начали возникать колхозы и появились кулаки, какие якобы сопротивлялись этому всесоюзному новшеству, пусть разбирается история. Но именно в это время, в 1937-ом, как раз я и родился. Мать и отец никак не могли быть врагами народа, поскольку отец был всего лишь трактористом в тракторном парке совхоза Кенбидаик и аула Кенбидаик Кургальджинского района Акмолинской области, а матушка - всего лишь уборщицей в местной больнице. Образование у нее было четырехклассное, она умела лишь расписаться в зарплатной ведомости. Все за нее делал отец, так как имел семиклассное образование.

Вот в этот самый злополучный 1937-ой меня вдруг и надыбало появиться на свет Божий. После меня, уже в 1939-ом, появилась на свет Божий и моя сестренка, а до нас с сестрой по комнате бегал наш семилетний братишка Ваня, который, как говорил нам сам, уже ходил в первый класс. Вот в то время и я наклюнулся, и сестренка наша, так что он видел нас совсем маленькими, с сосками во рту и в пеленках. Сам же Иван родился в круглом 1930-ом, так что он за нами ухаживал и даже прилаживался держать нас на своих руках, чего матушка не позволяла.

Какою была жизнь у нас в семье и в нашем ауле, я не представляю и ничего не помню, только помню, как сидел у отца на коленях и что-то вытворял с игрушечным паровозом. Потом отец пришел с работы и печально объявил: началась война, о чем объявило конторское радио, и весть понеслась уже по всему поселку. Коль началась война, сказал отец, это значит, надо ему и всем мужикам аула готовиться к мобилизации. Какого она будет характера, он не представляет, но, видно, загребут всех, кто не старый, не на пенсии, у кого руки и ноги целы и у кого не совсем седая голова. Что это означало, я не представлял, но матушка поняла и сказала: от судьбы не уйдешь...

А судьбой явились военные люди из Кургальджино, и на отца и всех механизаторов тракторного парка наложили какую-то бронь, пояснив, что сейчас конец июня, поспели все хлеба, какие надо будет убрать, скосить, сдать государству и засыпать семена, потом вспахать зябь, проборонить ее для следующего посева зерновых.

Все, что требовалось, отец сделал. Убрал хлеба, вспахал зябь, отремонтировал свою и чужую технику и уже в зиму 1942-го, сразу после Нового года в аул пригнали большую крытую машину, и всех призывников посадили в нее у здания конторы. Были слезы, прощания, поцелуи с женами и детьми, со всеми родными и с земляками. Был даже какой-то краткосрочный митинг, на каком выступили бывалые деды, какие воевали еще в революцию с Колчаком и Деникиным. Они наказывали быть смелыми, не бояться врага, бить его так, как били они их в 1917-ом и 1918-ом.

Какими бы горькими ни были расставания, машина с новобранцами покатила по кенбидаикской улице и умчалась с призывниками в Акмолу. Там, как сказал один дед, их посчитают, проревизируют, промедицинствуют и целиком уже направят на военные дороги...

Что запомнилось в том еще 1941-ом, когда началась эта самая война.

«ШЕТ АУДАНЫ ӘКІМДІГІ
ШЕТ АУДАНЫНЫҢ МӘДЕНИЕТ
ЖӘНЕ ТІЛДЕРДІ ДАМЫТУ БӨЛІМІНІҢ
«ШЕТ АУДАНДЫҚ ОРТАЛЫҚТАНДЫРЫЛҒАН
КІТАПХАНАЛАР ЖҮЙЕСІ» КММ
№ 20950

Отец сказал матери: «Нюра, тебе надо бросать швабру, тряпку и помойное ведро в больнице и записаться на курсы трактористов и комбайнеров, какие только что открылись в тракторном парке!». Власти аула, умные головы, поняли: ушедших на фронт мужиков теперь могут заменить только женщины, поскольку мужиков в ауле не осталось, кроме древних стариков да нескольких ведущих управленцев, каких военкомат, однако, держит на прицеле.

И пошла матушка на эти самые курсы с другими женщинами, освоила тонкости железных богатырей, таких как трактор и комбайн. В тракторном парке я бывал с отцом и видел эти железные махины. Трактор так был с колесами в рост отца, на каких были приделаны большие металлические шипы, какие давали возможность пройти трактору по любой земле, хоть сухой, хоть мокрой. Шипы эти, кроме того, врезались в землю и создавали трактору большую тяговую силу, оттого он крепко волочил пятилемешный плуг и тащил за собой хлебоуборочный комбайн, какой, как помню, величали «Коммунар». В работе я его при отце не видел, а как трудится трактор, видел и даже сидел с отцом за рулем большой железной махины.

Не представлял я женщину за рулем трактора, а вот матушку увидел впервые за рулем колесного труженика летом уже 1945-го. Пахала она какую-то большую совхозную делянку, где был на тракторе и я. Пыли хватало по самые глаза, но меня она не смущала. Главное, я был с матушкой, а она в эти часы была героем. Делянка была длинной, как бы не в десять наших школ. Это я сделал такой прикид и подумал: а какие же бывают хлебные поля, на которые выезжают комбайны?

В хлебную косовичную пору матушка становилась за штурвал своего «Коммунара», колесный трактор буксировал ее технику, вращался какой-то хедер, работал косогон. Вращалось мотовило, и скошенные колосья по белому брезентовому полотну бежали в приемную камеру, где зубчатый барабан захватывал и дробил колосья, отправлял их на различные очистные полотна и решета. Что там делалось дальше - неизвестно, только в большой зерноприемный бункер на верху комбайна из квадратной трубы сыпалось зерно.

Когда бункер наполнялся, матушка дергала за тонкую металлическую проволоку, прикрепленную к свистку, трактор останавливался, к комбайну подъезжали подводы, и в них ссыпалось зерно. Ручного труда здесь не

было совсем, кроме возчиков на подводах, какие зерно разгребали лопатой. Такую картину я видел собственными глазами и, может, только теперь узнал, откуда берется хлеб на нашем столе. Помощницей у мамы была молодая девушка, а за тракторным рулем - женщина маминых лет, также проводившая мужа на фронт. Выходит, не один мой отец заставлял жену идти на курсы трактористов и комбайнеров, не один он был такой умный, предвидевший трудности с мужской работой без мужиков...

Не помню, как бежали годы, только аульчане проводили следующий 1943-ий и такой же 1944-ый. Кенбидаикцам приходили военные треугольники. Хозяева их радовались и рассказывали, что отец воюет вовсю. Был и на Курской дуге, и на Сталинградской битве, а теперь вот освобождали Ленинград, в каком люди тысячами умирали от голода. Другие части так уж перешли границы Союза и гнали фашистов по Польше, Болгарии и Чехословакии, так что наши войска скоро ступят на германскую землю и сделают фашистам капут.

Приходили из Москвы в аул и похоронки. Докатилась одна из них и до нашего дома. Рыдали и печалились все, рыдали и мы с сестренкой. Старшим по дому оставался наш братишка Ваня, какого мы слушались и подчинялись. Мама с пахотной поры до хлебоуборочного сезона пропадала на полевом стане, адом держался на нашем братане, какой получал и отоваривал продуктовые карточки, готовил, как мог, обеды и ужины.

Завтракали мы чаще всего молоком и чаем, какой не требовал особой заботы. Приходили, конечно, какие-то тетки-соседки, видать, по просьбе нашей матушки, и готовили какие-то изысканные похлебки, заправленные постным маслом. Конечно, было вкусно, так что после обеда не хватались мы за хлебную поджаренную корку, какую все равно тянуло уничтожить, как врага народа.

Брат следил за нами с сестренкой и только на ужин выдавал по корке, по картофелине в мундире и чай, какой мы с сестренкой по-детски игнорировали. Брат обижался и давал нам по стакану скисшегося молока. Хлеб и молоко нас насыщали, и мы, удовлетворенные, вместе укладывались спать. Конечно, мы мечтали об овсяной или пшенной каше, но в доме не было подобных круп. Больше всего на стол ложилась картошка, но она начинала надоедать, и мы просто отказывались от нее, наседая на сухой хлеб с обыкновенной сырой водой.

Картошка, видать, и нашему брату осточертела, но он умудрялся както поджаривать ее на плиточном огне. Мы с сестренкой снимали поджаренную кожуру и уминали чертов картопан за милую душу, отдавая дань мудрости нашему брату Ивану. Всякие борщи и домашнюю лапшу готовили нам приходящие тети. Мы уплетали их творения и не верили, что они могут быть такими вкусными.

А матушка все лето красное пропадала на своих кенбидаикских полях и только с осени, когда даже выпадал первый снег, возвращалась домой и отмывала нас с сестренкой в большом деревянном корыте. Иван отмывался сам, а мама только давала ему свежее полотенце. После бани облачались с сестренкой в какое-то свежее одеяние, латаное-перелатаное, но чистое и отглаженное. Наверх тоже одевали нечто замысловатое, такое же перелатаное и пахнущее своим временем.

Большой заботой для нашей семьи была корова. Она жила-здравствовала и при отце, а после него и вовсе стала истинной кормилицей всего нашего семейства. Летом корову доила наша соседка, готовившая к тому же борщи и домашнюю лапшу, отливала в свою посуду какое-то количество молока и уносила с собой, а остатки сепарировала у каких-то своих знакомых, имеющих знаменитый и дорогой сепаратор. Сливки отдавала Ивану и говорила: следи, чтобы дети не добрались до них! Когда сливки со временем превратятся в сметану и накопится ее достаточно, матушка сколотит масло, ну, а масло - это жизнь...

На деле все так и было. Сливки Иван затаривал в погреб, куда нам дорога с сестренкой была закрыта. Продолжалось это как бы не все лето, а к осени матушка появлялась и в деревянном бочонке колотила это самое масло, какого нам не давали, а вот пахту мы выпивали с удовольствием.

Как бы ни было, а коровка нас крепко спасала и крепко же кормила. С ее молоком, простоквашей, творогом, с тем же маслом мы не голодали. Когда не было на плите и в кастрюлях ничего питательного, так был кусок хлеба с молоком или маслом, и ты уже не чувствовал голода, хотя он к нам во время войны не раз добирался до нашего дома. Продуктовые карточки не давали умереть с голоду, но погладить свой живот от сытого удовольствия удавалось не всегда - и нам, детям, и нашей матушке. Мы-то как-то бегали, а мама пахала и убирала хлеба, тратила силы и свое здоровье на своих же троих детей.

Когда отца забирали в армию, маме было тридцать лет, а отцу тридцать три. В тридцать лет есть, конечно, хотелось всегда, но мама все равно отрывала от себя даже последний кусок хлеба. Мы с сестренкой этого не понимали, зато понимал и видел всю ситуацию наш старший, какой старался как-то облегчить мамины страдания. А чем он мог помочь? Уходил с друзьями на паслен и приносил домой эту ягоду. Матушка радовалась и делала пирожки с пасленом. Вкуснота нам с сестренкой казалась необыкновенной. В другой раз Иван с друзьями уходил в степь и приносил оттуда степной лук и щавель. Из щавеля матушка делала борщ и зажаривала его тем же луком.

Как бы ни было, а брат наш Иван умел крутиться и как-то помогать матери. Из школы их гоняли на совхозные базы со всякой скотиной, где в зиму учеников заставляли чистить полы от навоза, какой вывозили на тележках и складывали в прибазовые большие кучи. Работникам за это совхозное начальство выплачивало наличкой какие-то копейки и даже рубли. Мама радовалась такому прибытию в дом неожиданных средств, но денег от сына не брала, уверяя его в том, что ему в его четырнадцать эти деньги пригодятся самому, тем более, что Иван уже курил - курил открыто дома и на улице. Как матушка ни ругалась, Иван продолжал курить, тем более, что делал он это и при отце, отсыпая из его пачки махорку на свои газетные закрутки. Когда отец уходил на фронт, Ивану было уже двенадцать. В это время они с пацанами уже пробовали затягиваться табачным дымом, приспосабливая для этого окурки, каких в конторских урнах было достаточно.

Как бы трудно ни жилось и каким бы мучительным ни было военное время, наступил май 1945-го, какой и принес Победу. Какие были всюду митинги - не опишешь, а один большой на центральной трибуне поселка, что стояла прямо посреди аула, запомнился многим и даже мне, потому как я уже ходил во второй класс. Выступали большие и серьезные дядьки, седые стариканы и миловидные женщины, выступил даже кто-то из старшеклассников, какой сказал, что отцы их ушли на фронт, но у них сохранилось детство, какое они пронесли до самого Дня Победы. Кто-то из отцов никогда не вернется, а кто-то после Победы и вернется, поскольку похоронка обошла их семьи...

Такого счастья нашей семье точно было не дождаться, поскольку похоронка где-то хранилась в матушкином сундуке. А после Победы на нашу

семью и на других жителей аула навалилась неожиданная беда, какую организовало акмолинское областное начальство. Оно приехало в Кенбидаик на большой машине и увезло всех юношей четырнадцати-шестнадцати лет, кто имел семь классов. Увезло в Акмолу, в какое-то ФЗО. Начальство свой поступок мотивировало тем, что погибло много мужиков, а из этих юношей государство будет готовить новый рабочий класс.

Так вот после Дня Победы мы с сестренкой и матушкой остались одни. Матушка по-прежнему трудилась на своей технике в поте лица, а за нами, ее детьми, пригляду по сути не было. Мне же матушка наказывала быть взрослым, чтобы следить за шестилетней сестренкой, чтобы она не блукала по аулу в поисках какого-то развлечения, поскольку по селу бегают собаки всех сортов и всех пород, каких не пытаются привязывать, потому как не было такого официального приказа аульного начальства. Кто-то, однако, привязывал по своей воле - директор совхоза, например, директор тракторного парка, директор школы. Хоть она и баба, а толк в собаках понимала... Как бы там ни было, а собаки целыми сворами мотались по поселку, и кто знает, что у них на уме, когда перед ними окажется взрослый человек или ребенок. На взрослого, может, и побоятся нападать, а на ребенка отважатся непременно, поскольку это беззащитное существо.

Вот хочешь не хочешь, а годы свое дело знают туго. Пробежал победный 1945-ый, простучал и 1946-ой. В сентябре 1947-го я пошел уже в четвертый класс, а сестренка моя в первый. Как там мамаша ни крутилась, а дочку в первый класс повела за ее беленькую ручку. Меня провожать, конечно, не следовало, потому как мне шел уже одиннадцатый год. Все-таки я был рождения мартовского, а сентябрь убежал от марта на целое полугодие.

Может быть, так бы все и продолжалось, если бы в том же сентябре не приехал в наш аул мамин брат Илья Васильевич, какой вернулся с войны жив-здоров, хотя его не раз задевало пулей и осколками. Посмотрел он на жизнь сестры и ее детей, покачал головой и сказал:

- Нет, сестра, тебя мы здесь не оставим! Все-таки нас в Жалтыре три твоих брата, да и мама еще наша жива. Брат Василий тоже недавно вернулся из армии, тоже отдал ей четыре года, тоже был ранен в живот и ногу, какую сегодня просто волочит, поскольку получилось, что левая несколько короче правой. Но это не мешает ему работать на железной дороге, где работаю и я. Наш братишка, двадцатилетиий Иван, промышляет на жал-

тырском элеваторе, работает на зерне, на конвейерах, слесарит. Мама - пенсионерка, но боевая, как электровеник, так что всегда придет к тебе на помощь. Кстати, у нее свой домик, живет она с Иваном, так что тебе о крыше заботиться не надо. Мы с Василием живем своими семьями, а вы потеснитесь, ничего страшного в том нет, поскольку Ивана забирают в армию на целых три года. За три года ты как-то обживешься, может, тебе на твоей новой работе какое-то жилье нарисуется. Все-таки ты вдова, мужа на фронт проводила - солдатка, значит, а солдаток у нас уважают и во многом идут им навстречу...

- Я согласна, брат. У меня будет сразу три брата рядом, да еще и мама. Дети будут при пригляде, и я смогу спокойно работать. Только где мне в вашем железнодорожном Жалтыре найти работу по моей трактористско-комбайнерской специальности? Я им отдала уже целую пятилетку своей жизни и менять профессию не собираюсь, тем более что я привыкла к ней, прикипела и, наверно, буду служить ей до могилы. Мне-то, Ильюша, всего лишь тридцать пять, мне надо как-то жить и детей поднимать на ноги. Ладно, сыночек мой Ваня вроде определен, окончил ФЗО и какое-то РУ и сейчас работает на заводе «Казахсельмаш». Как там дальше будет у него складываться судьба, не знаю, только из дому ничего не просит, а просит, чтобы мы берегли себя.

- Ну и хорошо, сестра. Я поговорю с нужными людьми, и они увезут тебя в Жалтырь на лошадиной повозке. Сейчас у нас еще лошади в ходу, так что будь готова. Из богатства у тебя стол и две железные кровати, четыре табуретки, твое большое зеркало и твой сундук, какому столько же лет, как и тебе. Так что невелика потеря, если ты оставишь его. Погрузишь постель, зеркало и детей, а кровати, стол с табуретками да сундук подаришь тем, кто будет входить в этот дом. Будете добираться до Жалтыря, минуя Акмолу, через аулы Сабунды, Челкар, Караегин, через Новочеркасск, Астраханку, от какой до Жалтыря всего лишь двенадцать верст. В районном центре Астраханка имеется своя МТС, в какой как раз и находятся нужные тебе тракторы и комбайны. Прозондируем почву. Такого классного механизатора, притом женщину и притом солдатку, непременно возьмут на работу и даже дадут жилье!

- Не уговаривай меня, брат, я согласна на все условия, лишь бы быть рядом с вами, с мамой, с железной дорогой, какую мои дети пока не пред-

ставляют. Они думают, что это обыкновенная наша степная дорога, но покрыта железом, как наша конторская крыша. Отсюда до Акмолы сто двадцать верст, и наши аульчане представления не имеют, какая она, железная дорога, и как это люди ездят в поездах.

- Жалтырь стоит на железной дороге, в нем свое паровозное депо, свои паровозные бригады. У нас в Жалтыре все живет железной дорогой. Депо, станция, дистанция пути, стрелочники, путейцы, крановщики, водяники, угольщики... У нас железнодорожная школа, железнодорожная больница, железнодорожный магазин, железнодорожная пекарня, железнодорожная столовая, железнодорожная отдыхаловка для локомотивных бригад, какие приводят поезда из Акмолы и из Атбасара. У нас большой угольный склад, где железнодорожники бесплатно получают уголь по карточкам, а нежелезнодорожники покупают за гроши. Так что Жалтырь цивилизованная станция, где мы обосновались, где должна проживать и ты.

- Я сказала, что я не против, только увози меня, браток, отсюда побыстрей! Надо, чтобы и дети мои набирались в Жалтыре цивилизации...

Через несколько дней дядя Илья умчал в свой Жалтырь, а мы с мамой стали ждать, когда и кто приедет за нами и поставит свою тройку у наших ворот. Сентябрь минул, я занимался, делал уроки, заодно смотрел, как выводила буквы моя сестра-первоклашка. Точно так же она училась выводить и цифры от единицы до нуля. Она у меня ничего не спрашивала, да и я не интересовался ее первоклассными делами. Их, наверно, еще не учат сложению и вычитанию, а просто учат писать цифры от единицы до нуля.

Другое дело у меня: нас, четвероклассников, уже заставляют учить стихотворения и читать у доски с выражением. Этого требовала учительница, а мы понимали так, что надо читать громко, чуть ли не во всю глотку. Учительница поправляла нас: «Друзья мои, вы в стихотворение, смотря по смыслу, вкладывайте и свою душу! У каждого стихотворения есть своя душа, свой смысл, своя жизнь. Чувствуйте это умом и душой».

Не ведаю, какая там душа была у стихотворений, только я их, паразитов, любил. Читал я их здорово, на что учительница заметила, что я их просто декламирую. Ну, декламатор из меня, что из моей сестры баба-яга, однако декламировать стихи я любил. Какая-то учительница сказала, что такой талант дается больше актеру, но до актерства мне в то время уж точно было, как до Лондона пешком.

Не знаю, как бы дальше шли мои школьные занятия, только в один из октябрьских дней к нашему дому подкатила обыкновенная крестьянская бричка, запряженная одним-единственным конем. На бричку мы с мамой и нашим возчиком бросили все наши узлы и зеркало, закутанное в байковое одеяло, и всей гурьбой погрузились в повозку. Никто нас не провожал, так как никто ничего не знал о нашем отъезде. Возчик сел за вожжи, и наша телега покатилась по пыльной дороге в сторону ветлечебниц, откуда по степному безбрежью сворачивала на Сабунды, Караегин и еще какие-то аулы, о каких возчик говорил маме, а я лишь прислушивался да что-то мотал себе на ус.

Мы с сестренкой удобно сидели на своих узлах. Лошадь бежала умеренной рысью, возчик ее не погонял, не хлестал, а только хлопал то правой, то левой вожжой по конской спине. За нами мог бы угнаться любой бегун, для какого бег не соревнование, а здоровое удовольствие для себя. Мама беседовала с возчиком, а сестренка так глотала из бутылочки простую колодезную воду, какой мама набрала как бы не десять бутылок из-под водки. Я почему-то больше смотрел в степную даль. Про себя думал: имеет ли степь какие-то границы?

Мы проехали уже целый день, уже солнце катилось к закату, а на пути ни одного поселения. Правда, вдали от дороги встретили несколько юрт, но до них было далеко, и возчик не стал к ним заворачивать. Наш возчик, видно, знал свой путь и потому никуда не съезжал.

И правда, в набежавших сумерках мы въехали в какой-то маленький аул и остановились у какой-то хозяйки. Зашли, поздоровались. Возчик делал это на казахском языке, как и наша матушка, какая шпрехала на казахском, как Пушкин на русском. Матушка с хозяйкой быстро нашли общий язык.

Мужчин в доме не было, были лишь две женщины и двое детей, наших с сестрой ровесников. Мы с сестрой не знали ни слова по-казахски, а дети-казахи - ни слова по-русски. Однако мы как-то понимали друг друга, а взрослые вообще беседовали оживленно и даже азартно. Что было важно, нас хорошо покормили и напоили чаем, после чего уложили на толстой кошме.

Мы с сестрой провалились в бездну сна, а мама и возчик беседовали с хозяевами, может, до полуночи, только уже утром они были на ногах, разбудили нас с сестренкой, напоили чаем, и наша повозка затрусила по

той же пыльной дороге. Асфальтированных дорог я никогда не видел, но что-то вспоминал из журналов, где, кажется, они даже могли блестеть и сверкать на солнце. Наша же дорога только лишь пылила. Что удивительно, нас никто не обгонял и не ехал навстречу. Что это была за дорога, я не имел представления, но она существовала и была накатана, видать, такими же повозками. Оно и неудивительно: какие там машины и их шины в 1947-ом? Это я теперь задаю такой вопрос, а тогда, в мои десять лет, ни о чем подобном не мечтал и не думал...

К концу второго дня я желал, чтобы эта дорога когда-нибудь закончилась. Желали того же, наверно, и мама с сестренкой. Не представляю, как чувствовал себя за вожжами наш перевозчик. То ли это была его работа, то ли задание, полученное от дяди Ильи, только возчик свое дело знал туго, погонял лошадь, а на ночевке в селении давал ей какой-то корм. Нечто подобное нам пришлось пережить и во втором ауле. Уже тогда своим детским умом я понимал, как важно знать язык своей страны, где ты родился и крестился.

Не знаю почему, но в нашем ауле Кенбидаик в нашей школе казахский язык не преподавали ни в одном из классов - ни в 1944-ом, когда я пошел в первый класс, ни в 1947-ом, когда я уже был четвероклассником. Насколько было мне известно, братишка мой Иван окончил семь классов, а казахского языка не было и у них. Если глядеть с нынешней позиции, то в те годы образованием занималась Москва, и преподавание родного языка страны для русского населения она, очевидно, не предусматривала.

А мне хотелось знать казахский язык, потому как друзьями у меня были сплошь казахские ребята. Что удивительно, они по-русски лепетали все, а я по-казахски знал не более двадцати или тридцати слов, какими и оперировал. «Ассалам алейкум», «нан», «баурсак», «кош», «кол», «аяк», «бас», «апа», «тате», «карындас», «мен», «сен», «жаксы», «жаман», «жол» - вот и весь мой словарный запас. В разговоре они не произносились, потому как мы встречались и здоровались со словами «привет» да «здравствуй», а «аман» и «ассалам алейкум» не говорили. «Нан» (хлеб) был словом ходовым, но его мы не произносили, потому как ребята угощали нас баурсаками и круглой лепешкой-табананом молча, без всяких названий и предисловий. Я брал, ел, говорил по-русски рахмет, что и значило как благодарность. Друзья же мои по-русски шпарили, как отъявленные русские

богатыри. Про себя уже тогда я отметил, что я тупой, как сибирский валенок, хотя и ходил уже в четвертый класс.

В общем, в Жалтырь мы въехали на третий день нашего путешествия. Был день-деньской, и я впервые увидел железную дорогу и тот же живой паровоз, какой тащил за собой целую деревню больших вагонов. Стояли мы у переезда, где я смог посчитать эти вагоны. За паровозом их тянулось целых пятьдесят! Уже тогда своим детским умом я соображал, что железная дорога дает людям жизнь, а коль так, значит, ей надо будет поклоняться...

Что было дальше и как мне жилось с того 1947 года по нынешний 2016-ый, мною что-то уже говорилось в прежних моих книгах. Повторяться, думаю, незачем, да и скучно это будет для меня и для читателя. Скажу только, что за эти шестьдесят девять лет я оставил десятый класс и подался на целину, тут же прошел курсы трактористов и сел на новенький ДТ-54, поднимал целину. А поскольку был молод и умел шарить на баяне, после работы забавлял своих целинников на полевом стане современной музыкой и той, что пелась в те боевые целинные годы.

А дальше, если помните, я работал на комбайне моей матушки, какая была комбайнером, а я ее помощником, каких величали почему-то штурвальными. Два с половиной года отдал я целине, потом поступил в Акмолинское железнодорожное училище, какое и окончил в марте 1959-го. За нами, слесарями тепловоза, приехал кадровик из Агадыря и увез всю слесарную братию на свою станцию, в свое тепловозное депо. Это оно теперь только стало называться тепловозным, а два или три года назад было чисто паровозным, в каком паровозы крутились и ремонтировались с самого 1937 года. Только в 1957-ом им дали отставку, потому как поступила новая прогрессивная отечественная техника в виде тепловоза серии ТЭ-3.

Ее, эту серию, я и ремонтировал целых пятнадцать лет. За эти годы окончил десять классов школы рабочей молодежи - ШРМ, женился, родил сына, поступил и окончил заочно КазГУ и работал уже начальником отдела снабжения до ухода на мой «дембель» в 1999-ом.

Вот уже почти двадцать лет мы с моей Гульчатай на пенсии. В 2016-ом я отметил свои 79 лет, а женка моя Гульчатай пока только свои две семерки. Дай Бог каждому дотянуть до таких длинных лет! Через какие-то восемь месяцев мне стукнет уже восемь десятков, а через пару лет после меня моей Гульчатай исполнится столько же. По нашей договоренности, из на-

шего родного Агадыря мы не сделаем ни шагу в ту степь или куда-то на Алтай, куда нас сманивают дети. Они не хотят, чтобы мы одни старились в своем причале, они хотят нас досмотреть до гробовой доски у себя и самим закрыть наши глаза. Мы же решили не делать этого: пусть нам глаза закроет врач или медсестра, каким делать это не в новинку, так что не будем оригинальными и мы. Я по этому поводу даже ударил по стихотворению, каким повторюсь и в этом очерке:

А годы, парнишки, нас не щадят,
С годами мы резвость теряем:
То ноги скрутило, то почки болят -
Вот так мы в тиши помираем.

Но я не желаю тихонько заснуть
Сном неожиданным, вечным,
Хочу, чтобы около был кто-нибудь,
Хотя бы рассказчик беспечный.

Пусть будет усердным товарищ медбрат,
Какой и глаза мне закроет,
А за окошком пусть дети шумят
И в поле волчица завоет.

То будет по мне предпрощальная боль,
Я, может, и тем успокоюсь.
Я в жизни исполнил нелегкую роль,
Пред вами о чем и откроюсь.

А роль та была жизнь красиво прожить,
Белый свет повидать, родить сына,
Чего не случится - не слишком тужить
И судьбу не считать в том повинной.

Насчет того, чтобы писать о себе, что делали великие мира сего, я не думал о том и не гадал. Знаю, что в миру есть такие произведения, в каких

авторы рассказывают всем и на весь белый свет, где родились и где крестились, кто были их отец и мать, братья и сестры и все люди, какие окружали их всю их жизнь.

Попался мне в руки трехсотлетней давности Жан Жак Руссо и его «Исповедь». Прочел ее. Умеет красиво говорить автор о себе и о своем времени, но как-то все скучно, однообразно. Однако писатель умел найти храбрость, чтобы сказать: «Я хочу показать своим собратьям одного человека во всей правде его природы, и этим человеком буду я, я один. Я знаю свое сердце и знаю людей. Я создан иначе, чем кто-либо из виденных мною; осмеливаюсь думать, что я не похож ни на кого на свете. Если я не лучше других, то, по крайней мере, такой, как они. Хорошо или дурно сделала природа, разбив форму, в которую она меня отлила, об этом можно судить, только прочтя мою исповедь».

Да, начало книги занимательное, какое поневоле навострит читателя на всю человеческую исповедь всего лишь одного человека из всего окружающего мира. Этим человеком и был Жан Жак Руссо во всей книге повествования от первой страницы до последней.

Я подумал: а почему бы и мне не сделать нечто подобное? О себе, конечно, я не могу столь откровенно, нынче просто не то время. Кому это интересно, где я родился и где крестился, кто мой отец и мать, какого они роду-племени? У Руссо так это получается свободно, притом литературно красиво. Конечно, можно и мне сказать, где я родился и крестился, какие были мои первые годы детства - ну, первые классы школы до десяти-двенадцати лёт... А там уже наступит собственное мышление, свои взгляды на себя, на друзей, на людей вокруг тебя. Нечто подобное у меня уже было, и я отобразил их в своих книгах. В романах и повести есть, конечно, я и мои друзья, только, естественно, под другими именами, что и предусматривает наша художественная литература.

Вообще, у литературы небывалые возможности, почему и надо ими пользоваться. В романе Александра Фадеева «Молодая гвардия» нет вымышленных имен, там все имена подлинные, отчего роман и был принят читателем как драгоценный памятник героям-молодогвардейцам. Молодогвардейцев нет, но память о них будет жить в сердцах их современников и их потомков, не одно тысячелетие, как жива память о Троянской войне, о восстании Спартака, о времени и людях знаменитого золотого руна...

Писать о себе и правда надо уметь. Руссо умел, и он это сделал. Он исповедался перед людьми, обществом, перед современниками и перед потомками. Такого я сделать не могу, хотя и хочу. Пусть не так, как Жан Жак, но все же близко к нему. Попытки были, они есть и теперь, но время меняет жизнь и людей. Фиксировать эти изменения может только история, а простой смертый вроде меня может идти лишь на ее задворках.

Нечто подобное Жану Жаку Руссо сделал и Илья Эренбург в своей большой четырехсотстраничной книге «Годы, люди, жизнь». Прочел я этих людей и их жизнь. Да, большая была жизнь у писателя! Он воевал, до войны и после нее объездил полсвета, бывал в Чили у писателя Пабло Неруды, какому даже вручил премию мира. Бывал он и в Аргентине, в Латинской Америке, в Индии, в Японии, в Китае. Илье Оренбургу было что сказать в своей книге, потому что встречался он с писателями мирового имени и с руководителями некоторых государств. Все эти встречи и составили жизнь писателя, о чем он и поведал.

У меня ничего подобного не было, потому как я по жизни был мелкой сошкой, какая не пашет, а снимает лишь верхний пласт земли. Видно, такой пласт снял и я, на каком не прорастет никакое растение. В свои восемьдесят я нигде не бывал, ничего не видал, а потому мои стихи и мои книги слишком мелки и малозначительны. Издательство, однако, издало мои книги по моей просьбе в двадцать-тридцать экземпляров. Раздал друзьям и родне - и до до свидания... Белый свет же о моих книгах понятия не имеет, как не имеет сам Агадырь и моя большая Караганда, какая эти книги и выпустила в белый свет.

Удивляюсь и завидую писателям и поэтам Казахстана, каких издательства выпускают тысячными тиражами. Издательство «Жазушы», например, выпустило в свет семидесятистраничную книжицу большого поэта Казахстана Владимира Гундарева «Светлынь-река» - в 1980-ом, семитысячным тиражом. Знал я этого поэта, встречался с ним, он даже редактировал мой роман «Годы Орлиные». Господи, куда девать столько? Если бы мои книги издали даже в сто-двести экземпляров, я понятия не имел бы, куда с ними деваться. А двадцать-тридцать свободно раздал друзьям и родне. Думаю, они их просто пролистали, потому как ни слова не сказали: это, мол, хорошо, а это надо бы по-другому... А все потому как нынче книг почти не читают, ударяются в Интернет и прочие ноутбуки.

Нет, и правда, куда девать, скажем, тысячу экземпляров? А если пять да десять? Если издательство позаботилось и как-то направило эти книги в торговую сеть, то другое дело, значит, автор получит какой-то гонорар. Господи, вот если бы мои семь книг кто-то да приобрел! Наверно, я бы тоже получил какую-то денежку и смог бы подарить жене большой толстый ковер, о чем она мечтает, а не тот два на три, и то не ковер, а палас, какой приспособлен под ковер. А что? Дешево и сердито. Стены не голые, да и вид приличный. Подарил бы я женке и зимние сапоги, какие кусаются аж в пятнадцать тысяч тенге. Но треть пенсии за сапоги - слишком жирно, считает она, потому обходится другими сапожками, скажем, войлочными, какие тоже хорошо греют.

- Твоя пенсия, - говорит жена, - не слишком ушла от моей, потому с сапогами можно и подождать. Не будем, муж мой дорогой, шиковать. Хочется, конечно, и детям как-то помочь, послать какие-то десять-двадцать тысяч на их доблестный Алтай. Хотя они не жалуются на жизнь, ничего не просят, все равно интересно как-то осчастливить своих отпрысков.

Что меня смущает и обижает, так это моя жена советует прекратить всю мою писаницу, которая, по ее словам, никому не нужна. Агадырь, мол, о тебе ничего не знает, хотя твои книги лежат в поселковой библиотеке. Не знает и сама Караганда, хотя она и тиснула эти книги.

- Век нынче, Абдрахман Калкенович, не литературный. Век нынче компьютерный, ноутбуковский да интернетовский, а ты так тратишься на свои книги! Кому они нужны? Ну, отбросишь ты копыта, и, думаешь, о тебе вспомнят как о писателе? Ты, я вижу, этого как раз и добиваешься. Хочешь, чтобы тебя помнили как Есенина или Блока, Твардовского или Исаковского? Да тебе до них, как до Лондона пешком! Песни Исаковского так поют уже пятьдесят лет, Василий Теркин навсегда останется в мировой литературе, а твои «Годы Орлиные», книги козлиные, «Жизнь моя забубенная», «Судьбы натянутая нить», «Пестрые письма», «Мои агадырские зори», «Жизнь ты, жизнь», «Жизнь на ладони» кому нужны в наше такое не иначе как прагматическое время? Только тебе эти книги и нужны. Так что, дорогой, давай завязывай с ними, выиграем все мы и наш семейный бюджет!

Подумал: где-то моя Гульчатай и права, только писать я не брошу. Пусть буду писать для себя и даже печатать для себя. Закрою глаза, так друзья и

родные все равно вспомнят. У нас ведь часто случается, что о мертвых даже больше и слаще говорят, чем о живых. Мечта моя ближайшая - издать последние мои четыре книги, а там и правда надо завязывать. Права женка, надо экономить! Говорят же, послушай женщину и сделай наоборот. Но после этих четырех книг делать наоборот я не буду, послушаю мою Гульчатай Калкеновну и с писаниной завяжу.

С писаниной ладно, а что делать со стихами, какие давят меня днем и ночью? Да черт возьми, ну куда деться хотя бы от этих?

Нынче я опять с Есениным столкнулся,
Он что-то о котенке на лежанке говорил,
Который на лежанке не раз перевернулся
И с бабкиным клубком невнятное творил.

Он лапой его гнал к бабушкиной прялке,
А потом у прялки лапою крутил,
Он с клубком играл, точно в кошки-мышки,
А потом бабуле его же и дарил.

Сейчас бабки нет, как и того котенка,
Посколь как пробежало много-много лет,
Из того котенка сшили шапку-кепку,
Какую износил поэта разудалый дед.

Да разве только это стихотворение меня донимало? Донимают и нынче всякие, какие приходится записывать даже втихаря от своей Гульчатай. Не любит она, когда я схватываюсь ночью и иду к своему журнальному столику, что в другой комнате, включаю свет и колдую свои вирши, бывает, до самого утра. Женка спрашивает: чаевничать будешь? Я соглашаюсь, она успокаивается. Успокаиваюсь и я, бросаюсь в постель, отсыпаюсь, а потом уже ревизирую, какую я там ахинею состряпал. Что-то правлю, что-то вычеркиваю, а все идет так, как я записал в ночные часы. Не знаю почему, а ночью почему-то лучше работается. То ли отрешаешься от мира сего, то ли ночью складнее работает голова, но ночью я сделал не одно свое стихотворение.

- Давай, дорогая жена, договоримся о следующем. Ты вот кто была до замужества? Правильно, Анна Петровна Катенкина, а я - Павел Андреевич Попцов. Сейчас ты Анна Петровна Попцова, сын у нас тоже Попцов, внуки и подавно Попцовы, так что наш с тобой род продолжается, а это значит, что жизнь идет, идем по жизни и мы с тобой. Из-за чего я затеял этот разговор? Мы стобой уже почти по двадцать лет как на «дембеле», за какие, сама видишь, как колоссально изменились люди. Во-первых, отдал концы СССР, народился СНГ, в каком живем мы с тобой, наша республика и прочие, что были при Союзе.

Наш Казахстан в этом СНГ на хорошем счету и даже в передовом отряде, как Россия и Белоруссия. Все наши СНГэвские республики теперь имеют свои собственные республики, свои границы и свою независимость. Неведомо, что повлияло на людей, но они кардинально изменились. Сейчас мы часто слышим: воруют детей и куда-то их продают, даже за рубеж, роженицы так и вовсе бросают новорожденных на помойки, в туалеты, а из жалости - так у подъездов домов. Мы ходим по улицам и наверняка видим этих людей, не ведая, однако, что у них на душе и за душой.

Старые бабки говорят, что люди стали злые. Они могут посмотреть на тебя и как-то сглазить, мысленно позавидовать тебе и пожелать несчастий и чтоб у тебя не водились тенге, и чтоб они каким-то образом перебегали к ним. Женщины так могут присушить твоего мужа, что уже было, есть и будет, пока существует этот раздробленный и неладный СНГ.

Так вот, уважаемая женушка, давай договоримся называть себя чужими именами, скажем, киношными или какими-то другими. Бабки говорят, когда у нас будут чужие имена, все заговоры, присушки, пожелания несчастий, зависть падут на те имена, какими вы кличетесь, а ваши собственные обойдут, и мы будем с тобой жить-поживать и добра наживать. Давай на первый случай дадим тебе имя из «Белого солнца пустыни» - Гульчатай, Батима, Кадиша, а мне из какого-то другого фильма, из каких мне запомнились Сегизбай, Курманбай, Темирбай Калкенович, Абдукарим Сегизбайулы и другие.

Думаю, бабок надо послушать. Есть из них такие проныры, какие на месте подметки рвут, знают душу людей и знают, на что эти люди способны. Так что, дорогая, давай прямо с сегодняшнего дня будем привыкать к

новым именам! Конечно, на людях будем именоваться собственными, а дома - как советуют эти мудрые бабки.

- Раз ты веришь каким-то припадочным бабкам, то давай так и будем делать, Сегизбай-оглы...

- Вот и лады, Гульчатай Калкеновна. Рад, что у тебя ум на правильном пути!

По правде, не думал, что моя Анна-Гульчатай так легко согласится с моим предложением. Я знал и читал где-то, что женщины удивительно своеобразный народ. Упрется в свою мысль и скажет: чего ради? Ты веришь каким-то бабкам, какие не иначе как выжили из ума и надумывают всякие небылицы..

А ведь нечто подобное, схожее с бабкиными советами, слышал я в молодости от одной цыганки, какой даже заплатил какие-то денежки советского образца, после чего цыганка и вовсе раздухарилась и поведала мне энциклопедию нашей будущей жизни. Век нынче меняется, изменяются и люди, причем в худшую сторону. А все как станут жить богато, свободно и независимо. Богатство людей просто испортит. В мире утвердится частное производство, будут частные школы, больницы, фабрики, предприятия, частные магазины, столовые, рестораны, частные парикмахерские, дома быта, музыкальные школы, частные автомобильные и железные дороги, частные корабли и самолеты. У людей появятся свои леса и озера, свои поля и земельные наделы со своими домами и зданиями. Все будет так, как в капиталистическом мире.

Откуда все это было известно цыганке - Бог весть, только все получилось так, как она предсказывала. Подумал: каких только людей не рождает жизнь! Ведь та цыганка на много лет вперед видела то, что мы имеем теперь. Не знаю, дожила ли та цыганка до наших дней. Если бы я встретил ее сейчас, то, честное слово, отдал бы ей половину своей пенсии. Вот отдал бы, а сам перешел на хлеб и воду до следующей пенсии... Неизвестно, где теперь блуждают цыганские таборы и сохранились ли они в наше время, в наш СНГэвский век. Наверняка нынче и цыгане хотят жить оседло и богато, потому как новый век заставляет и их думать и жить по-современному.

Сравнивая прошлую жизнь с нынешней, я вижу в нынешней у нас много богатства и роскоши. Раньше, как помнится, на весь такой большой поселок были одна-две частные машины «Победа», а теперь чуть ли не у каждого третьего-четвертого. А машины-то сплошь заграничные, импортные, красивые и скоростные, могущие выжать двести и за двести километров в час. Наши же «Жигули» двухдверные и в подметки им не годятся, но все равно их покупают, не иначе как из-за бедности.

Не знаю, как в других местах, а в Казахстане скоро каждая семья будет иметь собственный «Мерседес» или «Вольво», потому как мы живем побогаче разных корейцев да китайцев, украинцев да поляков, венгров, чехов да всяких греков с турками. А почему? А потому как мы умеем жить. Мы анализируем жизнь наших предков до абаевского времени и берем лучшее из того, чем жили они. Из нынешнего века мы тоже берем лучшее у передовых стран и передовых народов. Учиться ведь никогда не поздно, о чем говорили передовые люди человечества и современные мудрецы.

Эти вдруг набежавшие мысли я записал в своем дневнике и пометил: «3 июля 2016». Делиться ими с Гульчатай не стал, просто не стал утруждать свою старушенцию своими писательскими похождениями. Она к ним, по правде, относится весьма негативно, мотивируя свою неприязнь тем, что писать я начал в свои семьдесят лет, тогда как настоящие писатели в это время жизнь свою заканчивают, оставляя после себя целые письменные сокровища. Достоевский прожил всего лишь какой-то шестидесятник, а сколько оставил? «Бедные люди», когда ему было двадцать пять, «Белые ночи» - двадцать семь, «Неточна Незванова» - двадцать восемь, «Записки из мертвого дома» - сорок, «Преступление и наказание» - сорок пять, «Идиот» - сорок семь, «Бесы» - пятьдесят, «Подросток» - пятьдесят четыре, «Братья Карамазовы» - пятьдесят восемь, а «Дневник писателя» так и вовсе закончил в год своей смерти, хотя писал его целых восемь лет.

- А ты, Абдрахман Калкенович, чего написал за свои восемьдесят лет? Где тебя носило в двадцать пять, в тридцать пять и сорок пять, в пятьдесят пять и шестьдесят пять? И вот только в семьдесят пять ты вдруг растелился и издал свой роман «Годы Орлиные». Не знаю, что в нем, но я ничего не слышала от тех, кому ты этот роман подарил. Знаю, что раздарил все пятьдесят экземпляров, и ни один из этих полета читателей не сказал о твоем романе ни одного путевого или беспутного слова!

Пришлось призадуматься над словами жены. Правда, ну почему ни один агадырец и ни один карагандинец не сказал о романе ничего вразумительного? Все-таки в романе четыреста пятьдесят страниц, значит, в

нем было немало людей, какие что-то думали, что-то делали, что-то совершали. На четырехстах страницах их надо было куда-то водить и показывать, что они делали, что говорили, о чем думали и мечтали. Я-то знаю, о чем они думали-мечтали, что делали и какие у них планы по жизни, о чем в книге и рассказал, а вот что понял из написанного уважаемый читатель? Роман ведь для него делался, а не для автора. Вот и разберись с нынешним народом...

А по сути, нынче тут и разбираться нечего, поскольку нынче век вовсе не книжный, а электронный, компьютерный и интернетовский. Всем нынче правит Интернет. Я лично в этом Интернете, во всех ноутбуках, планшетах и мобильниках тупой, как сибирский валенок, ничего в них не смыслю и отдаюсь лишь своему крестьянскому железнодорожному телефону, на какой звонят с Алтая дети и внуки, а из местного населения когда-никогда Караганда покличет да кто-то из друзей моей Гульчатай. Конечно, это бывшие подруги, теперь такие же бабки.

У моей Гульчатай есть преимущество: у нее есть муж, то есть я собственной персоной, ее Паша, а у подруг мужей нет. У них они почти все умерли, причем давно, потому как были в большинстве машинистами паровоза, тепловоза и электровоза, а люди этой профессии живут крайне мало. Недаром ведь и «дембель» для них установлен был за все годы существования СССР в 55 лет. В Казахстане нынче для людей этой профессии «дембель» завышен до 59 лет при условии последнего года работы перед пенсией только на локомотиве. Насколько известно, в России и теперь «дембель» для машинистов локомотива держится на том же 55-летнем уровне.

Насчет телефона моя бабка так благодарит старое коммунистическое время, какое поставило в ее доме телефон как начальнице. Прошло после того целых полета лет, когда с телефонной связью было не шибко - просто не хватало номеров. Это сейчас ставь его и в доме, и в гараже, и на даче, а то и в своей юрте.

Как бы ни было, а в местную библиотеку я сдал все семь своих книг. Постоянно спрашиваю у библиотекарши: как там дела с моими книгами? А никаких дел нет, не берут их читатели, не читают, даже не интересуются автором, какого они видят на своих улицах как бы не ежедневно. А книги лежат не в створе на полках, а на большом библиотечном столе с современными печатными новинками.

Мои - тоже новинка, притом книги мои удивительной типографской красоты, в твердой и мягкой обложке, с портретом писателя на самой обложке под названием книги. Свой подобный неофициальный портрет я увидел на моей книге «Пестрые письма», за что просто кланяюсь редакционному фотографу, какой изобразил мой портрет красочным - меня, свободно сидящего на уличном стуле с палочкой.

Так вот, говорит библиотекарша, не привлекает читателей даже такой броский портрет автора, хотя я им разъясняю, что у нас в Агадыре свой собственный писатель появился, выпустивший аж целых семь книг, среди каких есть даже «Мои агадырские зори», что должно бы заинтересовать любого агадырца. И все равно не бросаются на своего земляка, а вот на Олжаса Сулейменова так бросаются по одному и скопом.

Ну, до Олжаса Сулейменова мне, как до Лондона пешком, однако что-то интересное есть и у меня. Это я так думаю и, наверно, мои издатели, а вот мнения читателей не ведаю, поскольку они меня просто не читают. Как их заставить - черт его знает. Если бы о моих книгах как-нибудь обмолвилась какая-нибудь газетенка, скажем, районного масштаба, то наверняка был бы какой-то толк. Но в газетах сидят журналисты, а они до Агадыря не знают дорогу.

Эх, чего там говорить, когда я все семь книг лично подарил редакции газеты «Индустриальная Караганда», какая на какого-то агадырца ноль внимания и два презрения! Из романов и поэтических сборников взять нечего для газеты, а из сборника очерков «Пестрые письма» можно было бы что-то выудить. Ничего этого не сделано и, наверно, не будет сделано никогда при жизни автора...

Насчет жизни автора тут нет никакого красного словца. Мне нынче стукнуло семьдесят девять, а через восемь месяцев так нагрянет вся круглая восьмерка. Глядя на агадырцев и соседних карагандинцев, редко встречаю столь древние создания. То ли они дома отсиживаются на своих балконах, то ли жизнь среди восьмидесятилетних сохранили лишь единицы, отчего их не видать ни на агадырских улицах, ни на карагандинских... На карагандинских так сплошь одни машины да вечно спешащий народ. А народ-то кругом молодой да красивый, щедро и красочно одетый, хоть в музей его веди! А все оттого, что он живет богато, даже роскошно, и я точно вижу в каждом карагандинце Рокфеллера. А чего карагандинцам

не уподобляться Рокфеллеру, когда кругом сплошь шахтерский народ, сплошь строители и заводчане, а значит, рабочий класс, какой жить бедно просто не умеет?

Не знаю, не знаю, но в Караганде какой-то особый народ. В своей областной столице я бываю часто по моим книжным и издательским делам, какими занимается местный издательский дом. Народ в Караганде исключительно доброжелательный и приветливый. Куда тебе надо - скажет, расскажет, укажет, на каком автобусе добираться проще и быстрее. В Астане я тоже бываю временами, но там народ другой, спешащий и занятый только самим собой. Как вам ехать - не посоветует, где находится то или это, не знает. А все как народ здесь в основном приблудный. Не то что в Караганде, где сплошь свой отечественный народ, для какого Караганда свой родной город, где человек родился, крестился, а приезжий - нашел свою судьбу, свою мечту и свое счастье. Своего счастья в этом городе касаюсь и я...

Еще большее счастье я получу, когда выйдут в свет последние мои четыре книги, какие я даже назову: прозаические - «Мои года» и «Пестрые письма», стихотворные - «Агадырские рассветы» и «Мой причал». Как будут выглядеть эти книги, я не представляю, но первые семь выглядят архипрекрасно, за что я кланяюсь издательскому дому и типографии, где эти книги делались. Вот где мастера своего дела!

Эти четыре книги наверняка будут последними. Все-таки мне уже восемьдесят, а в эти годы, по-моему, уже не пишут. Не знаю, писал ли что-либо в эти годы Лев Толстой ... Ну, Лев Толстой - величина мирового масштаба, он мог и писать в эти годы, а я Толстому и в подметки не гожусь.

Так что с писаниной надо завязывать и просто тихо ожидать своего последнего часа. Когда он придет - Бог весть, только, черт возьми, никак не хочется отбрасывать копыта! Вот хочу жить, чтобы что-то писать, чтобы видеть белый свет, мою Гульчатай, мой Агадырь и мою Караганду, какие просто придают мне бессмертие...

«ВОЙНА ПРОШЛАСЬ И ПО ДЕТСКИМ ДУШАМ»

Эту фразу как-то сказал мой приятель и коллега по совместной работе в локомотивном депо Агадыря Алексей Петрович Чеботарев. Этому самому депо мы оба отдали по сорок лет, из каких я так половину этого срока на трудовом «дембеле», а Алексей Петрович так все тридцать.

Первое время мы знались с Алексеем Чеботаревым только по работе. Я со своим слесарным народом оздоравливал тепловозы, а Алексей Петрович водил ими поезда. А уж более крепко сдружились мы, когда оба поступили в хоровой клуб ветеранов войны и труда «Магистраль», какой базировался, да и по сей день базируется в Караганде - Сортировочной. Агадырские члены клуба давали собственную концертную программу и у себя дома, душой какой всегда оставался Алексей Петрович.

Артистическое мастерство нарабатывалось в коллективе постоянно и позволяло давать концерты не только в Агадыре, но и на линии. В 1991 - ом клубу «Магистраль» было присвоено звание народного, отчего его даже пригласили выступать в Алматы в честь 50-летия Великой Победы в минувшей войне. «Магистрадьцы» влились в состав большого объединенного хора. В первых рядах столичного зала дворца имени Ленина находилось Правительство республики с Президентом Нурсултаном Назарбаевым.

А в Агадыре Алексей Петрович уже целых шестьдесят лет. Казахстан стал, по сути, его второй родиной. Ну, а первая, где он родился и вырос, было село Благовещенка Самойловского района на Саратовщине. Всю войну он с парнишками своих лет по указанию колхозного руководства следил и ухаживал за табуном из тринадцати лощадей, которых отдавали на всевозможные работы: весной распахивали огороды, в летнюю косовицу возили зерно от комбайнов. На току урожай обрабатывали на установках, какие крутили вручную, а затем Леша с пацанвой тринадцати-пятнадцати лет на бричках и всяких подводах отправляли хлеб в Самойлово на элеватор. Там женщины зерно затаривали в мешки, а молодежь на своем горбу - в общезерновой бункер. И так все военные годы...

После войны, на который сложил голову отец Алексея Петровича, были учеба и железная дорога, работа на паровозе и затем пять лет армейской службы на корабле в Севастополе, «дембель» и вновь работа на «железке» в Баскунчаке, на соляных выработках, затем в Ртищево, где он водил паровозы, а затем первые тепловозы.

В 1957-ом двадцативосьмилетним он прибыл в Агадырь, в какой его отправило высокое российское железнодорожное начальство после того, как в Карагандинском отделении Казахской железной дороги паровозный парк сменился в тепловозный. Помощь железнодорожников была обоюдная.

А дальше - агадырская жизнь, работа, женитьба, трое детей. С 1982 года агадырское депо перешло на электровозную тягу, на какой пришлось поработать и нашему ветерану. В 1985-ом Алексей Петрович «дембельнулся» на все сто процентов, но быть полезным для общества всегда было девизом Алексея Чеботарева. Железнодорожники его родного цеха эксплуатации избрали его председателем совета ветеранов, каким он является по сей день. А в свободное время - творческая работа со своими стихами. Такие из них, как «Кнопки только тронь» и «Война прошлась по детским душам», превратились в песни на свою музыку и свой напев. Звучали они со сцены родного поселка и на сценах других поселений.

В декабре текущего Алексею Петровичу стукнет восемьдесят семь. На слух - совсем немало, на деле же аксакал боевой и деятельный. Он участник и руководитель ансамбля «Сударушка», участники какого сплошь пожилой пенсионный народ. Известность у «Сударушки» широкая. Она известна не только Агадырю, но и окружающему населению. В коллективе всего двенадцать человек, но мал золотник, да дорог.

В предстоящие восемьдесят семь особых планов не намечается. Как говорится, жизнь покажет... Одиннадцать лет как Алексей Петрович схоронил жену и все эти годы проживает одиноко в своем большом трехкомнатном жилище со всеми удобствами, какое существует в Агадыре уже все сорок лет.

Наведываются к Алексею Петровичу друзья, приезжают и обе дочери из южной столицы. Приезжают и вспоминают их прошлую агадырскую жизнь, где они родились, пошли в первый класс, в десятый, получили аттестаты зрелости, и дальше южная столица стала их жизнью и судьбой. Отцу они поклоняются, что столько лет он один. Был он столько лет один, был

на десяток лет моложе - находились одинокие Данаи, но Алексей Петрович остается верным памяти такой далекой уже своей Тамаре. А дальше... Дальше жизнь распорядится, где закрыть глаза - у себя в Агадыре или у дочерей. Пока же он в объятиях с жизнью и считает, что быть пенсионером не есть наказание Господне.

Нынче пенсионер тоже может дать пример, как раньше давали коммунист и пионер. Коммунисты, как знает история, всегда первыми шли в бой, как и пионер Павлик Морозов проявил свою смелость. Нынешние пенсионеры не чета пенсионерам прошлых лет. Нынешние живут жизнью своей страны, жизнью прошлого и настоящего и никак не запираются в четырех стенах. Они знаются с людьми, со своим производством, где-то рассказывают молодым о своей жизни и просто завидуют им белой завистью, поскольку им предстоит временем и судьбой сделать текущую жизнь богатой и счастливой.

Алексей Петрович считает, что он на своих крыльях, я, его друг, - на своих, поскольку я выдаю эту статью для всех, тогда как несу на своих плечах крутую воьмидесятку. Так что нынешним пенсионерам мир должен просто поклоняться. Что мы с Алексеем Петровичем и делаем.

ЖИЗНЬ КАК ОНА ЕСТЬ

Писать о себе и говорить о себе - это уж точно надо уметь. Тут наверняка надо обладать литературным талантом, логическим и философским мышлением, чего у меня нет и вряд ли когда появится, поскольку у меня техническое образование. А поверь, так хочется рассказать о себе, о своей шестидесятилетней жизни! Не рекламы и выпячивания своей личности, а, может, просто назидание молодым.

А все потому, друг мой, что молодым у нас нынче кучеряво живется, то есть роскошно. Живем мы нынче хорошо, я бы сказал, даже богато. На мой взгляд, у нас в Казахстане сейчас полно Рокфеллеров и тех, кто даже может дать фору этому прошлому богачу. А все как у нас уже девять тысяч дней Независимости, нашей свободы, нашего стремительного шага вперед. Недаром же наш Президент говорил о ста шагах нашей страны к на-

шему благополучию, к нашему богатству, к нашей дружбе с народами всей нашей планеты...

Вот такая у нас произошла встреча с директором агадырского ТОО «Темиржолсу-Сервис» (какое прежде просто и доступно называлось «Агадырское водоснабжение») Бахытом Ахмедиевичем Смагуловым. Его мысли я прослушал, а дальше соображал, о чем думает наш юбиляр. Не от него лично, а от его рабочих я прослышал, что их бастыку 5 августа текущего года, то есть через несколько дней, исполнится большая шестерка. Понял, что это не иначе как круглый шестидесятник.

Понятно, для нас, мужиков, шестьдесят лет - это все-таки большие годы. До СНГ наша страна, да и все мужики Советского Союза уходили на «дембель» в шестьдесят лет, а женщины в полета пять. Наверно, это было правильно. В России эти годы остаются и по сей день. Говорят, что Россия якобы будет пересматривать эти сроки, но это только слухи. Говорят, что в Москве и кур доят, а я пошел и сисек не нашел... Но это все старые присказки, какие свое уже отжили.

Не буду говорить, где Бахыт Ахмедиевич родился и где крестился - о живых и боевых людях теперь это не принято. Скажу только, что учился Бахыт в Агадыре, после школы двухгодичная служба в армии, «дембель» в 1978-ом и работа в дорожном управлении, где он строил и обустраивал дороги. Агадырь в то время уже был «столицей» Агадырского района, а потому требовал к себе ухода и внимания.

Ну, хорошая работа - она и в Африке работа, почему Бахыт в 1979-ом переходит в «ГОРЕМ-29», какой с 1971-го строил вторую ветку железнодорожного пути «Караганда - Чу». «ГОРЕМ» был организацией многопрофильной, потому работы хватало всем. Одни тянули железнодорожную ветку, другие занимались строительством классического жилья. Отродясь ничего подобного в Агадыре не наблюдалось как бы не с самого 1937 года, когда возник Агадырь на железнодорожной ветке «Караганда - Балхаш», сданной в эксплуатацию в 1935 году. Были старые деревянные и каменные двухэтажки, около тридцати штук, а так главенствовало частное одноэтажье, какое, однако, всех устраивало. Жизнь шла, поезда ходили, Агадырь жил и обслуживал железную дорогу. На ней держалось абсолютно все. Железная дорога работала, как работали и железнодорожные магазины, столовые, больница, школа и даже знаменитый железнодорожный

клуб, где встречалась агадырская молодежь и сами агадырцы в кино или на каких-то общественных собраниях.

В свои годы пробивал свою дорогу и Бахыт Смагулов. В «ГОРЕМе» его назначили прорабом, и он усиленно строил 1-ый и 2-ой агадырские микрорайоны с двух- и трехэтажными домами панельного типа. В первом их было построено двадцать, а во втором десять сплошных трехэтажек.

Начальник «ГОРЕМ-29» Василий Яковлевич Кондратенко, какой в этой организации трудился с начала возникновения этого самого «ГОРЕМа» в 1942-ом на Рязанщине. «ГОРЕМ» восстанавливал пути, разрушенные фашистами, школы и больницы в местах, откуда фашистов изгоняли. «Горемовцы» трудились в поте лица на путях, на вокзалах, на строительстве жилья.

Агадырю как районному центру строительство микрорайонов придавало городской вид, а в новые дома вселялся боевой и трудолюбивый железнодорожный народ и народ из округи, поскольку в Агадыре всегда была работа. Начальник Кондратенко был доволен своим прорабом. Дома крупнопанельные, потому собирались быстро и эффективно. Какой-то месяц-полтора, и дом был готов от фундамента до крыши.

А все как прораб Смагулов знал, как настроить рабочих, монтажников, крановщиков, шел им навстречу и вообще не раз сам примащивал краном боковую степную панель с торцевой оконной. Быть с людьми, быть в среде рабочих не являлось обязанностью прораба, поскольку он мог дать задание бригадиру и куда-то отлучиться по своим делам. Не делал этого Бахыт Ахмедиевич, поскольку в нем была рабочая жилка, в нем жил рабочий человек, жил истинный Алексей Стаханов, какой добывал уголь на шахте аж по три и пять норм. Бахыт Ахмедиевич жил душой рабочего, а она у него была широка, как наши степные просторы.

С Бахытом Ахмедиевичем мы контактировали еще в «ГОРЕМе». Я был начальником снабжения, а потому Бахыт мог спросить с меня все, что ему требовалось для работы. Для отделки дома цемент керек? Известка керек? Керек. А лакокрасочные? Керек, притом коп. Конечно, я разбивался в доску, но доставал все, что требовалось, отчего союз снабжения и прораба, как писалось в районной газете «Агадырская новь», был нерушим. Сейчас эта газета, как и Агадырский район, ульде, то есть умерли в 1997-ом. Память же о них не сглаживается и по прошествии целого двадцатилетия.

Однажды я даже был у Бахыта Ахмедиевича на его сорокалетием юбилее. Тогда были живы его отец и мать. Гости поздравляли, поздравил сына большой речью и отец Ахмедия Смагулович. Ахмедия Смагулович крепко воевал, офицер, отчего грудь украшали много наград, среди каких прежде бросались в глаза три ордена Красной Звезды. Значит, боевой был солдат, смелый, с крепкой казахстанской степной закалкой. Теперь отца нет в живых, но память о нем жива у сельчан, какие его знали и любили. По их просьбе в Агадыре улица, на который и теперь стоит дом Смагуловых, назван его именем, именем активного участника войны, а на «гражданке» - обычного партийного работника.

Что теперь придает силы Бахыту Ахмедиевичу? Его работа по-старому начальником агадырского водоснабжения, какое влилось в какое-то ТОО «Темиржолсу-Сервис», какое и произносить-то не хочется. Стариной мы начинаем брезговать, а это нас просто не красит. Так говорит бывалый народ, а он свое дело знает туго.

Придает силы и его сын Манас Бахытович Смагулов, майор полиции Караганды, и дочь Жанеля, проживающая в Астане. Конечно, его друг, жена и хлопотливая хозяйка Роза, какая тоже пока еще трудится в локомотивном депо. У Бахыта «дембель» наступит через три года, уйдет на свой «дембель» и жена Роза. Как Бахыт будет на «дембеле» без своих рабочих Баумана Федора, Басуева Владимира, Жукенова Берика, Кикоть Светланы, Бекмолдаева Болтрика, Кох Валерия, Телец Владимира, каким он отдает себя без остатка?

Конечно, отдает себя Бахыт Ахмедиевич Смагулов без остатка и работе. Главное для него, чтобы в поселке была вода - вода в колонках, в каждом коммунальном доме, каких в поселке стало более ста, а населения так перевалило за он быр, то есть одиннадцать тысяч. Бывает, что вода куда-то уходит, где-то случаются прорывы, но люди и техника всегда начеку, потому у людей вода появляется, а вода, как сказано мудрецами, это жизнь. Ради этой жизни и отдаются силы, мысли, характер, желания и душа Бахыта Смагулова.

О ПИСАТЕЛЯХ - ПОЭТАХ

Известный в писательском мире писатель и поэт Сергей Наровчатов в свои пятьдесят два года в 1971-ом всеуслышание сказал и черным по белому написал в статье «Атлантида рядом с тобой»: «Почему я пишу стихи?». И сам же ответил: «Это потребность, а не заданность. Она пришла ко мне в детстве, развивалось вместе с юностью, стала привычной необходимостью в зрелости. Из чего рождается такая потребность? Видимо, из интуитивного стремления разобраться в окружающем мире, в его событиях, в самом себе».

Читая Наровчатова, я прознал одно: прожил поэт всего шестьдесят два года, родился в 1919 году и умер в 1981-ом. За свои годы захватил войну, воевал, был младшим офицером-лейтенантом. А дальше - журналистская работа, прозаические вещи и стихи. Что интересно, поэт в 1979-ом получил высокое звание Героя Социалистического Труда. Насколько помнится, за поэтический труд в СССР нечасто присваивали такое звание. Наровчатов, видимо, историческое исключение...

А по сути, поэт, видимо, стоил того. У него были произведения о войне, была философско-гражданская лирика, куда вошли сборники «Костер», «Полдень», «Мы входим в жизнь», «Василий Буслаев», «Лирика Лермонтова», «Необычное литературоведение». Находя что-то из названного в своей поселковой библиотеке, я читал, углублялся, завидовал. Хотя бы тому, смогу ли я сказать, почему пишу стихи? А Наровчатов сказал кратко, четко и понятно: это потребность, а не заданность. Потребность - это то, что приходило само собой на ум, без влияния внешних сил.

На Лермонтова, безусловно, повлияли внешние силы и события, вызванные дуэлью и смертью поэта. Безжалостной рукой был сражен большой поэт России, о котором уже знала и мировая общественность. В стихотворении «На смерть поэта» сказана правда о существовавшем тогда времени и о людях, стоявших у власти, о их политике и жизненной стратегии. Ничего подобного до Лермонтова о властях и людях высокого ранга, о их жизненной ориентации в общественной печати не говорилось и не писалось. Были попытки что-то изменить у декабристов, но чем все это

закончилось, мы знаем. Знает и история, поскольку ее не провести, не закрыть ей рот и всевидящие глаза.

Да, разные дороги у творческих людей. Наровчатов так стихами занимался с детства, конечно же, и в юности, а в зрелом возрасте так появилась потребность писательской деятельности, чтобы «из интуитивного стремления разобраться в окружающем мире, в его событиях, в самом себе».

Нечто подобное сказал о себе и знаменитый Жан Жак Руссо, который триста лет назад в своей книге «Исповедь» так черным по белому написал для окружающего мира: «Я хочу показать своим собратьям одного человека во всей правде его природы, и этим человеком буду я, я один. Я знаю свое сердце и знаю людей. Я создан иначе, чем кто-либо из виденных мною; осмеливаюсь думать, что я не похож ни на кого на свете. Если я не лучше других, то, по крайней мере, не такой, как они. Хорошо или дурно сделала природа, разбив форму, в которую она меня отлила, об этом можно судить, только прочитав мою исповедь».

Конечно, прочел я его. Умели триста лет назад писатели говорить о себе и о своем времени! Наверно, умеют и теперь... Сказали же нечто о себе тот же Наровчатов, Илья Эренбург. Наверно, есть и другие талантливые авторы, какие беседуют с читателем, как с другом. Ну, а от друга не принято ничего скрывать.

О себе-то я что могу сказать, да и нужно ли? Обо мне абсолютно никто ничего не знает, кроме пары-тройки друзей, таких же дедуганов, как и я, да нескольких человек из издательского дома, где выходят мои книги. На данный момент вышли пока семь моих книг, из каких четыре прозаические и три поэтические. Как бы там ни было, а друзьям я раздал два моих романа «Годы Орлиные» и «Жизнь моя забубенная». Что в них, говорить не буду, но я вложил в них всего себя.

Что удивительно и чего я никак не ожидал, второй роман даже был напечатан в журнале «Нива», в июньском и июльском номерах. В последнем было сказано: «Окончание в следующем номере». Следующий августовский номер как раз и не вышел, поскольку журнал просто закрылся, а вернее, его закрыли какие-то силы. Так что окончания моего романа читатель никогда не дождется, поскольку минуло уже четырнадцать месяцев, а «Нивы» до сих пор нет.

А она ведь выходила и дружила с авторами и читателями целых двад-

цать пять лет. Основанный большим поэтом Казахстана Владимиром Гундаревым и выходивший все это время под его редактированием, после смерти Владимира Романовича в 2012-ом журнал просуществовал все лишь три года и закрылся. Причин закрытия читатель не знает и вряд ли узнает когда-либо. Тысяча подписчиков и сегодня негодует по поводу закрытия журнала. Другой казахстанский журнал, «Простор», с таким же количеством подписчиков существует и поныне, а вот «Ниве» почему-то сделали харакири.

Чья это была инициатива - неведомо, только высоким властям следовало бы знать, что читатель за двадцать пять лет общения с «Нивой» сроднился с ней, полюбил ее и даже доверял ей свою судьбу. «Нива» уподобилась некрасовскому «Современнику» и всегда оповещала о том, чем жила наша страна, наш независимый Казахстан, наш красивый и любопытный читатель.

О себе же я, как Жан Жак Руссо, Наровчатов, Эренбург, говорить ничего не буду. Во-первых, я мелкая сошка в писательском мире и не представляю, как писатели становятся известными чуть ли не по всему миру. Ну, не сказать что не представляю, а просто не знаю, как, скажем, издательство «Жазушы» издает казахстанских авторов десятками тысяч экземпляров. Издает и, наверно, какими-то путями отправляет их в торговую сеть.

Я же издаю свои книги в двадцать-тридцать экземпляров, забираю их и раздаю друзьям и родичам. А друзья такие же дедуганы, как и я, да и их-то можно пересчитать по пальцам одной руки. Родня - тоже не разгонишься: сын и двое его детей, брат тоже с двумя своими балысятами, сестра с сыном, какой любит баян, а не книги, сестра жены с двумя своими взрослыми дочерьми. Подарил я свои книги и поселковой библиотеке. Вот и все.

Посчитайте - все мои книги и разбежались. Что удивительно, я не встречал таких красивых красочных книг с цветным портретом автора на обложке, какие мне вручает «Классик». Не представляю, как это умеют делать в карагандинской типографии «Арко», за здравие какой я молюсь своими старческими молитвами и желаю, чтобы все они были здоровы и счастливы и все стали миллионерами.

А мои такие красивые, привлекательные книги, как мне докладывает библиотекарша Галина, не взял и не прочел ни один агадырский поселя-

нин. А книги-то лежат на длинном библиотечном столе, где размещаются все новинки. Одна их красота и портрет автора должны бы привлечь читателя и посетителя библиотеки, так не привлекают! Берут Олжаса Сулейменова, Абая, Сакена Сейфуллина, современных авторов, а меня не берут. Из одиннадцати тысяч агадырского населения меня прочли максимум пять.

Не представляю, что бы я делал с книгами, скажем, в сто или двести экземпляров. Ведь не будешь их раздавать каждому встречному-поперечному, поскольку посчитают, что я слетел с катушек. Вот если бы их как-то толкнула торговая сеть и вручила бы мне какую-то денежку, то я уж точно пустился бы в пляс и женке преподнес бы в подарок какой-нибудь палас или ковер или какое-нибудь экзотическое кресло, какими она любуется в мебельном магазине. У нас в доме есть два кресла, но им не иначе столько же лет, сколько и нам с женкой. По молодости, когда работали, что-то брали, как-то обставлялись, а на «дембеле» не слишком разгонишься. Пенсия - она ведь и в Африке пенсия, потому приходится довольствоваться стариной, хотя старый конь борозды не портит, но мелко пашет ...

Семь книг сделаны мною за три года. В 2015-ом вышла последняя - стихотворный сборник «Жизнь на ладони». Не знаю, чем меня порадует 2017 год, а вот в 2016-ом я родил еще шесть книг. Четыре из них в издательстве в работе, а две пока на руках. Обе поэтические, но я ими доволен.

Не ведаю, как примет их издательство, только рожал я их в мои семьдесят девять. В такие годы голова, наверно, не так варит, но в стихи вложена моя последняя душа. Что в ней найдет «Классик», не представляю, но я этой душой жил и выплеснул то, что она выдала. Заметил, что до моих сегодняшних лет немногие доживают. Из моих друзей в Агадыре - так трое, им книги я как раз и дарю. Есть еще пара-тройка подобных мне, но мы больше переглядываемся, редко здороваемся, а то и вовсе проходим друг подле друга молча. Молчание - это и правда знак согласия, говорящий о том, что друг в друге мы не нуждаемся...

Как мне удается дотянуть до самой восьмерки, не представляю, хотя я, черт возьми, все-таки довоенного производства. Мои ровесники и друзья по бывшей работе так давно уж отбросили копыта, не дотянув даже и до классических семидесяти. На «дембеле» покувыркались пару-тройку лет и потом отчего-то закрыли глаза навечно. Вроде болезнь их не брала, и ни в какие аварии они не попадали, а вот смотри же ты, кувыркнулись и

не проснулись... То ли это сказывается поездная работа на тепловозах, на электровозах, то ли современный космос отбирает у людей здоровье, только люди стали копытиться раньше, чем прежде. Словом, нынче люди не слишком заживаются, а все как мир стал не тот. Этот мир заполнен машинами да машинными выхлопами, радиационной наполненностью нашей атмосферы, какие как-то да задавливают человека.

Удивляюсь больше тому, как я в свои семьдесят девять с гаком могу еще как-то поэтически мыслить. Через какие-то полгода мне стукнет большая восьмерка, а это уже что-то. Жизнь, по сути, прожита большая, и если я издам и последующие шесть книг, значит, жил я не зря.

С большой восьмерки не думаю, что я ступлю на большую девятку. Не то нынче время, хотя ступить на эту девятку мне ничто не мешает. Не пью, не курю, занимаюсь зарядкой и ежедневными пятью километрами. Ноги, слава Богу, еще носят, а это уже есть победа. Недвижимый человек - это уже все, это предсмертная предтеча. Этого я не хочу и этого боюсь до ужаса. Лучше заснуть и не проснуться и никому не мешать, ни жене, ни близким родственникам. В кино видел нечто подобное, по жизни - слышал. Не доведи Господи!..

Насчет шести моих последних книг ничего сказать не могу, я их еще в глаза не видел. Какими они будут, не знаю, и примет ли их издательский дом, не ведаю. Ерундистику этот дом уж точно не примет, а что у меня наворочено, сказать не могу, пусть о том думают специалисты, они в этом доме сплошь и рядом. Мне лишь стоит им поклониться за прежние мои книги, какие сделаны с большой душой, с большим умением.

О писателях-поэтах дальше я говорить не стану, поскольку у меня на то не хватит тяму. У Наровчатова так это получалось классически, особенно когда он говорил о Лермонтове, Андрее Вознесенском, Юлии Друниной, авторе «Каховки» Михаиле Светлове. О книге Юлии Друниной «Тревога», в которой были собраны ее лучшие стихи, поэт Наровчатов сказал: «Первые ее страницы - это скупая исповедь щедрого сердца девочки-подростка, которая прямо со школьной парты шагнула в сырой блиндаж».

Худенькой нескладной недотрогой
Я пришла в окопные края,
И была застечивой и строгой
Полковая молодость моя...

Ну, а я со школьной парты подался не в окопные края, поскольку война уже десять лет как закончилась, а на целину, где был один суровый закон - работа, какой я отдавался со всей страстью, умением и комсомольским напором. Целина таких работников ценила и вознаграждала. Был и я на доске почета и награждался разными почетными грамотами. Целина закаляла волю и характер, учила дружить и быть нужным на любом участке работы. Два года отдал я целине, а дальше жизнь и молодость делали свое дело.

О том, кем я стал, мною уже где-то говорилось. В большое начальство я не вылился, хотя и отдал железной дороге сорок лет. Слесаришкой с пятнадцатилетним стажем и инженеришкой по снабжению с двадцатипятилетним я так и остался и докатился с ними до «дембеля», на каком бултыхаюсь уже почти двадцать лет.

Что удивительно, почему-то с 2013 года ударился в поэзию, которую прежде только любил, а не соображал, как ее складывать, как римфовать слова. А тут не иначе как сам Лермонтов с Есениным навалились на меня и придавили дуновением своей поэзии. Что-то я читал у Исаковского, у Твардовского, у Друниной, забирался даже к Пушкину в его Михайловском. Смотрел я на них с восхищением и любовью, а они видели во мне не более как Митрофанушку и Обломова. Однако во мне прорезался молодой Есенин, и я начинал вытворять современную поэзию с ее современным климатом...

За свои пенсионные годы наработал я тринадцать книг, из каких шесть пока и в глаза не видел. Какой им вид придаст «Арко», не представляю, но живу надеждой, что и эти книги не подкачают. Делать плохо «Арко», наверно, не умеет, потому я и эти последние свои книжки прижму к сердцу и, как сказал поэт, зацелую допьяна.

ПИСЬМО БОЛЬШОМУ ЧЕЛОВЕКУ

«Уважаемый Руслан Смыков!

Нынче такой век, что многое в жизни радует. Нас, пенсионеров, так радует ежегодное повышение пенсий, внимание властей к их житью-бытью. Мы в нынешнем Казахстане ну просто кучеряво живем. Простые труженники и даже пенсионеры разъезжают по Турциям, Германиям, Франциям, где просто отдыхают, наслаждаясь красотой и запахом чужой страны, обычаями и жизнью простых людей, заодно сравнивая свою жизнь в своей стране.

Кто был в тех странах, говорят: у нас в Казахстане лучше. Лучше тем, что мы общаемся, знаем друг друга, говорим на одном языке, понимаем собеседника, и тем, что мы всегда придем на помощь тем, кто в ней нуждается.

В мой довоенный век, когда я родился в ауле Кенбидаик Кургальджинского района Акмолинской области, в целинный век и последующие годы до распада СССР, такого заграничного путешествия позволить себе мы не могли, потому как, не будем скрывать, жили с натягом, вовсе не роскошно. Нам, старым людям, бросается в глаза наше нынешнее казахстанское житие, при каком как бы не третий-пятый житель страны рассекает воздух на собственном автомобиле. Раньше, в мое время, самые зажиточные умудрялись скопить и выкроить не более как на мотоцикл. Так что разница в том, как мы жили прежде и теперь, разительная.

Да, нынешнему поколению можно позавидовать. Нам, старикам, можно позавидовать тоже. Хотя бы тем, что наши дети и внуки живут в роскоши, ездят на собственных машинах, работают, зарабатывают и в свое удовольствие блукатят по белу свету. Нам же, зейнеткерам, для полного своего счастья остается смотреть красивые телефильмы и душевные передачи типа «Играй, гармонь».

Не хотелось Вас обременять сразу, Руслан Адамбаевич, этой самой «Играй, гармонь», только передачи этой на «Первом канале» Казахстана нет уже как бы целых четыре года. А она ведь шла на этом самом «Первом» с первых моментов появления этой передачи на российском телевидении

в 1986-ом, когда породил ее сам Геннадий Заволокин. Тридцать лет она крутилась и крутится по белу свету от Дальнего Востока до Белоруссии и Украины, до кавказских хребтов и полей Кубани, до волжских просторов и Центральной России с незабвенной Москвой.

Была она, между прочим, и у нас в Казахстане, в Кокчетауском, если не изменяет память, регионе. Ах, какая была встреча, как звучали домбра и баян, как сплетались своей красотой русские и казахские песни! В целом же, «Играй, гармонь», где бы она ни была, всегда затрагивала душу любителей песни, частушки и гармони. В них всегда звучит народный дух! Песня как-то сплочает людей. Нам, зрителям и слушателям, с передачей «Играй, гармонь» всегда было по пути к песне, к большой и красивой душе народа, к русскому открытому и неунывающему характеру, к русской поэтической словесности, прославляющей родные поля, деревеньки и села, родной дом и дымок над трубой, свое низенькое крылечко и свет в окне, свои тихие травянистые улочки, где свободно гуляют гусиные и утиные выводки. Эти милые сердцу картинки и составляют твою Родину...

Так было при Геннадии Заволокине, так осталось и при нынешних ведущих передачи «Играй, гармонь» Анастасии и Захаре Заволокиных. Передача эта идет на российском телевидении уже тридцать лет. Ее смотрит весь СНГ, да и весь шар земной, и только «Первый канал» Казахстана сделал передаче харакири и уничтожил, как врага народа.

Конечно, у кого есть телевизионные тарелки, те смотрят без помех не только «Играй, гармонь», но и пимановскую «Человек и закон». Что это за передача, зрители знают и ждут каждую пятницу времени трансляции передачи в прошлом, какую «Первый канал» также уничтожил, как врага народа. В этой передаче мы всегда видели что-то новое. В передачах - наш мир, наше бытие, наш современный человек с его судьбой, мыслями, повадками, характером. Человек на то и человек, что он всегда разный - дома, в своем поселении, на работе, в чужой стране. Передача как раз и говорит о таких людях: как они живут среди нас, как понимают окружающий мир и что им этот мир воздает.

Узнать все это нам доводилось из «Человека и закона», какого нынче нет на казахстанском телевидении. Если не изменяет память, передача эта начиналась в пятнадцать минут второго ночи и заканчивалась где-то в половине третьего. Уже тогда зрители спрашивали у телевизионщиков:

для кого вы крутите эту передачу? Если для молодых, так им ведь завтра на работу, а если для бездельников-пенсионеров, так они в 21-22 примащиваются к теплому креслу, и их борода уже висит на груди. Надеемся, Руслан Адамбаевич, что Вы как знатный телеведущий и как генеральный руководитель «Первого канала» поможете нам, телезрителям, читателям «Нивы» и вообще жителям Агадыря в просьбе помочь передачам «Играй, гармонь», «Человек и закон» и возобновлением выхода казахстанского литературно-художественного и общественно-политического ежемесячного журнала «Нива».

Насчет «Нивы» хочется напомнить, что журнал был основан в 1991 году большим поэтом Казахстана, общественным деятелем и руководителем астанинской писательской организации Владимиром Романовичем Еундаревым. Редактором с первого дня существования «Нивы» оставался все тот же Еундарев, какой покинул сей мир в 2012-ом. После него редактором стал некто О. К. Жанайдаров, при каком «Нива» продержалась до июля 2015-го и в августе без всякого предупреждении навсегда сложила свои крылья.

В Казахстане выходили два подобных журнала для русскоязычного населения. «Простор», выходивший в Алматы, был основан в 1993-ем, редактировал который всяческий писательский народ столицы Казахстана, среди каких был и известный писатель нашей страны и мира Иван Шухов. На данный момент «Простор» редактирует известный писатель и поэт Валерий Михайлов, какому, видимо, придется на свои страницы принимать весь пишущий народ нашей республики, какого на пальцах не пересчитать. Чем провинилась «Нива» перед своим государством - неизвестно, только во времена Пушкина, Лермонтова, Белинского да Некрасова журналы закрывали царские приспешники из-за их политической неблагонадежности. «Нива» никак не могла быть таковой, поскольку все двадцать пять лет шла по жизни со всем писательским народом и тысячной читательской публикой Казахстана.

До Вас, Руслан Адамбаевич, мы посылали письма в другие организации, но ответа нет и, видимо, не будет, потому я от имени читателей Агадыря и обращаюсь к Вам, Руслан Адамбаевич. Вы как профессиональный ведущий, как специалист более других чувствуете, как дорога любителям музыки и песни передача «Играй, гармонь», какой вы наверняка сможете

посодействовать выйти в свет с первых же дней нового года. То же самое и с передачей «Человек и закон» и журналом «Нива», какие не иначе как ждут вмешательства высоких властей страны.

Мне почему-то думается, Руслан Адамбаевич, что и это письмо Вам не передадут, как, очевидно, не передали его какие-то силы и в других организациях. Мы не верим, что такой передовой человек не ответит телезрителям, какие и теперь живут надеждой на решение их жизненных вопросов положительно. Мы живем этим и сейчас, будем жить и в новом нечетном, о каком старики говорят, что нечетное число обычно везучее. Наверняка повезет и нам, агадырским телезрителям и читателям, и прочему населению нашей страны.

Еще хотелось бы, Руслан Адамбаевич, указать и на такой момент, какой, думается, Вы тоже можете как-то решить. Дело в том, что в далекую коммунистическую пору, в 1973 году, был организован Агадырский район со «столицей» в Агадыре. Самые дальние от него поселения находились в ста - ста пятидесяти верстах. Жители тех, что находились на железной дороге, станций, разъездов, казарм добирались до Агадыря поездами за полчаса, час-два, прочий же народ добирался на собственном транспорте или автобусами.

Что было нового в новом районе, он интенсивно строился организацией «ГОРЕМ-29», какая только что приехала в Агадырь из Саяка, где она дожила железнодорожную ветку «Балхаш - Саяк». «ГОРЕМ-29» относился к тресту «Казахтрансстрой», какой находился тогда в Алма-Ате. В Агадыре «ГОРЕМ-29» вел строительство второго железнодорожного пути «Караганда — Чу».

Одновременно интенсивно вел он и гражданское строительство. За пятнадцать лет обитания «ГОРЕМ-29» в Агадыре было построено два жилых микрорайона. Первый вмещал в себя двадцать двухэтажных шестнадцатиквартирных домов с большими двухэтажными детским садом, торговым центром и кинотеатром, а второй — шесть двадцатичетырехквартирных трехэтажек. Построила эта фирма в центре поселка и три двухподъездные пятиэтажки, придающие поселку какое-то свое величие.

Железная дорога давала работу всем и каждому. С организацией же района в поселке появились разные организации, такие как ПМК, аэропорт, музыкальная школа, быткомбинат, райком, райисполком, какой-то молокозавод, асфальтовая организация и дорожная. Живи, работай, радуйся! Район построил большую трехэтажную школу на тысячу триста мест, строил свои жилые трехэтажки, магазины. Район работал, асфальтировался и просто красовался.

И все же, какой бы красотой Агадырь ни обладал, в 1997-ом какие-то силы Агадырский район ликвидировали, подчинив его Шетскому со «столицей» в трехтысячном Аксу-Аюлы и отстоящему от железной дороги на целую сотню верст. Чем руководствовались эти самые силы - неизвестно, только Агадырского района не стало, нет его и до сих пор. А в Агадыре нынче одиннадцать тысяч населения, асфальтированы главные улицы и, что примечательно, проложены по обеим сторонам главного проспекта поселка тротуары из цветной плитки, чего я не видел даже в областной Караганде и в самой нашей столице.

Ликвидация района многим жителям просто скомкала жизнь. Жители железнодорожных поселений теперь должны добраться прежде до Агадыря, а уже в нем пересаживаться на автобус и мчать по своим делам за сотню верст до Аксу-Аюлы. Тем, кто жил вдали от железной дороги, свой автодорожный путь увеличился на целую сотню верст, что и накладно, и уморительно, особенно для пожилых людей.

Такова вот картина нашей жизни в Агадыре. Я, отдавший пятнадцать лет слесарной работе на тепловозах, двадцать пять снабженческому делу и все сорок железной дороге, не могу равнодушно смотреть на многие жизненные негативы. Наверно, Руслан Адамбаевич, они затронут и Вас, и Вы со своего высокого поста телеведущего сможете как-то помочь агадырскому населению и прочему казахстанскому с передачами «Играй, гармонь», «Человек и закон» и журналом «Нива». Как бы там ни было, а в них все-таки какая-то наша жизнь, наши мечты, наши планы, наша надежда на наше счастливое будущее.

Слепцов Николай Андреевич, 79 лет. Тел: 6-20-71.
Агадырь, Карагандинская обл.»

ГДЕ ВЫ, СТАРЫЕ КИНОЛЕНТЫ?

Мы, пенсионеры, наверно, и впрямь дотошный и привередливый народ. Не знаю, как простые земные пенсионеры, а я так лично готов разорвать себя за то, что многим в нашей жизни недоволен. Вот не нравится то, не нравится это... Не нравятся, к примеру, поселковые слухи, что такая-то и такая-то бортанула, а такая-то все больницы страны прошлюндрала, а детей все равно не имеет, тогда как ей за тридцатник перевалило.

Ладно, это житейское, какое не всегда зависит от человека, кроме абортария, какие в наши военные и послевоенные годы были просто запрещены. А чего бы их не запретить сегодня? Да пусть рождаются дети по пять-семь штук в каждой семье! Дети - это ведь наша радость, ведь это продолжение нас самих, это наше будущее. Может, они в будущем полетят на Марс да на Венеру, а то и на другие планеты, где, возможно, тоже есть живые люди. Может, они такие же цивилизованные, а может, там только зарождаются, как было на нашей Земле, первобытные питекантропы да неандертальцы, и рядом с ними бродят динозавры и прочий животный мир, какой дошел до нашего времени. Если на тех планетах есть вода и живая атмосфера - воздух, то жизнь там непременно должна возродиться.

Ну, это просто мои старческие рассуждения... А вот что меня, старика, больше всего раздражает, так это наше телевидение. Долбаному пенсионеру чем заниматься? Правильно, сидеть у телевизора и смотреть, что он там гонит. Ладно, утром и вечером новости посмотришь, узнаешь, чем живет нынешний мир, а дальше услаждаешь себя хорошими концертами, а то и хорошими фильмами. Раньше по субботам бежала «Играй, гармонь» с самим Геннадием Заволокиным, а после его смерти передачу вели и ведут его дети - Анастасия и Захар Заволокины. Радоваться бы песням, частушкам, припевкам на этой передаче, какая и теперь идет по российскому телевидению, а вот на казахстанском телевидении передачи «Играй, гармонь» не стало вот уже в течение как бы не четырех лет. Не стало - и все, просто передаче сделали харакири. У кого есть тарелки и кабельное телевидение, те передачу смотрят, а у кого обычная домашняя антенна? Она возьмет только то, что написано в телепрограмме.

Вообще-то, в телепрограмме много чего написано, только моя домашняя антенна берет всего лишь четыре канала - «Казахстан», «Хабар», «Евразия» или «Первый» и «24KZ». «Казахстан» - чисто специализированный, где передачи ведутся только на государственном языке, казахском. «Хабар» с самого святого утра до половины одиннадцатого гонит передачи на казахском языке, какого я даже в свои сегодняшние восемьдесят не знал, потому как в детстве хотя и общался в нашем ауле с казахскими ребятишками, но языка я не освоил, потому как был тупой. И к старости эта тупость не улетучилась... В половине одиннадцатого идут турецкие «Осколки», после каких чередуются русские и казахские передачи. Русские фильмы «Семейные мелодрамы» и «Все-таки я люблю» уж точно не для нас, стариков, а для современных, каких породил новый век. Им барибери, чего смотреть, лишь бы экран мелькал. Это я так думаю, а наделе они, может, более современные, чем мы со своею сединой.

Вообще нынче фильмы гонят с божьего утра до поздней ночи. Может, молодые и умудряются их смотреть, а у нас, стариков, так уж после двадцати двух борода висит на груди. А чего смотреть, коли нет никакого интереса? Когда был молодым, так не расставался с «ящиком» до самой глубокой ночи, когда телевизионщики умудрялись гнать занимательные фильмы, такие как «Трактористы» с Николайем Крючковым и Борисом Андреевым, «Свинарка и пастух» со знаменитым Владимиром Зельдиным, какому нынче стукнул сто один год и какой еще появляется на сцене его родного театра Советской Армии. «Свинарка и пастух» снимался перед самой войной, а с началом войны съемки продолжились в Алма-Ате. Фильм получил высокую оценку зрителей и, говорят, даже самого Сталина, поскольку Зельдин играл роль грузинского пастуха Саиба, какой ухаживал за колхозными овцами и берег их от волков.

Не знаю, как другие пенсионеры, а я так захватил и не цветные телевизоры. И ничего, рвал глаза и смотрел все, что преподносило уважаемое телевидение. Рад бы и теперь накинуться на что-либо экстравагантное, так нынче гонят, что и черти отворачиваются. За 16 мая текущего «Хабар» так преподнес «Катину любовь», где любовью пахло, как у крокодила к заплывшему теленку. «Первый канал» так угостил сериалом «Лестница в небеса», о какой хотелось, чтоб она никогда с этих небес не возвращалась. По сути это не фильм, а какая-то профанация на него и наше текущее

житье-бытье. Других каналов у меня нет, а моя домашняя суперантенна способна разориться только на четыре канала, о каких я уже говорил. Ну, домашняя антенна - она, наверно, и в Африке остается домашней...

Открыл программку за 23 августа. «Хабар» так в 13.00 пичкает телесериалом «Королева игры», а в 22.00 не менее идиотским сериалом «Развод». Я на все эти сериалы ноль внимания и два презренья, поскольку они безжизненны, пусты, наворочены всяческой дребеденью, какой в нынешней жизни никаким черпаком не исчерпаешь. После «Хабара», думаю, найду какое-то отдохновение на «Первом канале», какой вроде боевой, как электровеник. С шести утра и до восьми все идет на казахском языке, каким не всякий Иван владеет. В 14.50 телевизионщики подсовывают телесериал «Узнай меня,если сможешь», а в 19.00 - такой же тупой сериал, но под названием «Средство от разлуки». Не знаю, как приняли эти сериалы прочие телезрители, но я пожелал бы этим фильмам черную оспу.

Открыл программку за 26 сентября. «Хабар» так с семи утра до десяти тридцати транслирует все на казахском языке, за ними пошли те же турецкие «Осколки». В 14.00 нам предлагают, ни дна бы ему, ни покрышки, телесериал «И все-таки я люблю», в каком любви столько же, сколько у верблюда знаний. «Первый канал» так с шести часов до восьми транслирует передачи на казахском языке и только в восемь прорезается «С добрым утром», а дальше передачи чередуется на двух языках до 15.00 часов, когда нарисуется телесериал «Сын моего отца» и «Ради любви я все смогу». Воскресенье 2 октября так порадует передачей о Китае и КВНом. Ладно, нечто новое даст «Аналитика», после какой закутывайся с головой и дави до утра, поскольку смотреть просто нечего...

Да, фильмов, какие остались на нашей памяти, нынче просто нет. Нет подобия «Трактористам», «Свинарка и пастух», «Свадьба с приданым», «Дело было в Пенькове», «Поезд идет на восток», «Смелые люди», «Богдан Хмельницкий», «Радуга», «Молодая гвардия». Хотя бы раз в год гнали «Солдат Иван Бровкин», «Максим Перепелица», «Волга-Волга», «Стряпуха» с гармонистом, какого играет Владимир Высоцкий. Все эти фильмы с незабываемыми актерами, такими как Николай Крючков, Борис Андреев, Любовь Орлова, Татьяна Пельтцер, Петр Олейник, Игорь Ильинский. Все фильмы и всех актеров не перечислить, но надо бы эти фильмы как-то чередовать и транслировать на нынешнем телеэкране. Хотелось бы видеть на-

званных артистов, чтобы зарядиться их жизнелюбием и их мечтой о красивой жизни, о человеческом добре и о таком высоком звании, как Человек.

Насколько помнится, лет как бы не все пятьдесят «Трактористы» и «Свинарка и пастух» забыли наш клубный экран, а нынешний телеэкран и подавно. В нынешний СН Гэвский век об этих фильмах телевидение, кажется, ни сном, ни духом ничего не знает, не ведает и даже вряд ли знает, что у них хранится в архивах, чтобы покопаться и выставить на показ современному телезрителю. Иначе чего же нет этих фильмов на наших экранах по сорок и пятьдесят лет? В нынешний СНГэвский век об этих фильмах, кажется, не помнит даже нынешняя история. Нынешней истории вообще не до прошлого, ей хотя бы нынешние моменты жизни зафиксировать, на что, как мне кажется, у нее не хватает ни ума, ни опыта.

Если по-хорошему, почему бы не прогнать, скажем, с Нового года в январе тех же «Трактористов», в феврале - «Свинарка и пастух», в марте - «Радугу», в апреле - «Стряпуху», в мае - «Дело было в Пенькове» и так далее? Старых фильмов море, и в них море жизненного огня, море дружбы и любви, море человеколюбия. И, главное, в героях тех фильмов вера в жизнь, в себя, в людей, в свою страну и в свое будущее. Вот чем дороги старые киноленты.

ЩЕДРЫЕ ЗАБАВЫ

Читая современную периодику, многому приходится удивляться. Не будем голословными, да и далеко ходить не будем. Передо мной двадцатичетырехполосный еженедельник «Жизнь» за 12-18 октября текущего года, какой печатается и у нас в Казахстане тиражом в 90 тысяч экземпляров. Застрельщиком «Жизни» является Москва, российский тираж еженедельника ударил всего лишь на 600 тысяч. Подумал: если в Казахстане 90 тысяч, то сама Москва должна бы ударить хотя бы на миллионник. Этого не случилось, хотя «Жизнь» имеет подзаголовок «Еженедельник для семейного чтения». Выходит еженедельник с 2007 года, периодичностью раз в неделю. Что признательно, казахстанская «Жизнь» имеет свою приписку: «Жизнь» за всю неделю. Казахстан».

Первая полоса «Жизни» за 11 октября открывается большим портретом известного российского юмориста Михаила Задорнова, какой большими буквами сообщает: «Я серьезно болен». В статье о нем, о болезни конкретно ничего не говорится, но указывается, что артист до Нового года отменил все свои концерты и лечиться будет тайно в интересах самой клиники, пояснив: «Лечить в Евросоюзе того, кто выступает против евросоюзной фальшивой демократии и толерантности, для них весьма опасно. Поэтому лечение будет происходить втемную, в скрытом режиме». Другого пояснения автор статьи Дмитрий Корень не дает, как не дает его и 68-летний Михаил Задорнов.

Вторым большим портретом первая пополнилась 83-летней звездой фильма «Служебный роман», в котором актриса играла дотошную общественницу Шуру. Этой Шурой в фильме была Людмила Иванова, какая накануне скончалась в Москве. Зрители хорошо помнят этот фильм, хорошо помнят и Шурочку, собиравшую деньги на похороны своего сослуживца, какой спокойно явился перед своими сотрудниками и прошел в свой кабинет.

Да, старый кинематограф теряет великих артистов, не рождая Крючковых, Андреевых, Ильинских, Надежду Румянцеву, Любовь Орлову, Татьяну Пельтцер, Петра Олейника, Владимира Зельдина, Николая Рыбникова. У нынешних молодых актеров пока не та хватка, какая была у знаменитого Шурика и такой же знаменитой тройки из «Самогонщиков».

Читая разные материалы «Жизни», не раз приходилось удивляться. 53-летний актер Александр Домогаров жалуется, что его якобы оскорбил телеведущий Иван Ургант, показав в каком-то своем выступлении фамилию Домогарова как нарицательную. Всего же в своей жизни, говорит актер, он добился сам, а не с помощью отца, занимавшего по жизни и по работе высокие посты. Какой нашли союз между собой актер и телеведущий, неизвестно, поскольку автор статьи о том не сообщает.

Признаюсь, приходится часто удивляться известным российским и СНГэвским плебеям, какие не иначе как от безделья толкут воду в ступе. Не знаю, толкет ли воду в ступне Александр Панайотов, какой во всеуслышание заявил, что хочет помирить Украину с Россией. Какого характера будет это примирение с его стороны, неведомо мировому сообществу, но, думается, тут уж точно проглядывается та же ступа с водою.

А вот сообщение о том, что 40-летняя мать-одиночка с пятью детьми девять лет живет в семиметровой каморке в Новосибирске, и чиновники города за все эти девять лет не пошевелили и пальцем, иначе хоть что-то да было бы сделано, найдены дополнительно хотя бы какие-то три-четыре метра. По просьбе страдальческой мамаши Марины Лонюговой коммунальщики города говорят, что свободных жилищных помещений в городе нет. Так жизнь в этой семье и продолжается, благо кто-то приспособил двухэтажные кровати. Дети Марины мечтают не об игрушках, а о нормальных кроватях и отдельном санузле, какой уж точно возродил бы их на белый свет. Но этого света нет и не видно, когда он появится, хотелось бы властям Новосибирска посмотреть в глаза. В зоопарках города животные живут лучше, чем семья Марины Лонюговой. А властям что? У них не болит, а боли чужие их и вовсе не волнуют...

В еженедельнике «Жизнь» приковывает внимание миниатюрный прикол. На 21 -ой странице читаю в миниатюрной рамке: «Австралийка отдала 500 долларов за уникальную операцию ее золотой рыбки, какая стоила не более десяти долларов».

Другой прикол: «102-летняя американка попросила арестовать ее ради острых ощущений. Бабулю по ее желанию доставили в отделение полиции в наручниках». Да, шустрая бабка оказалась!..

Наткнулся в этом же еженедельнике и на сообщение такого порядка: «Телеведущий Дмитрий Шепелев выпускает книгу о болезни своей умершей супруги Жанны Фриске». «Я надеюсь на то, что она будет полезна тем, кто борется сам или помогает близкому, - сказал Дмитрий. - Надеюсь, она сможет поддержать тех, кто отчаялся, и, быть может, вдохновит на веру в чудо спасения. Разумеется, это еще и история любви, без которой любое сражение вряд ли имело бы смысл».

Ну, Жанну Фриске знал весь культурный и цивилизованный мир, и потому книга Дмитрия Шепелева о ней наверняка будет иметь успех. Хотелось бы только одного - чтобы автор больше придерживался правды.

А вот «Жизнь» за 5-11 октября вообще удивила донельзя. Ну, во-первых, Ургант, Домогаров и Панайотов со всеми приколами взяты именно из этого номера, а из номера за 18 октября - Задорнов со знаменитой Людмилой Ивановой из кинофильма «Служебный роман».

А первую страницу «Жизни» за 5-11 октября так украсил портрет са-

мого Иосифа Кобзона. Стал искать материал о нем и нашел за подписью журналиста Игоря Искорьева, который с первых строчек, выделенных крупно и жирно, сообщает: «Бизнесмен Вагиф Пейсахов получил срок за растрату денег народного артиста СССР Иосифа Кобзона». А дальше уточняется, что Вагиф Пейсахов спустил в казино в покер 25 миллионов не рублей, а настоящих долларов, какие он одолжил у старого своего друга Иосифа Кобзона якобы на расширение своего предприятия. Стал углубляться дальше в это самое сообщение. Артист с бизнесменом знакомы более двадцати лет, дружба была давней и уж точно не разлей вода, почему Кобзон и ссудил другу такую астрономическую сумму.

Что такое чертов покер, я понятия не имею, но думаю, что это связано как-то с обычными картами, в какие мы, пенсионеры, частенько перебрасываемся в обычного «дурачка». 79-летний Кобзон должен был как-то соображать насчет займа такой умопомрачительной суммы. 25 миллионов долларов - это же наших казахстанских тенге по старому будет 8 миллиардов и 550 миллионов тенге! Откуда такие деньги у простого артиста, пусть и трижды заслуженного? Да, черт возьми, я в свои семьдесят девять, бывает, не знаю, как три рубля выглядят и те же сто тенге, а тут простой коммунистический артист коммунистического времени рождения и становления разбрасывается миллионами долларов... Ладно бы рублями, что в десять раз дешевле доллара, так ведь Кобзон ударил на мировую валюту! Непонятно, как это Москва умудряется в наше время растить у себя миллионеров? А я всегда думал, что Кобзон занимает десятку-сотню рублей у Лещенко и пьет в кафе кофе. Как говорило как-то телевидение, не менее известный артист Сергей Филиппов, когда он умер, не имел за душой ни копейки, и его даже не на что было хоронить. На его похороны разорился герой фильма «Белое солнце пустыни», артист Кузнецов, тоже уже почивший.

Бизнесмен Пейсахов долг Кобзону так и не вернул, за что какой-то московский суд осудил его на шесть лет лишения свободы. Что от этого выиграет Кобзон - Бог весть, только за 25 миллионов долларов можно и посидеть за решеткой, где также поят и кормят и даже выводят на прогулку. В статье далее говорится, что Пейсахов намеревался улизнуть в Израиль, но Кобзон как-то это дело усек, а дальше полиция делала свое дело.

Приходится просто удивляться, какие огромные деньги крутятся у известных людей России и СНГ. Наверно, что-то есть и у казахстанских

бизнесменов, артистов, писателей да поэтов. Я тоже какой-то писатель и поэт, но у меня и правда, бывает, в кармане не звенит. Не звенит, хоть ты тресни, потому как с моей Гульчатай накануне разорились на нужную вещь и теперь ожидаем очередную пенсию. Ну, а пенсия - она и в Африке пенсия, на нее можно жить и даже как-то кувыркаться...

Читаю «Жизнь» дальше. С Кобзоном разобрались, а на соседней странице сообщение, что жена замминистра обороны России Тимура Иванова отметила свой день рождения в Императорском яхт-клубе, вылившийся в восемь миллионов рублей. Ну как же, 45-летней Светлане Захаровой захотелось день рождения начать с прогулки на яхте! На ее борту в объятиях супруга именинница позировала изысканным фотографам. Аренда яхты обошлась ни много ни мало, а в 600 тысяч рублей. Во сколько обошлись изысканные блюда на шестьдесят персон, не сообщается, а может, просто умалчивается.

Вот так мы нынче живем. А что? Век нынче такой. Хочешь жить - умей вертеться. Я так лично провертелся за слесарным верстаком три пятилетки и двадцать пять лет в системе снабжения. Были деньги у меня и у женки, но мы ими не бросались, учились в вузах сами и растили сына, ездили к нему, когда он служил в армии в Алма-Ате, потом после «дембеля» женили его, сыграли свадьбу, а с развалом Союза выпроводили его на Алтай, куда навострилась целая десятка агадырских железнодорожников. А на пенсии и вовсе стараемся помогать сыну и его детям, хотя они обеими руками и ногами против всякой помощи от нас. Но мы с моею бабкою не упускаем случая как-то погладить их на день рождения.

Насчет же миллионов Кобзона и Иванова... Пусть в том разбирается история. Главное, это деньги честные, а кольтак, значит, нынешний народ живет просто кучеряво, уподобляясь где-то даже Рокфеллеру. Наверно, скоро наступит такое время, что мы в деньгах будем просто купаться. Купались же в них Иван Калита и Иван Грозный, Петр Первый да Екатерина Вторая, Николай Первый да Николай Второй, а чем мы хуже? У нас теперь и век другой, и нам теперь служит всякая техника и машины и даже далекий космос, так что жить богато нам никто не запретит.

Ну, а пенсионеры у нас в масле не купаются. Заработали то, что заработали за всю свою трудовую жизнь. Кто не учился и был простым работягой, теперь и пенсию получает согласно тому, а кто как-то крутился в больших

кругах, начальствовал даже, конечно, и пенсия у него соответствующая. Но, слава Правительству и государству Казахстана, какие пенсионеров не забывают, ежегодно им подбрасывают какие-то денежки, какие дают небедно жить и даже откладывать на свой последний час. Конечно, последний час ожидает каждого живущего на этой земле, а у пенсионеров этот час и вовсе недалекий. Тут свою работу делают природа и время.

МОДЕРНИЗАЦИЯ - ЭТО

УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ

Во все время 25-летней Независимости своей республики жизнь казахстанцев постоянно полнится новым содержанием. Содержание это касается в большей части экономического роста республики Казахстан. Понятно, что у бедной отсталой страны нет голоса на мировой арене. Мы это чувствовали на себе в прошлом, при московском руководстве.

Конечно, Казахстан славился целиной, большим хлебом, почему Москва, республики союза и даже заграничный мир называли Казахстан большой житницей планеты. Целина, несомненно, во многом повлияла на экономический рост республики. В целинных поселениях на прежних бескрайних степных просторах, где никогда не ступала нога человека, вырастали городки, а то и целые города. У городов, конечно, была своя структура экономического существования и роста, какие охватывали свое городское население. Работа давала жизнь и блага, какой-то внутренний и внешний блеск и надежду, создавала и свои заботы.

С гибелью целины, совхозов и колхозов наша страна переходит к новой модели возрождения и экономического роста, чему подвергся весь агропромышленный комплекс с его транспортным, промышленным, жилым и хозяйственным наполнением. Строительство объектов этого типа в Казахстане продолжается все годы Независимости, что позволило ему войти в число пятидесяти самых развитых и богатых стран планеты. Из семи миллиардов ее населения всего лишь семнадцатимиллионный Казахстан сделал такой широкий шаг в экономическом развитии. Конечно, мы пока

не США, не Англия с Францией да Германией, но недалеко то время, когда Казахстан приблизится к ним вплотную.

За 25 лет Независимости наша страна, что заметил и сам Президент Нурсултан Назарбаев, осуществила две модернизации, предусматривающие изменения и усовершенствования, отвечающие современным требованиям времени, а то и самой эпохи.

Первая модернизация, как заметил это просвещенный мир, касалась образования исконно нового государства на принципах рыночной экономики. Насколько нам помнится, за все годы советской власти и существования СССР, куда входили целых шестнадцать республик с Прибалтикой, Украиной, Белоруссией, Молдавией, Кавказом и Среднеазиатским регионом, развитие экономики всегда было главным. Нам хорошо помнятся сталинские, хрущевско-брежневские и горбачевские плановые пятилетки. В свое время, в свою эпоху плановое развитие хозяйства и экономики имело какой-то прогресс. Но менялось время, менялись люди, менялись жизненные потребности населения, какое требовало лучшие дороги, лучший транспорт, лучшие дома и лучшие квартиры. К тому же оно требовало лучшего лечения и обучения, лучших условий труда, на что требовались большие средства.

Казахстан эти деньги находил своей работой и экспортом своей продукции, оказанием каких-то услуг мировому сообществу. Рыночная экономика, какая внедрена на всем мировом пространстве, прижилась и в Казахстане без потресений и каких-то своих внутренних республиканских конфликтов. А они могли быть, потому как с гибелью Советского Союза, поистине закончившего свою жизнь самоубийством, решились многие устоявшиеся модели жизни населения, характер общения народа и руководства его страны.

75 лет мы подчинялись Москве, какая ставила на руководство Казахстана своих ставленников. Казахстанцы их помнят одних с доброй памятью, других с истинным пожеланием им черной оспы, какие довели столичный алматинский народ в 1986-ом до забастовки, имевшей даже жертвы. 1986-ой памятен алматинцам, да и всему народу Казахстана. Памятен ли он старому московскому руководству, какое, возможно, еще где-то живо? Только не хотелось бы, чтобы нечто подобное повторилось и в нашем новом веке, что мы видим на Украине, к чему Москва не имеет никакого отношения.

Первую модернизацию Казахстан прошел. Как заметил наш Президент, она начата была «на руинах СССР четверть века назад». Тогда наше государство только формировалось. Формировалось новое президентское правление и, разумеется, весь новый руководящий состав страны. Сказать об этом не так просто, а внедрить... Потому, будем откровенны, просто поклонимся нашему Президенту и скажем ему коп рахмет за его усилия по укреплению новой власти, расширения ее деятельности и улучшения всей ее работы. Тут многие деяния по руководству всеми деяниями государства теперь ложатся на Правительство и мажилис, какие прежде лежали на Президенте. Контроль за их деятельностью останется за Президентом, но освободит от мелкой опеки работы акиматов и других государственных структур.

Укреплению новой власти, экономического и политического роста нашей страны была посвящена и вторая модернизация страны. Началась она, со слов Президента, с принятия «Стратегии - 2030». Две успешные модернизации дали нам бесценный опыт. Теперь мы смело должны шагнуть вперед и начать третью модернизацию. Эта модернизация - «мост в будущее навстречу целям «Стратегии - 2050», она будет проводиться на базе Плана нации «100 конкретных шагов». Эти шаги, по мнению Президента, должны придать значительный рост казахстанской экономике, какая и позволит нашей стране попасть теперь уже в число тридцати передовых стран, а не пятидесяти, как это было намечено на первых двух модернизациях.

По мнению Президента, третья модернизация предусматривает «ускоренное технологическое обновление экономики». На ее базе должно более полно разрастаться государственное и частное содружество. На современном этапе ускоренного развития частной собственности такой союз крайне необходим. Он проверен мировым развитием и до сих пор остается живым, поскольку имеет какие-то свои плюсы.

За 25 лет нашей Независимости мы тоже начали постигать плюсы частного и государственного сотрудничества. Дело это для нашей страны новое, какого до распада СССР мы не представляли. Все 75 лет советской власти всей жизнью СССР и его многомиллионного населения ведали исключительно государственные органы всех рангов и типов, а частная собственность, если она где-то возникала или прорезалась, просто преследовалась по закону.

В своем втором Послании народу Казахстана, с каким наш Президент Нурсултан Назарбаев обратился ко всему населению страны, досконально обрисована задача третьей модернизации, какая предусматривает технологическое развитие экономики Казахстана, его агропромышленного комплекса, транспорта, учебно-оздоровительного и здравоохранительного процессов, а также ускоренного развития жилья и всего процесса жизнеобеспечения населения страны. Этот стратегический план развития страны, предусмотренный третьей модернизацией, необходимо осуществить не в какие-то отдаленные годы, а в ближайшие семь-восемь лет, что явится надежным фундаментом экономической и политической стабильности республики и ее надежного внедрения в ведущую десятку самых богатых и развитых стран планеты. Задача эта нелегкая, но вполне посильная Казахстану на данном этапе его развития, с его планами и задачами на будущее.

Хотелось бы данное повествование, чтобы не внедряться во все пункты нового Послания нашего Президента, закончить его же словами: «У нас нет другого выбора, кроме как достойно принять вызов времени и решить задачи по дальнейшей модернизации страны. Я верю, что наш великий народ всецело воспользуется уникальным историческим шансом. Мы превратим Казахстан в еще более процветающую страну для наших потомков».

Нам же, казахстанцам, остается добавить, что мы всем сердцем принимаем все Послания нашего Президента Нурсултана Абишевича Назарбаева и будем настраивать себя на новый лад работы, как мы это умели делать всегда. Силы нам придавать будут наша Независимость, наша сплоченность, наша любовь к своей Родине. Мы непременно будем идти вперед к вершинам, намеченным нашим Президентом, и сделаем нашу страну действительно процветающей для себя, для нашего поколения в нашем веке, для своих детей, внуков и правнуков, а значит, для потомков. Поэтому - алга, Казахстан!

НЕ ЖИЗНЬ, А СПОТЫКАЧКА!

Зима нынче и впрямь вступила в свои права, хотя по ноябрьскому месяцу должна идти золотая осень. Буквально до недавнего на ветру шумела золотая листва, и деревья и впрямь роняли на тротуары золотые листья. Это я наблюдал у себя в Агадыре, то же самое видел и в большой Караганде, куда провинциала жизнь временами заносит. Заносит по разным поводам, а больше за обычными покупками. В большом городе всегда можно найти, чего нет в своей глубинке.

Ноябрьская зима нынче нагрянула неожиданно с дождями и со снегом, а теперь еще и с морозами. Агадырские дороги так обкатывают машины, каких в поселке как бы не столько, сколько и самих жителей, а народ так гуляет по главному проспекту имени Абая, где расположены все поселковые магазины, школа, мечеть, госбанк, торговые забегаловки всех видов - знаменитые агадырские тротуары. Знамениты они тем, что выложены по обеим сторонам четырехкилометрового проспекта цветной бетонированной или какой-то другой цементной плиткой. Сами тротуары с проезжей уличной стороны огорожены металлической разукрашенной решеткой в рост второклассника. Тут уж точно даже самый пьяный водитель не въедет на тротуар и не собьет пешехода, что, говорят, в городах случается.

Не ведаю, где такое видано, но такое классическое изобретение я никогда и нигде не встречал, будучи и в Москве, в Питере и в десятке других городов вплоть до Берлина и других городов Германии. Может, думаю, было время другое, так и в сегодняшнее не встречал я цветных тротуаров ни к Караганде, ни в самой нашей столице. Может, где-то и есть в Казахстане мудрецы, но не думаю, что их изобретение с цветными тротуарами внедрено только в Агадыре, какой уже как бы не все двадцать лет как потерял статус районного центра. А Агадырский район существовал с коммунистического 1973 года по СНГэвский 1997-ой, когда какие-то силы Агадырский район ликвидировали, перенеся районную «столицу» из одинадцатитысячного железнодорожного Агадыря в трехтысячный Аксу-Аюлы, отстоявший от железной дороги на целую сотню верст.

Так вот жизнь и забрасывает агадырцев в соседнюю Караганду за по-

купками. Нагрянувшая зима прежде всего заставила обывателя и прочих жителей поселка взглянуть на свою обувь, какая терпела и грязи, и дожди, как-то согревала и спасала ноги от промокания. Теперь в ней не пройдешь по ледяному тротуару. Хоть убейся - тротуары протоптаны, но блестят наледью, и прохожие на своей обуви со сплошной резиновой подошвой спотыкаются сплошь и рядом, а то и вовсе брыкаются вверх ногами вдоль и поперек тротуара. Видел я это много раз, вижу и теперь, да и сам в свои восемьдесят не раз спотыкался, готовый пахануть носом. Но меня спасает моя старая походная клюка с одной стороны, а с другой - бетонные плиты в половину человеческого роста, выкрашенные вверху и внизу в разные краски, придающие этим плитам своеобразную инкрустацию.

Так вот, виной всем этим спотыкачкам, как я понял, была чертова обувь на резиновой подошве. На молодежи я видел ботинки на резиновой подошве толщиной в колеса К-700, какие, наверно, и спасали от спотыкачки и какие сами поднимали с тротуара завалившихся. Ходил я по всем карагандинским магазинам, посмотрел всю обувь Караганды, но так и не нашел обыкновенных теплых войлочных ботинок на сплошной теплой прессованной подошве из кошмы или обыкновенного русского валенка.

Валенки, известно, не скользят, потому и надо бы взять их материал для подошвы. Пусть эта обувь будет только для стариков, какие уж точно воспрянут духом и отвесят лишний поклон обувщикам. Такая обувь никак не залежится, потому как нас, стариков, в Казахстане как бы не полстраны. О такой обуви я мечтаю уже как бы не все моих двадцать пенсионных лет. Нигде ее нет, нет и в Караганде, где когда-то была, а может, и теперь есть обувная фирма «Караганда-обувь». Если она жива, почему бы ей не переключитьс на обувь для стариков, о чем говорилось выше?

Подобная обувь не оставит фабрику в разорении, о чем говорят мои шестидесяти-, семидесяти- и восьмидесятилетние сверстники, спотыкающиеся на тротуарах Агадыря, Караганды, а то и всего Казахстана. Нынче народ живет совсем не бедно, даже роскошно, потому как им есть чем продлить свое долголетие. Все у них в доме есть - хлеб, деньги, нажитое жизнью богатство, болезни их обходят. А выйдешь на прогулку по своему тротуару, и скользячка тебя валит наповал. Хорошо, что еще не головой об асфальт, а то и правда можно ни за что отбросить копыта...

Старики Агадыря, да, может, и других поселений обращаются к обу-

вным спецам страны: наладьте вы пошив обуви для стариков не на резиновой подошве, не на скользячке, и старики вам скажут большой рахмет! Они будут выходить на прогулку, не боясь тротуарной наледи, и для них каждый наступивший день станет днем прогулки, днем здоровья, днем встречи с друзьями, а не днем спотыкачки, какой наблюдается сплошь и рядом. Думается, о стариках можно позаботиться и таким вот образом.

Могли бы позаботиться и коммунальщики, посыпав песком оледенелые тротуары, только это не делается. Говорят, в Москве так одно время посыпали тротуары даже солью. Насколько это верно, я не знаю, только знатоки упорствуют в своих сообщениях. Если и впрямь что-то было подобное, то коммунальщикам Москвы надо отдать должное. То же самое мы сделали бы и для своих, если бы они хоть как-то да закрутились в тротуарном плане. А соль по весне растает, и не надо тротуары мести.

ГЛАВНОМУ ДЕДУ МОРОЗУ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Не знаю, как по всему Казахстану, а вот жители Агадыря Карагандинской области так гамузом навалились на меня с просьбой обратиться с особым письмом к главному Деду Морозу страны, в каком они просят сделать для них Новый 2017 год каким-то особым. А особенность эта должна бы вылиться в возобновлении на «Первом канале «Евразия» передачи «Играй, гармонь» и пимановской «Человек и закон». Передача «Играй, гармонь» выходила на «Первом канале «Евразия» с первого дня выхода ее в свет еще при Геннадии Заволокине на российском телевидении. «Играй, гармонь» идет на российском телевидении вот уже тридцать лет, но последнюю пятилетку казахстанское телевидение передачу прекратило.

А ведь «Играй, гармонь» была и у нас в Казахстане, в Кокчетауском регионе, где сливались воедино красивые и трепетные звуки гармони и домбры, звучали русские и казахские песни, наполненные дружбой и душой народа.

«Играй, гармонь» была и теперь бывает во всех уголках большой России. Встречают ее всегда как желанную гостью. Ну как не встречать, когда у нас даже в теперешнем СНГ столько народных талантов, столько самодеятельных гармонистов и музыкантов, столько самодеятельных частушечников! «Передача «Играй, гармонь» всегда смотрелась как сказка, как живое воплощение человеческой души. У кого в Агадыре есть телевизионные тарелки, те радуются «Играй, гармонь» и восхищенно делятся своими впечатлениями. Им я просто завидую, но свою тарелку пока не установил, поскольку женка моя запрещает делать это из пенсионных соображений.

Исчезла с «Первого канала «Евразия» и пимановская передача «Человек и закон». Хорошая, красивая, умная, правдивая передача, какая многим обогащает своего телезрителя. Кому передача перешла дорогу на казахстанском телевидении - непонятно, только зрители ждут ее и сегодня, будут ждать и в Новом году.

И последнее, уважаемый Дед Мороз. В августе 2015-го закрылся, прекратил свое существование республиканский общественно-политический и литературно-художественный журнал «Нива», выходивший в Астане целых двадцать пять лет. Журнал был организован большим поэтом Республики Казахстан Владимиром Гундаревым в 1991-ом, какой он и редактировал до своей смерти в 2012-ом. После него журнал просуществовал до августа 2015-го, после чего отчего-то просто-напросто сложил свои крылья. Какие силы над тем работали - неизвестно, только журнала на сегодня нет. А хотелось, чтобы он был и дополнял такой же республиканский журнал, как «Простор», какой выходит в Алма-Ате с 1933 года.

О всех невзгодах с «Играй, гармонь», «Человек и закон» и той же «Нивой» было направлено письмо Руслану Смыкову, какой, вероятно, это письмо не получил, поскольку окружающие его люди этого не допустят. У нас, думается, делать это умеют архиклассически. Как было сообщено отправителю письма, его письмо было пущено по какому-то Министерству информации и коммуникаций Республики Казахстан, какое черным по белому на официальном бланке заметило автору письма:

«Министерство информации и коммуникаций Республики Казахстан, рассмотрев Ваше письмо касательно программы «Играй, гармонь», «Человек и закон» на телеканале «Первый канал «Евразия», а также журнала

«Нива», сообщает следущее. Согласно законодательству Республики Казахстан «О телерадиовещании» и проводимой государственной информационной политике, отечественным телеканалам, включая «Первый канал «Евразия», необходимо развивать контент собственного производства, в том числе на государственном языке.

Кроме того, руководством телеканала в эфир отбираются программы, которые смотрит максимальное количество зрителей. Вместе с тем, Министерством были озвучены Ваши пожелания, которые при планировании следующего сезона «Первый канал «Евразия» обязательно будут учтены. Наряду с этим благодарим Вас за проявленную активную гражданскую позицию в вопросе развития отечественной телеиндустрии.

Касательно закрытия журнала «Нива» сообщаем, что в адрес Министерства со стороны редакции уведомление о закрытии данного издания не поступало. Также, согласно проводимому мониторингу СМИ на предмет нарушения законодательства РК, касательно журнала «Нива» нарушений, которые могли бы послужить закрытию журнала, не было выявлено.

Вице-министр А. Ажибаев».

Вот такие наши дела, уважаемый Дед Мороз. Видишь, какие силы подключились насчет передач «Играй, гармонь», «Человек и закон» и журнала «Нива»! Думаем, что тебе с ними равняться не стоит, но вот попробовать свои силы в организации выхода в Новом году на казахстанский свет передач «Играй, гармонь», «Человек и закон» и журнала «Нива», думается, можно. Хотя бы, уважаемый Дед Мороз, ты самолично узнаешь силы, какие сопротивляются всем этим мероприятиям.

Ну как можно, уважаемый Дед Мороз, не любить в передаче «Играй, гармонь» русские песни, русские частушки, в каких гуляет русский дух и поет русская душа? Она и теперь широка и сильна, как русская Волга, как широкие кубанские степи, и высока, как уральские горы, какие делят большую и красивую Россию на Московию и Сибирь, где проживает большой и красивый русский человек с большим характером и с большой мечтой о красивой жизни своего народа и всего человечества.

Да, Дед Мороз, наступила зима и приближается Новый 2017-ый. А зима, уважаемый Дед, ее месяцы...

И уносят меня, и уносят меня
В звенящую снежную даль

Три белых коня, эх, три белых коня -
Декабрь, Январь и Февраль!

Тебе, Дед Мороз, да и мне в мои сексен-восемьдесят остается лишь одно: не тормози - сникерсни! Давай вместе будем работать над «Играй, гармонь», «Человек и закон» и над журналом «Нива». Авось что-то да получится....

ПРЕЛЮДИЯ ДЛЯ ТЕЛЕВИДЕНИЯ

Нынче такой век, что многое в жизни радует. Нас, пенсионеров, так радует ежегодное повышение пенсий, внимание властей к нашему житью-бытью. Мы в нынешнем Казахстане, будем откровенны, ну просто кучеряво живем. Простые труженики и даже пенсионеры разъезжают по Турциям, Германиям, Франциям, каким-то Канарам да другим благостным местам, где просто отдыхают, наслаждаясь красотой и запахом чужой страны, обычаям и жизнью простых людей, заодно сравнивая свою жизнь в своей стране.

Кто бывал в тех странах, тот говорит: у нас в Казахстане лучше. Лучше тем, что мы общаемся, знаем друг друга, говорим на одном языке, понимаем собеседника, и тем, что нам всегда придут на помощь, когда она понадобится, да и сами кинемся помогать тем, кто в этой помощи нуждается.

А все потому, что у нас такая жизненная психология и, не будь высоко сказано, такова наша философия жизни. А выработаны они не только нашим СНГэвским временем, когда распался СССР и образовались самостоятельные государства прежнего большого единого Союза, но и тем, что Казахстан волею своего народа и своего Президента родил свою Независимость и в мировом сообществе и в СНГ вместе с Россией и Белоруссией идет на передовых позициях.

Будем откровенны: до СНГ в целинный век и в последующие годы до распада СССР такого заграничного путешествия мы позволить себе не могли, потому как, не будем скрывать, жили с натягом, без всякой роскоши. Нам, старым людям, бросается в глаза наше нынешнее казахстанское житие, когда чуть ли не третий-пятый житель страны рассекает воздух на

собственном автомобиле. Раньше, в мое, скажем, время, самые зажиточные умудрялись скопить не более как на мотоцикл. Так что разница в том, как мы жили прежде и теперь, разительная.

Да, нынешнему поколению можно позавидовать. Нам, старикам, можно позавидовать тоже. Хотя бы тем, что наши дети и внуки живут в роскоши, ездят на собственных машинах, работают, зарабатывают и в свое удовольствие блукатят по белу свету. Нам же, зейнеткерам, для полного своего счастья остается смотреть красивые телефильмы и душевные передачи типа «Играй, гармонь».

Не хотелось Вас обременять сразу, Руслан Адамбаевич, этой самой «Играй, гармонь», только передачи этой на «Первом канале» Казахстана нет уже как бы целых четыре года. А она ведь шла на этом самом «Первом» с первых моментов появления этой передачи на российском телевидении в 1986-ом, когда породил ее сам Геннадий Заволокин. Тридцать лет она крутилась и крутится по белу свету от Дальнего Востока до Белоруссии и Украины, до кавказских хребтов и полей Кубани, до волжских просторов и Центральной России с незабвенной Москвой.

Была она, между прочим, и у нас в Казахстане, в Кокчетауском, если не изменяет память, регионе. Ах, какая была встреча, как звучали домбра и баян, как сплетались своей красотой русские и казахские песни! В целом же, «Играй, гармонь», где бы она ни была, всегда затрагивала душу любителей песни, частушки и гармони. В них всегда звучит народный дух! Песня как-то сплочает людей. Нам, зрителям и слушателям, с передачей «Играй, гармонь» всегда было по пути к песне, к большой и красивой душе народа, к русскому открытому и неунывающему характеру, к русской поэтической словесности, прославляющей родные поля, деревеньки и села, родной дом и дымок над трубой, свое низенькое крылечко и свет в окне, свои тихие травянистые улочки, где свободно гуляют гусиные и утиные выводки. Эти милые сердцу картинки и составляют твою Родину.

Так было при Геннадии Заволокине, так осталось и при нынешних ведущих передачи «Играй, гармонь» Анастасии и Захаре Заволокиных. Передача эта идет на российском телевидении уже тридцать лет. Ее смотрит весь СНГ, да и весь шар земной, и только «Первый канал» Казахстана сделал передаче харакири и уничтожил, как врага народа. Конечно, у кого

есть телевизионные тарелки, те смотрят без помех не только «Играй, гармонь», но и пимановскую «Человек и закон».

Что это за передача, зрители знают и ждут каждую пятницу времени трансляции передачи в прошлом, какую «Первый канал» также уничтожил, как врага народа. В этой передаче мы всегда видели что-то новое. В передачах наш мир, наше бытие, наш современный человек с его судьбой, мыслями, повадками, характером. Человек на то и человек, что он всегда разный - дома, в своем поселении, на работе, в чужой стране. Передача как раз и говорит о таких людях: как они живут среди нас, как понимают окружающий мир и что им этот мир воздает. Узнать все это нам доводилось из «Человека и закона», какого нынче нет на казахстанском телевидении.

Если не изменяет память, передача эта начиналась в пятнадцать минут второго ночи и заканчивалась где-то в половине третьего. Уже тогда зрители спрашивали у телевизионщиков: для кого вы крутите эту передачу? Если для молодых, так им ведь завтра на работу, а если для бездельников-пенсионеров, так они в 21-22 примащиваются к теплому креслу, и их борода уже висит на груди. Надеемся, Руслан Адамбаевич, что вы как знатный телеведущий и как генеральный руководитель «Первого канала» поможете нам, телезрителям, читателям «Нивы» и вообще жителям Агадыря в просьбе помочь передачами «Играй, гармонь», «Человек и закон» и возобновлением выхода казахстанского литературно-художественного и общественно-политического ежемесячного журнала «Нива».

Насчет «Нивы» хочется напомнить, что журнал был основан в 1991 году большим поэтом Казахстана, общественным деятелем и руководителем астанинской писательской организации Владимиром Романовичем Гундаревым. Редактором с первого дня существования «Нивы» оставался все тот же Гундарев, какой покинул сей мир в 2012-ом. После него редактором стал некто О. К. Жанайдаров, при каком «Нива» продержалась до июля 2015-го и в августе без всякого предупреждения навсегда сложила свои крылья.

В Казахстане выходили два подобных журнала для русскоязычного населения. «Простор», выходивший в Алматы, был основан в 1993-ем, редактировал который всяческий писательский народ столицы Казахстана, среди каких был и известный писатель нашей страны и мира Иван Шухов. На данный момент «Простор» редактирует известный писатель

и поэт Валерий Михайлов, какому, видимо, придется на свои страницы принимать весь пишущий народ нашей республики, какого на пальцах не пересчитать.

Чем провинилась «Нива» перед своим государством - неизвестно, только во времена Пушкина, Лермонтова, Белинского да Некрасова журналы закрывали царские приспешники из-за их политической неблагонадежности. «Нива» никак не могла быть таковой, поскольку все двадцать пять лет шла по жизни со всем писательским народом и тысячной читательской публикой подписчиков.

Мой одиннадцатитысячный народ Агадыря, да, наверно, и прочий народ Казахстана надеется, что казахстанское телевидение обратит внимание на отсутствие на «Первом канале» передач «Играй, гармонь», «Человек и закон» и уже в новом году их возобновит. Подписчики и весь читающий народ также ждет свою «Ниву». Конечно, телевизионщикам до «Нивы» дела нет, но на телевидении есть передача, которую ведет генеральный директор «Первого канала» Руслан Смыков, какой во всеуслышание постоянно призывает слушателей и всех телезрителей звонить в редакцию по такому и такому-то номеру и сообщать о своих жизненных неурядицах, в каких «Первый канал» по своим каналам сможет чем-то помочь. Было же некое сообщение из прибалхашского Приозерска, где учителя три месяца не получали зарплату. «Первый канал» якобы вмешался, и учителя деньги свои получили. Потому неким краем и мы, агадырцы, обращаемся к «Первому каналу» нашего уважаемого казахстанского телевидения.

Что еще волнует агадырцев? В далекую коммунистическую пору, в 1973 году был организован Агадырский район со «столицей» в Агадыре. Самые дальние от него поселения находились в ста - ста пятидесяти верстах. Жители тех, что находились на железной дороге, станций, разъездов, казарм добирались до Агадыря поездами за полчаса, час-два, прочий же народ добирался на собственном транспорте или автобусами.

Что было нового в новом районе - он интенсивно строился организацией «ГОРЕМ-29», какая только что приехала в Агадырь из Саяка, где она дожила железнодорожную ветку «Балхаш - Саяк». «ГОРЕМ-29» относился к тресту «Казахтрансстрой», какой находился тогда в Алма-Ате. В Агадырь «ГОРЕМ-29» вел строительство второго железнодорожного пути «Караганда - Чу».

Одновременно интенсивно вел он и гражданское строительство. За пятнадцать лет обитания «ГОРЕМ-29» в Агадыре было построено два жилых микрорайона. Первый вмещал в себя двадцать двухэтажных шестнадцатиквартирных домов с большими двухэтажными детским садом, торговым центром и кинотеатром, а второй - шесть двадцатичетырехквартирных трехэтажки. Построила эта фирма в центре поселка и три двухподъездные пятиэтажки, придающие поселку какое-то свое величие.

Железная дорога давала работу всем и каждому. С организацией же района в поселке появились разные организации, такие как ПМК, аэропорт, музыкальная школа, быткомбинат, райком, райисполком, какой-то молокозавод, асфальтовая организация и дорожная. Живи, работай, радуйся! Район построил большую трехэтажную школу на тысячу триста мест, строил свои жилые трехэтажки, магазины. Район работал, асфальтировался и просто красовался.

И все же какой бы красотой Агадырь ни обладал, в 1997-ом какие-то силы Агадырский район ликвидировали, подчинив его Шетскому со «столицей» в трехтысячном Аксу-Аюлы и отстоящему от железной дороги на целую сотню верст. Чем руководствовались эти самые силы - неизвестно, только Агадырского района не стало, нет его и до сих пор. А в Агадыре нынче одиннадцать тысяч населения, асфальтированы главные улицы и, что примечательно, проложены по обеим сторонам главного проспекта поселка тротуары из цветной плитки, чего я не видел даже в областной Караганде и в самой нашей столице.

Ликвидация района многим жителям просто скомкала жизнь. Жители железнодорожных поселений теперь должны добраться прежде до Агадыря, а уже в нем пересаживаться на автобус и мчать по своим делам за сотню верст до Аксу-Аюлы. Тем, кто жил вдали от железной дороги, свой автодорожный путь увеличился на целую сотню верст, что и накладно, и уморительно, особенно для пожилых людей.

Такова картина нашей жизни в Агадыре. Шетский район существует уже как бы не целых восемьдесят пять лет. Существовал он и без Агадыря с его окружными поселениями, и если Агадырский район возродится, Шетский останется в своих границах, какие у него были двадцать пять лет без Агадыря.

А на наше телевидение, на его «Первый канал» у агадырцев большая

надежда. Агадырцы ничего не просят лишнего, а только чтобы с Нового года телевидение возобновило бы передачи «Играй, гармонь», «Человек и закон», и возвратило бы читателям их «Ниву».

Насчет же Агадырского района... Тут нужны большие государственные силы. В целом Агадырь живет и поживает без высокого своего ранга. Он растет и красит своими силами и силами областной Караганды. Каким у него будет будущее, покажет время. А в передачах «Играй, гармонь», «Человек и закон», в журнале «Нива» агадырцы как-то ощущали свою жизнь, свои мечты, свои планы, в каких их надежда на счастливое будущее.

И последнее, на чем хотелось бы сконцентрировать внимание читателей и телевизионщиков. С 1 октября возобновилась передача «Ледниковый период», какая стала транслироваться каждую субботу, за что «Первому каналу» большой рахмет. Но посмотрите по программе на время трансляции - 0.00 часов до трех ночи. А передача красивая, занимательная, увлекательная, интригующая и просто захватывающая внимание, любовь и сочувствие. Таков нынче человек и таков нынче болельщик.

Это для какого такого умопромрачительного зрителя гонится эта передача с нуля до трех часов ночи? Для молодых? Мне кажется, для нынешних молодых этот «Ледниковый период», что зайцу вытрезвитель. Почему? Да потому как там катаются спортсмены как бы не времен очаковских. Катаются спортсмены бывалые, вовсе не молодые, проявившие себя на льду эдак пятнадцать или даже двадцать лет назад.

Вспомните фамилии спортсменов на льду, какие завоевывали всяческие европейские и мировые первенства: Шабалин, Тотьмянина, Навка, Васильев, Повилас Ванагас, Тихонов, Костомаров, Маринин... Нам, пенсионерам, эти спортсмены весьма приятны. Мы вспоминаем их годы в наше время. Нам было не до «Ледникового периода» и не до любования спортивными достижениями. Мы в их годы поднимали целину и залечивали раны страны, нанесенные войной. Мы больше думали о куске хлеба, а не о коньках.

Ладно, нынче другое время, новый век и другие люди. Хорошо, что возобновили «Ледниковый период», но почему его надо гнать с нуля до трех часов ночи? А почему бы его не пустить на «Голосе Казахстана» в 21.00 и гнать до нуля ночи? А «Голос» можно пустить на «Той базар» или той же долбаной «Паутине»...

Нет, телевизионщики не думают о зрителе. Передачи «Играй, гармонь», «Человек и закон» уничтожены, как враги народа, хотя передачи эти транслируются российским телевидением для всего земного шара, и этот земной шар их смотрит и, может, даже благодарит россиян. Наши казахстанские телевизионщики об этом не думают. Что такое наше казахстанское телевидение - неизвестно, и кто там правит бал - тоже. Что обидно, досадно и больно душе и сердцу, что от бездействия наших телевизионщиков страдает простой рядовой телезритель, какого надо бы любить и беречь.

Любить телезрителя, как мы видим, телевизионщики Казахстана вовсе не собираются. В пятницу 28 октября телепрограмма планирует церемонию вручения народной премии «Золотой граммофон», какая будет транслироваться опять же с 0.00 до двух ночи. Наверняка передача будет интересной не только молодому поколению, но и нам, пенсионерам, какие никак не хотят отставать от жизни. Хочется напомнить телевизионщикам, что есть такие пенсионеры, какие могут дать сто очков вперед самым отъявленным молодым, потому не следует пенсионеров сбрасывать со счетов.

А в субботу вновь знаменитый, долгожданный и приятный «Ледниковый период», какой телевизионщики засунули на знаменитые ноль часов до трех ночи. Хотелось бы просто-напросто спросить у телевизионщиков: где ваш ум, дорогие труженики телевидения? Если вы молоды и готовы бодрствовать в ноль ночи и после него, то ведь не всем это дано. Гоните в ноль часов разных своих «Шакалов»...

А вот «Вечерний Ургант» для чего вами загнан на два часа ночи до четырех утра? Для кого вы толкаете эту передачу в ночку лунную? Ну хоть раз вы задумывались об этом? Хотелось бы посмотреть и «Свадьбы не будет», так она ведь, «Свадьба» эта, закручена опять же на ноль ночи до двух. У вас люди сидят на телевидении или роботы? Хотелось бы спросить о том у того же Руслана Смыкова и у всего казахстанского телевидения.

ВЕСНА ПРИШЛА - ВЕСНЕ ДОРОГУ

Как зима ни сопротивлялась, как ни злорадствовала, свирепствуя холодами и снегопадами, весна все-таки широко шагнула по нашему Карагандинскому региону, неся с собой тепло, первую зелень и надежду на дождливое лето, какое усилит урожай всего посеянного и посаженного человеческими руками.

В Агадырь тоже пришла майская весна, какую перво-наперво поприветствовали огородники, ударно налегшие на свои приусадебные участки. Как бы там ни было, а таковые у агадырцев имеются. Пусть они небольшие, а все равно требуют рук. Что на этих участках? Лук, укроп, редиска, морковь, чеснок. Не разбогатеешь, а вот в магазин за ними не пойдешь. А какая радость, когда они украсят стол! А первые свои огурчики и помидорчики? Да это же божественная закусь! Дети так ее хватают нарасхват. Ну как тут не порадоваться весне и своему приусадебному участку? А как не порадоваться осенью капустному уголку и картопанному? Из них хозяйки готовят такие аховские украинские борщи, от каких и впрямь любить хочется...

В нынешних овощных магазинах всего этого бери - не хочу, только по нынешнему рыночному времени у них появилась тенденция раздевать покупателя о натюрель, что значит наголо. Современная жизнь наверняка диктует свои законы, обусловленные неискоренимым частным сектором, рожденным нашими СНГэвским временем.

Со своего огородика агадырцы замечают в доме достаток, а это уже какой-то стимул для работы на земле. Сейчас зелени еще нет, но первые кленовые листья вдохновляют и дают надежду. Вдохновляют первые листочки и агадырские телевизионные тарелки, примостившиеся на крышах двухэтажек, на балконах, а то и просто на земле у окон, что говорит о зажиточной жизни агадырцев. Радуют как бы не повсеместно аккуратные сплошные гаражи, а в частном секторе - хозяйственные постройки с сеновалами, скотными дворами, банями и теми же гаражами. Ну, в Агадыре народ как бы не сплошь железнодорожный, а железнодорожники всегда умели жить.

Ах, как бы там ни было, а в Агадырь пришла весна. А весна - это поэзия, что-то возвышенное, чем и хочется поделиться с читателями нашей «Индустриалки». Весна согревает не только наш карагандинский край, но и наши души. Птицы с какой-то радостью щебечут под стрехами, и даже бродячие собаки поуменылили свою агрессивность. Мой Шарик тоже стал более внимательным и как никогда покладистым.

В эти майские дни по поселку идет невиданный трудовой энтузиазм, проявляющийся в повсеместной покраске оградок и заборов, в асфальтировании выкрошившихся улиц, в подборе школьниками всяческих по поселку бумажек, тряпья и бутылок. В чем такая строптивость - неизвестно, но агадырцы предполагают, что их поселок должен кто-то посетить из больших людей Караганды, а то и самой Астаны. Спросить о том не у кого, а близкие к акимату люди повторяют заученное: чистота в поселке должна быть всегда, мы в нем живем, здесь наш дом и, без громких слов, наша родина...

То же самое говорил и заместитель акима Агадыря Калижан Казкенович Беккожин, а он наверняка знал, что говорил. Чистота - залог здоровья, не нами сказано - мудрецами, потому придерживаться этого нам сам Бог велел.

Наша нынешняя жизнь так устроена, что не всегда в ней все ладится-терпится. Об этом говорит и наше уважаемое телевидение, чему хочется верить. Прошлые случаи с экстремистами в Актобе и Алматы, повлекшие человеческие жертвы, не забываются и теперь и просто заставляют население страны настораживаться и быть бдительными.

Как бы ни было, а жизнь казахстанцев идет вперед уверенными большими шагами. Жить казахстанцы стали ну просто кучеряво, что видно мне, восьмидесятилетнему пенсионеру, хотя бы по моему родному поселку. Поселок удивительно украшается, асфальтируется, в нем даже проложили по центральному проспекту Абая с обеих сторон тротуары из цветных бетонных плиток, чего я не встречал ни в областной Караганде, ни в самой нашей столице. Что это за новшество, я не представляю, но наверняка это откуда-то да взято.

Насчет той же кучерявости... В одиннадцатитысячном Агадыре личных легковушек, всяких «Мерседесов», «Ниссанов» да «Вольво» чуть ли как не у каждого хозяина. А все потому как в Агадыре народ большей частью

железнодорожный, а у железнодорожников не иначе как сильный дух и железный характер, какие позволяют ему умело и красиво строить свою жизнь и жизнь своего села. Все это было хорошо видно на агадырском народе, вышедшем на демонстрацию 1 мая. Ах, какие же красивые и нарядные у нас люди!

НА АГАДЫРСКОЙ ПАРАЛЛЕЛИ

Жизнь поселку Агадырь, как и другим линейным поселениям от Караганды на юг, дала железная дорога. В 1997 году Карагандинское отделение перевозок отметило 60-летний юбилей агадырского депо, какое подскочило и под возраст самого поселка, равный деповскому.

История Агадыря говорит, что в конце 1935 года закончилось строительство железнодорожной ветки «Караганда - Балхаш». На среднем ее участке на станции Агадырь было 1 сентября 1937-го организовано и введено в эксплуатацию локомотивное депо. Его приписной парк состоял из двенадцати паровозов серии Ов и Оа, довольно старых и довольно маломощных.

Здание депо было из камыша, имело всего лишь одну ремонтную канаву и один токарный станок. Локомотивными бригадами обслуживались тяговые плечи «Агадырь - Дарья» протяженностью в 93 километра и «Агадырь - Мойынты» в 137 километров. Весовая норма поездов по тому времени планировалась в 500-700 тонн, что по нынешним временам просто слезы.

Как бы ни было, а в штате депо насчитывалось 250 рабочих душ. Работали в то время все исключительно ударно. С первых лет своего существования паровозное депо Агадырь активно включалось в трудовой ритм страны, способствуя быстрому развитию Карагандинского угольного бассейна и Балхашского медеплавильного комбината. Как писали газеты, коллектив агадырского депо внес большой вклад в выполнение первых пятилеток.

Агадырское локомотивное депо с момента его основания до 10 октября 1940 года находилось в составе Омской железной дороги, а уже с 10 июня

1958-го перешло в состав Карагандинской железной дороги. Оказывается, на всех железных дорогах Казахстана существовала в свое время и такая. С началом Великой Отечественной на фронт ушли аж 32 деповчанина.

Как говорит история, в сентябре 1941-го коллектив депо Агадырь принял эвакуированных рабочих паровозного депо Дарница, что близ Киева. Совместно с рабочими Дарницы в короткий срок был освоен подъемочный ремонт паровозов. Паровозники агадырского депо добились больших достижений в вождении тяжеловесных поездов, экономя время без заезда на водозаправочную колонку, какие располагались на всем железнодорожном пути. Ремонтники так в неурочное время восстанавливали железнодорожные паровозы, приходившие с военных полей сражений. Для фронта так не жалелись ни силы, ни время.

Агадырское депо умело работать красиво, твердо и покладисто. Начальником депо 1941-1950 годов был некто Ерофеев П. С., портрет которого сохранился в музее депо. О дальнейшей его судьбе неизвестно даже бывалым ветеранам депо.

Что удивительно, все военные и послевоенные годы вплоть до 1955 года в Агадыре существовало Агадырское отделение Карагандинской дороги, какое и было в том же году ликвидировано, войдя новое Карагандинское, какое существует и поныне. А дальше депо Агадырь было в составе Алматинской дороги, потом Целинной и только теперь в составе «Казахстан темир жолы».

Каково сейчас агадырское депо, знают разве только специалисты, но таких тружеников, какими были мы, ветераны депо и нынешние пенсионеры, говорят, встретишь нечасто. Надо крепко любить железную дорогу, как любили ее мы, и свое родное депо, какое растило нас и давало нам силы. Недаром же в истории предприятия свыше 70 человек награждены правительственными наградами, 18 человек знаками «Почетный железнодорожник» и 275 рабочих удостоены звания «Ударник коммунистического труда». Сейчас это просто история, а в то время это был большой человеческий подвиг.

Сейчас говорят, агадырского депо в его старом смысле просто нет. Есть, говорят, даже красочная вывеска с надписью ТОО «Ырыс-4». Занимается оно таким же ремонтом электровозов, но, говорят, никакой Караганде не подчиняются, что было прежде все семьдесят трудовых железнодорож-

ных лет. Сейчас прежним локомотивным депо Агадырь, носящим теперь имя ТОО «Ырыс-4», заведует какое-то юридическое лицо РК ТОО «Азия-ПромСбыт».

Бог с ним, с этим «Ырысом», только жаль, что агадырское локомотивное депо в свое время имело до семисот работников и все равно на работу принимало любого. То ли и впрямь было коммунистическое время, только теперь в депо никак не поступить, поскольку нет мест в нем. Оттого, наверно, агадырская молодежь и шлюндрает по Агадырю в поисках работы...

Вот если бы Караганда как-то бы да освободила себя и создала бы на периферии какой-нибудь цех, скажем, по пошиву обуви для пожилых людей не на резиновой подошве, создающей сплошную спотыкачку, а на войлочной! Такой цех никак не будет разорительным, о чем и люди говорят. Сделать этот цех каким-то филиалом фабрики «Караганда-обувь», и он будет действительно трудиться, как папа Карло.

Не мешало бы нечто удачное придумать и для женщин. Женщина - она и в Африке женщина. Дай ей работу, так она и горы сдвинет с места. Наша же женщина и подавно!

Чего хотелось бы вообще? Чтобы Агадырь рос, блистал и красивел, чтобы в нем всегда и для всех была работа, как это было все семьдесят лет назад. Хотелось, чтобы Караганда побывала в Агадыре и подумала: «С 1973-го по 1997-ой Агадырь был центром Агадырского района. Какие это силы в 1997-ом перенесли его в Шетский и в его трехтысячную Аксу-Аюлы, отстоящую от железной дороги на целую сотню верст?». Агадырский народ и его окружение как раз и просят Караганду посодействовать возрождению Агадырского района. Тогда агадырская параллель и впрямь будет идти по жизни своей прямой дорогой и вряд ли когда пересечется с жизненными трудностями, какие у жизни все-таки бывают...

Организация Агадырского района со «столицей» в Агадыре действительно явилась подарком судьбы. Район в придачу к многочисленным железнодорожным строениям строил и свои объекты, причем красивые и даже уникальные. К 90-ым годам Агадырь, уже имевший статус поселка городского типа (ПГТ), о чем не оповещалось со всех сторон на табличках при любом въезде в поселок, действительно выглядел большим ухоженным городком, какой осчастливили даже своим посещением Леонид Серебренников, Валерий Ободзинский, Роза Багланова. Такая идилличе-

ская жизнь продолжалась до злополучного 1997-го, когда с административной карты республики исчезли Джезказганская область и ее Агадырский район.

Об области у агадырцев душа не болит, а вот о своем районе - постоянно и долго. Что принесет ему нечетный год - неизвестно, но астрологи не дают надежды. Конечно, жизнь заставляет ко всему привыкать, так что агадырцы привыкли и к своему новому району. Связь эта длится уже двадцать лет, и никаких антипатий с новым районом не отмечено: агадырцы ездят в район, районовцы наведываются в Агадырь... Так что жизнь продолжается, агадырская параллель и сегодня на своем красивом прямом пути.

АХ, ЭТА БЕЛАЯ СИРЕНЬ...

Наш край не избалован щедрым летом, теплыми зимами и ранними веснами. Как-никак, а в марте-апреле не сбрасываются шубы, полушубки, шапки да малахаи. В мае-июне о первой белой сирени молодым влюбленным приходится только мечтать, тогда как в поездах, идущих из Алматы и Чу, кустики и букетики сирени виднеются в окнах пассажирских вагонов, означая, что сирень на юге зацвела, а с нею расцвела и чья-то жизнь.

Любовь к временам года у людей разная. Одни с нетерпением ожидают весну, перелистывают календари и, поглядывая на небо, готовятся встретить первый весенний паводок. Он спадет, а там и жди потепления. С теплом же начнутся работы на застоявшейся земле, и она уже в майские дни ублажит первым майским зеленым лучком. А осень и вовсе порадует огурчиками да помидорчиками, редиской, морковкой да окрошкой, от какой и впрямь любить хочется. А там поспеют капуста и картопан, так что зима будет довольно сытной.

А приусадебному участку остается лишь поклониться. В Агадыре этих приусадебных не сосчитать. Наверно, агадырцы умеют-таки любить землю,что-то ей давать и как-то ее лелеять. В зиму им не надо заглядываться на магазинные прилавки. Как-никак, а какая-то экономия...

История говорит, что Пушкин любил осень. Он ей посвящал стихи,

и вообще по осени у него расцветал поэтический дар. Любил рязанскую осень и Есенин. А я, к примеру, люблю весну, люблю мои агадырские рассветы. Весной меня больше тянет на стихи. Может, это потому как по весне и правда просыпается жизнь. Сходит снег, высыхают лужи, а птицы так и вовсе в своем веселом полете.

А лето - оно и в Африке лето. Это время отпусков, путевок, курортов, турбаз, прославленного Черного моря. Господи, где то благословенное время, когда все это было доступно простой уборщице, доярке, чабану, трактористу, скотнику, тому же пенсионеру? Вырваться им всем за собственный порог - сказка, а пенсионерам и подавно. Англичане же так говорят, что на пенсии у них только и начинается настоящая жизнь, поскольку они без трудовых обязанностей путешествует по миру, видят новые города, страны и их людей. На пенсии времени - бери не хочу, потому и есть возможность мир посмотреть и себя показать.

Ну, а к зиме, думается, не должно быть особых пристрастий. Бывает такая дуборина, что деревья трещат от мороза. Однако жизнь показывает, что и ее, бывает, ждут, ищут склоны и пригорки, где на лыжных прогулках нарабатывается здоровье, куются характер и глазомер, особенно на лесных склонах - мало ли куда может завести лыжня на скорости...

Снежная зима, говорят, радует фермеров-хлеборобов. Много снега на полях - будет много хлеба в закромах. Это же закон природы, и этот закон нерушим. В колхозно-совхозную старину на пашнях делали снегозадержание. Сейчас, говорят, такое не делается. Вся надежда на природу, на небо, на дожди. Коль они пойдут - хорошо, будет хлеб, а коль солнце разгуляется и испечет степь и пашню - смирись и настраивайся на выживание.

Зима не радует агадырцев тем, что в высотных домах им приходится отапливаться углем и дровами. Прошло уже семнадцать лет, как большой агадырской котельной в пять этажей сделали харакири за ее убыточность и нерентабельность. Была котельная КЕ-25-14, какая строилась в коммунистическую пору, исправно отработала круглую семилетку, а потом какие-то силы сделали ей хенде хох...

Как бы ни было, а в Агадырь пришла семнадцатая весна нового века. С наступлением весны отпали подвозка и подноска угля, дров и прочего отопительного материала, а также ежедневная борьба с отходами печного горения.

А нынче душа радуется первым почкам и такой удивительной первой зелени! Скоро зацветет и белая сирень, и первые ее букеты появятся у бабушек на агадырском перроне, у клуба, у каких-то питательных забегаловок. Будь моя воля, я поставил бы бабушкам с букетами сирени памятник.

Весна - это поэзия и тепло души и сердца. Весной душа теплится у всех живых существ. Птицы с какой-то особой радостью щебечут под стрехами, а бродячие собаки и вовсе поумерили свою агрессивность. Мой Шарик тоже стал более внимательным, послушным и покладистым. Нынче я даже посвятил ему отдельные строки, какие записал в блокноте, примощенном на Шариковой голове: «Ты сегодня мой Шарик - собака, с умным взглядом в раскосых глазах, ты с весною глядишь забиякой, держишь «смирно» на задних ногах». Прочел этот стих Шарику, он очень меня внимательно слушал, и я подумал, что Шарику меня грамотный, он не иначе как шесть классов окончил.

Ну, весеннее настроение нынче не иначе как у каждого, даже у тех, кто спешит на электричку «Агадырь - Караганда». До нее агадырцы добирались до своей областной столицы на чем придется, а больше на поезде «Балхаш - Караганда», какой пробегал через Агадырь, да и теперь пробегает в два часа ночи. Теперь же электричка доставит агадырцев в Караганду засветло и за какую-то тройку часов. Не раз видел, как агадырцы по весне увозили с собой с агадырского перрона белые букеты сирени. Может, они везут их для любимых, а может, просто чтобы радоваться весне и всему новому, что она несет людям. Белая сирень - это тоже счастье, это рождение жизни, это цвет любви и надежды.

ВЕСНА, ВЕСНА...

В любую зиму мы с женкой по привычке уже все семнадцать лет переселяемся в свою восьмиметровую спаленку и живем в ней до апрельских дней. Зал в зиму остается закрытым наглухо, поскольку делать там просто нечего. Разные ходики, будильники на нужные бумаги и книжки - все перекочевывает в спальню, так что зал нам просто не нужен.

Обогревается спаленка электрическим масляным обогревателем ком-

мунистической поры, какой умудряется держать 17 и 19 градусов. При хорошей солнце так набегают и все 20. Как бы ни было, а мы с моей бабулькой в шубы не кутаемся, но ноги утепляем классными шерстяными носками. Говорят, у стариков чаще всего мерзнут ноги, во всем другом они просто боевые.

Насчет старости, так нам с женкой скрывать нечего: 7 марта этого 2017-го я отметил свои восемьдесят, а Гульчатай моя через какие-то полмесяца после меня так шибанула свою семьдесят восьмую весну. Гостей не приглашали, посколь и приглашать-то их некуда, да по сути и некого. Дети так облюбовали при распаде СССР Алтай и его город Новоалтайск, где и проживают уже почти четверть века. Судьбой и жизнью довольны, как довольны и своим Алтаем. У всех у них есть работа, жилье, планы, мечты и надежда перетащить нас, стариков, к себе.

Ну, у молодых наверняка и планы молодые и по-своему дерзновенные. Дерзновенность эта наплывает на них обычно по весне,и они чаще прежнего донимают телефонами мамулю, какая и является главным командиром в доме, какой подчиняюсь и я. Любому ее желанию я непременно подчинюсь. Скажет - сиди и не рыпайся, я буду сидеть и рыпаться не стану, и буду выполнять все ее указания.

А главные ее указания больше всего касаются магазина. Она пишет мне список, чего купить, что я и выполняю. Покупки она приветствует и распоряжается ими по-своему. Питательный процесс занимает место в холодильнике, а прочее тоже находит у нее свое место.

А в магазин я и сам по себе люблю заглядывать, потому как там только и встретишь своих знакомых пенсионеров с клюками да палочками, какие выползают из дому в теплые весенние и летние месяцы. Зимушка-зима да дождливая осень их никак не радуют, отчего дома и они отсиживаются.

У меня же встречи в магазине больше частью происходят с 88-летним Алексеем Чеботаревым, бывшим машинистом тепловоза и электровоза, отдавшего «железке», как и я, сорок лет. В свое время я даже писал о нем в «Индустриалку», чем несказанно удивил его, поскольку он никак не ожидал от меня такого подвига. Я же сказал ему, что он стоит того.

В Агадыре Алексея Петровича из саратовских краев послал коммунистический МПС, какой ведал всеми делами на железнодорожном транс-

порте большого Советского Союза. МПС знал, что паровозы отжили свой век, и потому выпустил в свет тепловозы. Тепловозная тяга внедрялась в Казахстане повсюду и повсеместно. Пришли тепловозы и в агадырское депо, какие трудились в нем до 1982 года, когда им на смену пришли и вовсе прогрессивные электровозы. В наш век кругом главенствует электричество, что под силу только цивилизованному человечеству.

По заданию МПС Алексея Петровича как тепловозника и послали в Агадырь на помощь агадырским локомотивщикам. Случилось это 1957-ом, когда он, бывалый, здоровый 28-летний холостяк с задатками неутомимого трудяги, прибыл в агадырское депо и предъявил в отделе кадров соответствущие бумаги с направлением. Так и началась для него работа с новыми людьми, с новым окружением на все сорок лет...

За эти годы Алексей Петрович окончил железнодорожную заочку, стал машинистом-инструктором. Руководство депо организовало у себя же подготовку из агадырской молодежи помощников машинистов тепловоза, какие вклинивались в работу и заменяли тех, кто уходил на свой «дембель». А локомотивщики в это время уходили на свой «дембель»-пенсию в 55 лет при поездном стаже в двенадцать с половиной. Машинистов локомотива так готовила Карагандинская дортехшкола, какая базировалась в Сортировке.

Хоть и был Алексей Петрович Чеботарев на «дембеле», но связи в депо не порвал. Руководство поручало ему по-прежнему готовить все тех же помощников машиниста, пока депо не перешло на электровозную тягу. Электровозу Алексей Петрович учился сам вместе со всеми, чему переучивались все тепловозники.

В 1985-ом Алексей Петрович «дембельнулся» на все сто процентов, но быть полезным для дела, для общества всегда была его девизом. Железнодорожники его родного цеха экплуатации избрали его председателем совета ветеранов, каким он является по сей день.

Работы у председателя совета хватает под завязку, но Алексей Петрович не просит при своем возрасте замены. Ветераны могли бы сделать это безболезненно, но в том-то и дело, что у Алексея Петровича ко всем пенсионерам лежит душа. Он знает, у кого надвигается круглая цифра дня рождения, у кого с пятеркой, для каких он заранее готовит в местном «Баспагере» красочные открытки и поздравительные письма. Подарки юбиляром при-

подносятся непременно, что их вдохновляет, возбуждает и какие сами же желают Алексею Петровичу дотянутся до девяноста, с каким они уже точно соберутся в один круг и поздравят с настоящим душевным юбилеем. А пока Алексей Петрович сам делает свои поздравления, чему радуются обе стороны. Самые крепкие и самые боевые так даже толкают речь, в какой они говорят, что жизнь идет, жизнь продолжается, и нам, пенсионерам, хочется, чтобы у нее просто не было конца.

Прежде в депо мы знались с Алексеем Петровичем только по работе. Я пятнадцать лет слесарил тепловозы с прочими слесарями, а он и все локомотивщики их цеха эксплуатации принимали их и угоняли их под поезда. Более же крепко сдружились мы, когда оба поступили в хоровой клуб ветеранов войны и труда «Магистраль», какой базировался в Караганде-Сортировочной. Существует он и теперь, только агадырцев в нем нет. А ведь было их в «Магистрали» около двенадцати человек.

«Магистраль» имела свое лицо. Она выступала во всех карагандинских городах, ее видели и слышали Топар, Абай, Сарань, Шахтинск да Пришахтинск, железный Темиртау с его таким гостеприимным городом, Агадырь. Что удивительно и неожиданно случилось то коммунистическое советское время, так это приглашение то ли ветеранских сил, то ли чисто железнодорожных побывать «Магистрали» в большом трудовом Кемерово и на обратном пути на Новосибирске. «Магистраль» и впрямь побывала и дала свои концерты. Сейчас о том приходится только вспоминать и молча поклонятся тому советскому времени, какое многое давало даже самому простому человеку.

В 1991-ом клубу «Магистраль» было присвоено звание народного, отчего его даже пригласили в Алматы в честь 50-летия Великой Победы. «Магистраль» влилась в состав большого объединенного хора. В первых рядах столичного зала дворца имени Ленина находилась Правительство республики с Президентом Нурсултаном Назарбаевым.

С развалом Союза Советских Социалистических Республик агадырцы не стали наведываться в «Магистраль», а организовали собственный ветеранский ансамбль «Сударушка». Душой его и организатором явился Алексей Петрович, поскольку в художественной самодеятельности он со времен пятилетней службы на корабле в Севастополе в его давние армейские годы. Теперь тому исполняется шестьдесят лет и даже за шестьдесят,

тогда как служба на флоте проходила аж все семьдесят лет назад.

Народ в «Сударушке» чисто пенсионный, бывалый, но талантливый и деятельный. Одиннадцатитысячный Агадырь всегда душевно приветствует хорошую песенную «Сударушку». Сил и таланта у нее хватает, как и хватает желания выступать с концертами не только в Агадыре, но и на выезде. В ансамбле ведущими баянистами являемся мы с Алексеем Петровичем. Работы нам хватает, как хватает ее и всем остальным. Наши участники, как и мы с Алексеем Петровичем, не засиживаемся в четырех стенах, встречаемся с людьми своего родного депо, рассказываем молодым о своей жизни и говорим, что именно им, молодым, как раз и предначертано судьбой и временем сделать текущую жизнь всех казахстанцев богатой и счастливой.

ГДЕ-ТО Я ЭТО СЛЫШАЛ ...

- Скажи, Абрам, почему ты так поздно женился?
- Видишь ли, Сара, прежде чем решиться на этот серьезный шаг, я хотел иметь надежный и постоянный доход...
- И ты его имеешь?
- Да, я получаю пенсию по старости.

- Скажи, Абрам, что такое есть на земле пенсионер?
- Ну, Сара, пенсионер - он и в Африке пенсионер. Выпусти на него льва, и он от льва увернется, потому как прошел жизнь, подкован жизнью, а пенсия сделал его зорким, дальновидным и хитрым, как тысяча чертей.

* * *

- Скажи, Абрам, долог ли путь пенсионера?
- Ну ты даешь, Сара! Я на пенсии уже двадцать лет, а быка и теперь могу завалить. Пенсионеру надо придерживаться правила: не пить, что в градусах, не есть, что в калориях, не знаться с табаком. А главное, надо постоянно ходить - в дождь, в пургу, в мороз и в жару, и пенсионер забудет, что такое большие годы, помня, что движение - это жизнь, как и жизнь - это движение.

- Абрам, что-то давно нам дети не звонят из своего райского Израиля! То ли они заелись, то ли вообще закопались в своем богатстве...
- Ну, Сара, а денежки ты им давно посылала?
- Да как бы не года два назад.
- А ты в то время большую сумму сняла со сберкнижки...
- Так мне же подвернулись аховская итальянская шуба и французские сапоги, какие даванули меня почти на миллион тенге.
- Ну так и радуйся им, а про детей забудь. Что им даешь, то от них и получаешь!

- Что-то ты, Абрам, в последнее время холоден стал со мной. Не появилась ли у тебя вторая зазноба?
- Появилась, Сара. Ею как раз и явилась твоя шуба, какая тебя одела, а меня истинно раздела.

- Скажи, Абрам, вешать лапшу на уши - это прогресс или регресс?
- Конечно, Сара, прогресс.
- В чем его суть?
- Хотя бы в том, что он помогает читателю умнеть. Лапша на ушах хоть чему-то учит.

— Скажи, Абрам, есть ли разница между кошельком и сердцем?
— Ну, Сара, еще какая! Сердце бьется всю жизнь и всегда наполняется кровью, а кошелек тоже бьется всю жизнь, но часто и густо пустеет.

- Слушай, Сара, а что это Сагентай стал с тобой нежен, как кошка с котенком?
- А я ему красную пятерку дала в долг, так он, наверно, и ластится, чтобы я отдачу откладывала на неопределенный срок.

- Слушай, Абрам, бывают ли мужья идеальные?
- Ну, Сара, ты даешь! Я, по-твоему, не из их ли десятка?

- Скажи, Абрам, почему так случается в жизни, что мужчина и женщина, создавшие семью и нажившие детей, часто и густо расходятся?

- А ты как думаешь, Сара?
- Не знаю. Я давно от тебя бы убежала, да боюсь, что меня, кроме тебя, никто не подберет.

- Скажи, Абрам, почему люди по Турциям разъезжают да на Канарах кости греют, а мы с тобой не можем даже в Каркаралинск пробиться?
- Так, Сара, у людей карманы трещат от денег, а я так забыл, как три рубля выглядят.

- Что ты думешь, Абрам, о передаче «Давай поженимся»?
- А чего, Сара, думать о ней? Коту делать нечего, так он лапу свою лижет, а тут на всю вселенную выходят со своей холостяцкой жизнью. Пары из века в век создавались по любви и сговору, а тут - увидел, выбрал, победил, раз-два, и семья готова!

- Скажи, Абрам, что это значит, когда в кругу друзей ты говоришь, что женка - она в Африке женка?
- А то, что львица, куда ее ни помести, всюду остается львицей.
-И я тоже?
- А чем ты лучше всех жен на планете? Та же корова, какая умеет телиться и давать теленку свое молоко...

- Абрам, вот я купила новый бюстгальтер, старый стал для меня тесный...
- Не бюстгальтер, Сара, а лифчик - так будет по нашему, по-деревенски. Целые века женщины в России носили лифчики, а тут их потянуло на бюстгальтеры!

- Скажи, Абрам, почему сосед Сагентай почти каждый день сосет «родимую», а в доме у него всего полно и даже машину купили?
- А ты знаешь, Сара, сколько он на сдаче бутылок зарабатывает?

- Скажи, уважаемая Сара Адамбайулы, что-то в последнее время ты часто уходишь в гости и одеваешься во все новое, как на свадьбу...

- А чего прибедняться? Пусть знают повсюду, что ты, Абрам, свою женку не из борозды выкопал!

- Скажи, Абрам, все мужики как мужики, на 8 марта дарят женам цветы, а ты умудряешься на стол пузырь водяры для себя и для меня бутылку шампанского!

- Ну, Сара, чего с этих цветов возьмешь? Только цвет да запах, а с водярки да шампанского получаешь бодрость и настроение, смелость и отвагу, от каких петь и любить хочется!

- Скажи, Абрам, что с нашей дочерью делается? Ей только пятнадцать, а у нее такие аховские закидоны с мужиками...

- Не знаю, не знаю, Сара Адамовна. Вспомни свои похождения в те же годы. За меня ты выскочила во сколько? В свои твердые шестнадцать, так что дочка недалеко от тебя ушла.

- Скажи, Абрам, как ты поступишь со мной, если я тебя попросту оставлю и уйду к Абдрахману Калкеновичу?

- Я просто начну лепить твой памятник и поставлю его у своего изголовья.

- Скажи, Абрам, отличается ли женщина от машины, на какие мужик бросается с одинаковой страстью?

- Еще как! Первая его поит и кормит, а со второй он должен делать это сам.

- Вот смотрю я на тебя, Сара Адамовна, и удивляюсь: в какой это стае ты блукала и набиралась злости?

- Так в нашей же деревенской и набиралась.

- Абрам, соседка говорит, что мужики - это природные козлы, какие бросаются на любую козлиху...

- Ничего подобного! Мужик больше бросается на ту, которая убежать от него не может, или на ту, которая хочет, чтобы ее догнали.

- Абрам, давай договоримся: ты свою зарплату тратишь на себя, а я свою - на себя...

-А на детей кто будет тратить?

- Делать это сподручнее твоим предкам - дедушке и бабушке наших балысят. Они так привязаны к внукам, что готовы за них и жизнь свою отдать!

- Можешь мне не верить, Абрам, но думаю, что Толеген с третьего этажа крепко изменяет своей Сауле.

- Не замечал. В чем это проявляется?

- Когда они идут куда-то вдвоем, то просто идут рядом, а когда он идет рядом с другой, то обязательно под ручку.

- Абдрахман, как тебе в целом наш новый век?

- Думаю, Сауле, лучше и не надо. Президент свой, вода своя, хлеб свой, нефть своя, газ свой, небо свое, солнце свое, свобода своя, Независимость своя, столица своя, страна своя и границы ее свои. И нам не нужно, как было прежде, со своими невзгодами рваться на Москву и там искать ее защиты. Теперь у нас свои заботы, у Москвы - свои.

- Скажи, Абрам, что это значит - двенадцатиклассное школьное образование?

- Не знаю, Сара. Коту, говорят, нечего делать, так он сама знаешь чем занимается, что схоже и с нашими педагогическими властями. Всю жизнь, не знаю с какого века, школьное образование было семилетним, а позже - десятилетним. Нынче за десять лет учебы можно столько нахвататься, что нашим предкам и не снилось. Нынче у нас даже двадцатилетние такие номера откалывают, что планета просто содрогается. Не знаю, какую воду можно толочь в ступе целых двенадцать школьных лет!

- Вот скажи, Тугамбай Калкенович, почему Абрам и Сара перестали к нам ходить?

- Потому, Кадиша, что Абрам на тебя глаз бросает и как кошка ластится, а Сара на меня ноль внимания и два презренья.

- Скажи, Абрам, почему наш кот так ластится к тебе и очень внимательно слушает, когда ты ему лично читаешь свои стихи?

-Так больше ведь некому читать! К стихам ты равнодушна, а кот у меня прилежный слушатель и, вижу, любит стихи, потому как он у нас грамотный, шесть классов наверняка окончил.

- Абрам, чего бы ты желал на завтрак куснуть вкусненького и экзотического?

- Ивана Урганта «Смак».

- Абрам, ты с мужиками часто встречаешься... Скажи, есть ли у Сагентая Тутешева новая телка?

- Не знаю, Сара. Сагентай говорил, что его корова так предупредила, что любой его новой телке она самолично ее сиски завяжет на шее.

- Абрам, почему наш сосед Федор Федорович о своей жене говорит, что она у него скоро опоросится? Это что за отношение к собственной жене?

- А то, Сара, что она всю жизнь проводит с поросятами и со свиньями, на каких и делает свой бизнес. Посмотри, какие они хоромы отгрохали! А опоросится - это по привычке, о рождении хоть человека, хоть животного.

- Абрам, ты хоть раз бы зашел в салон красоты и посмотрел бы на нас, настоящих красавиц нашего города!

- Кто меня туда пустит без намордника? Посмотри на мою нынешнюю фотографию, так там такое страшилище, каким только детей пугать.

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЕ СТРАДАНИЯ

Прошлая железная дорога с ее знаменитым МПС нам, старикам, помнится до сих пор. Ну как ее не помнить и не кланяться ее памяти, когда железная дорога была во многом всесильной! Как помнится, были железнодорожные школы, больницы, детсадики, железнодорожные институты и

техникумы, прочие железнодорожные учреждения, какими ведала железная дорога. Если ты железнодорожник, твое производство выдавало тебе аж целых два бесплатных железнодорожных билета по своей республике и по всему великому СССР.

Кроме билета железнодорожник получал и бесплатные угольные карточки, какие отоваривались со станционного угольного склада. Так было на железной дороге испокон веку, потому народ шел на «железку» безудержно, поодиночке и валом. Что удивительно, работа находилась для всех.

Что важно и что крайне ценилось на железной дороге, так это наличие на крупных железнодорожных станциях контейнерных площадок со складами и подъездными путями. Роль их для населения была захватывающей, часто востребованной и просто бесценной. Вздумал человек переехать в другой город в своей республике или во всесоюзной окраине - заказывай контейнеры и грузи в них все, что было нажито за свою жизнь: диваны, кресла, столы, стенки да шифоньеры, прочую утварь, какая служила хозяину всю его жизнь и с какой расставаться было не только больно, но и растратно.

Мой знакомый по Агадырю, машинист тепловоза и электровоза, после развала Союза решил в 1995-ом переехать в Барнаул. Заказал для переезда два контейнера, в какие загрузил все свое нажитое годами хозяйство, как ту же стенку, диван, кресла, а главное, в один из контейнеров воткнул своего знаменитого трудягу - мотоцикл «Урал», на какой накидал всякой мягкой и жесткой всячины. Все это хозяйство прибыло по назначению, какое служит хозяину и теперь, когда они с женкой на «дембеле» уже целых пятнадцать лет.

Сегодня «Казахстан темир жолы» контейнерные площадки уничтожил, как врагов народа. На площадках остались старые кирпичные склады с подъездными путями. Железную дорогу они не волнуют, есть не просят, потому просто доживают свой век в одиночестве. О людях, решивших переехать в другой город или в другую страну СНГ, железной дороге стало до лампочки, отчего переездчикам приходится все нажитое за свою жизнь продавать за бесценок, а то и вовсе все бросать новому хозяину квартиры. А оно ведь было нажито временем, трудом и терпением. Люди часто и густо просто со слезами оставляют все свои пожитки...

Помочь людям хотелось бы, но кто этим нынче будет заниматься? У «Казахстан темир жолы» нынче свои законы и свои права. Бесплатные железнодорожные билеты отменены, как и те же бесплатные угольные карточки. Теперь за все надо крепко платить, отчего время МПС нам, старикам, только вспоминается. Им так и хочется поклониться прежнему МПС и его прежней железной дороге, а заодно спросить: как вы, дорогие наши, выживали все семьдесят лет советской власти?

Спрашиваю о том и я, отдавший «железке» сорок лет своей жизни. Спрашивает и прочий железнодорожный народ в моем Агадыре и всюду, где пробегает железная дорога. В России железнодорожные билеты сохранены для рабочих железнодорожного транспорта и для пенсионеров-железнодорожников, а в странах СНГ - не ведаю, как и не ведаю, сохранились ли в странах СНГ железнодорожные школы, больницы, детсадики, железнодорожные институты да техникумы, железнодорожные училища, ФЗО да ремесленные училища РУ, готовившие квалифицированный рабочий класс. В мою молодость они существовали, из каких я окончил Акмолинское железнодорожное училище, после окончания какого со всеми братьями в пятнадцать душ был направлен в депо Агадырь, где и отдал слесарному делу три пятилетки.

У СНГ сегодня и правда свои законы, свой новый век и свой новый человек, так что удивляться тут вроде нечему. Удивиться, может, стоит лишь тому, что локомотивные бригады, то есть люди, какие водят поезда, в России уходят на «дембель» ровно в 55 лет, а в Казахстане - в 59. Не знаю, как в прочих республиках СНГ, но в Казахстане - в 59.

Прошли слухи, что с 2016 года якобы этот срок снизили до 57. Этому можно поверить, потому как высокие железнодорожные головы понимают, как вредна поездная работа под напряжением в 27 тысяч вольт и работа на тепловозе с дизельными и солярочными парами и собственным магнитным полем, какое создает собственный дизельный генератор, без какого тепловоз не сдвинется с места и на сантиметр.

Таковы на нынешний день железнодорожные страдания у нас в Казахстане. Как там в других странах СНГ, я судить не берусь, поскольку того не знаю и не представляю, где и у кого можно о том узнать. Агадырские железнодорожные боги, по их словам, того же не знают. Я им не верю, но они упорствуют. Подумал: наверно, правы эти боги, поскольку чего ждать

от пенсионера? Пенсионер - он и в Африке пенсионер, потому что с него возьмешь...

В наш век и впрямь стало сложно определить, когда наступает эта самая старость, где ее продолжение и последняя точка. На Западе, как говорит мировая статистика, пенсионные сроки с прежними нашими почти повсеместно завышены. В Англии, к примеру, пенсионный срок определен для мужчин 62 года, а для женщин так в 60, при средней продолжительности жизни в 77,3 года; в США - 65 и 62 при 76,8; в Швеции - 62,5 и 60 при 78; в Чили - 65 и 60 при 75; во Франции (как и в России) - 65 и 60 при 78,2, тогда как жизненный потолок в России равнялся в свое время в 65,9 годиков.

Наш новый казахстанский пенсионный потолок не иначе как вызван самой жизнью. Однако жизнь наша настолько многообразна, что ней не обойтись без исключений. Таким исключением в пенсионном вопросе должна бы стать дифференциация пенсионного возраста для локомотивных бригад, водящих поезда. Как говорит статистика, локомотивщики всегда уходили на «дембель» в свои кровные 55 при поездном стаже в 12,5 лет. Нашей казахстанской думе надо бы хорошо знать условия работы локомотивщиков при современной тепловозной и электровозной тяге, не говоря о старой паровозной, когда машинист, его помощник и кочегар за поездку ухайдоки вались истинно до упаду. Так вот, казахстанские железнодорожные боги определили «дембель» для локомотивных бригад в 59 лет при условии последнего года работы до пенсии, то есть до 59 лет именно на локомотиве.

Отцов этого пенсионного вердикта, говорят возмущенные поездники, надо бы самих посадить на локомотив, чтобы они лет пятнадцать провели в грохоте солярочного тепловозного дизеля и столько же поездили на электровозе под напряжением электровозной подвески в 27 тысяч вольт. Сами локомотивщики говорят: уйди они на «дембель» в 55, сколько бы освободилось свободных мест для молодых!

Говорят, у нас в Казахстане с 2016 года для локомотивщиков сделаны послабления, и они теперь уходят на «дембель» якобы в 57 лет. Коль это так, железнодорожным богам «Казахстан темир жолы» надо отдать должное и даже попросить Аллаха послать им долголетия.

БОЛЬШОЕ ТЕПЛО ДУШИ

Поверьте, не ожидал такого теплого и такого доброжелательного отношения ко мне, простому заурядному старику Агадыря, не от кого бы там ни было, а от самого агадырского акимата. Случилось это в день весеннего равноденствия, в светлый и радостный праздник Наурыз, когда повсюду в городах и поселениях Казахстана люди выходили на улицы в красивом весеннем наряде и радовались весне и весеннему солнцу. А радость эта выливалась в песни и пляски, в коллективное живое торжество, спаянное дружбой и истинным братством всех, кто выходил на эти улицы.

Так было и в моем Агадыре. Агадырские власти и организации поставили на привокзальной площади целых семь внушительных размеров юрт, в какие вход разрешен был каждому. Хозяева даже сами приглашали прохожих к себе, чем воспользовался и я со своим товарищем Алексеем Чеботаревым. В юртах хозяева тепло встречали пришедших, усаживали за массивные круглые столы, уставленные всяческими изысканными вкусностями и яствами, такими как знаменитый бешбармак, всяческие салаты, баурсаки и непревзойденные сладости всяческого сорта, формата и набора.

Чай к ним поглощался истинно пиала за пиалой, от чего не отказался и я, поскольку всегда любил казахский чай. Алюбил, видать, оттого, что родился я и рос в ауле Кенбидаик Кургальджинского района, где хозяйки-казашки готовили истинно классический чай. Матушкин чай уступал ему по вкусу, горячности и привлекательности. Много лет спустя моя женка тоже не научилась готовить настоящий казахский чай, от какого и правда любить хочется.

После посещения юрт агадырских люд непременно шел в привокзальный парк со стадионом, большой эстрадой сценой и стандартными лавками-сиденьями. Здесь как раз и должен был идти праздничный концерт агадырских певческих талантов и танцоров, какой и начался после поздравительного выступления акима Агадыря Агзама Сембаева.

В одном из концертных перерывов ко мне, сидевшему в первом ряду, подошел заместитель акима Агадыря Калижан Калкенович Беккожин, какой и увел меня на сцену, где меня уже ждал у микрофона сам аким по-

селка. Он во всеуслышание, принародно поздравил меня с праздником Наурыз и, чего я никак не ожидал, с моим восьмидесятилетием, какое исполнилось в прошедший день 7 марта. Наверно, в акимате было так задумано - поздравить юбиляра с двойным для него праздником.

Ну как было не считать праздником, когда аким самолично зачитал все данные обо мне, какие присутствующие, может быть, вообще впервые в жизни слышали и, может, даже впервые видели какого-то восьмидесятилетнего дедугана, затерявшегося в большом одиннадцатитысячном поселке. Старики так больше отсиживаются в своих халупах у телеящиков, а то и вовсе летом на балконах, коль таковые в их домах предусмотрены, отчего их не очень тянет на улицу, на люди. В обычные дни посиживаешь у себя, почему и вырисовывается известное: мой дом - моя крепость. Такое со стариками случается нередко, за что их деяния попросту прощаются...

А уважаемый мэр нашего города, достопочтенный аким Агзам Сембаев во всеуслышание зачитал обо мне следующее:

«Уважаемый Николай Андреевич!

От всей души поздравляю Вас с прекрасным весенним праздником пробуждения природы, тепла и благоденствия Наурыз мейрамы и 80-летним юбилеем со дня рождения!

Мы знаем, что Вы родились 7 марта 1937 года в ауле Кенбидаик Кургальджинского района Акмолинской области. Ваше детство проходило в самые трудные годы, когда страна, едва оправившись от голода, политических репрессий и Великой Отечественной войны, начала восстанавливать разрушенную страну, поднимать народное хозяйство.

Окончив школу, Вы поступили в Акмолинское железнодорожное училище и, получив специальность слесаря по ремонту дизельных установок на тепловозах, в 1957 году были направлены на работу в Агадырское локомотивное депо. И вот в течение 60 лет по велению судьбы Вашей второй родиной стал Агадырь. Далее Вам удалось поработать в головном ремонтно-восстановительном поезде №29, какой назывался в официальных документах как «ГОРЕМ-29», где принимали активное участие в работе по строительству вторых железнодорожных путей участка «Караганда - Чу».

Работа на данном предприятии - это не только строительство железной дороги, но и жилых домов в поселке, магазина, столовой, большого

клуба и большого двухэтажного детского садика. Так, «ГОРЕМ» построил в Агадыре два микрорайона. В первом было восемнадцать восемнадцатиквартирных домов, а во втором - пять двадцатичетырехквартирных. Кроме того, в центре поселка «горемские» строители поставили три двухподъездные пятиэтажки по сорок квартир в каждой. Они и теперь придают поселку особую красоту и какое-то возвышенное чувство. Агадырь умеет выглядеть красиво и привлекать к себе заезжий народ.

В целом, где бы Вы ни работали, всегда находились в центре внимания руководства за хороший и самоотверженный труд, всячески поощрялись грамотами, денежными премиями, ценными подарками от руководства предприятия Карагандинского отделения дороги АО НК «Казахстан темир жолы».

Без отрыва от производства в 1968 году Вы окончили заочное отделение КазГУ и получили вторую специальность - журналист. И это было не случайно, так как Вы с юных лет активно занимались творческой работой, писали стихи, рассказы, вообще занимались литературой. Эта страсть к литературному творчеству сохранилась в Вас и на Вашем «дембеле», как вы любите называть свои пенсионные годы.

Сегодня мы с гордостью можем говорить, что наш односельчанин - автор одиннадцати живых книг. Вы являетесь автором романов «Годы Орлиные» и «Жизнь моя забубенная», какой даже печатался в нашем отечественном литературном журнале «Нива», какой до августа 2015-го выходил в Астане, сборника очерков «Пестрые письма», прозаической повести «Судьбы натянутая нить» и поэтических сборников «Зори агадырские», «Жизнь ты, жизнь» и «Жизнь на ладони». В Караганде в издательском доме «Классик» ждут готовыми своего автора книги «Агадырские рассветы», «Пестрые письма», «Мои года», «Мой причал». По Вашему же сведению, у Вас готовы и ждут своей издательской очереди три книги -«Поэтические этюды», «Жизни моей колесница», «С миру по нитке». Желаем Вам удачного их выхода в свет!

Еще одна Ваша отличительная черта - это увлечение в свое свободное время художественной самодеятельностью. Будучи поклонником баяна и игры на нем, Вы были постоянным участником хорового коллектива «Магистраль». В составе данного коллектива Вы объездили почти весь Казахстан, но побывали и в российских городах, таких как Кемерово, Ново-

сибирск, где выступали даже в знаменитом Академ-городке. В настоящее время участвуете в русском фольклорном ансамбле «Сударушка» при культурно-досуговом центре имени Ш. Бейсековой, который известен далеко за пределами нашего района.

Несмотря на свой преклонный возраст, Вы до сих пор активно участвуете в общественной жизни поселка, являетесь членом совета ветеранов поселка и родного локомотивного депо. Во время выборных кампаний не раз являлись доверенным лицом действующего Президента Н. А. Назарбаева, партии «Нур Отан», за что были награждены почетными грамотами и благодарственными письмами акимов поселка и Шетского района.

Уважаемый Николай Андреевич! В свои 80 лет Вы необычайно бодры, здоровы, показываете пример окружающим, особенно молодежи. В этот прекрасный день весны желаю Вам доброго здоровья, долгих лет жизни, счастья и благополучия Вам и Вашей семье, детям и внукам!

Аким поселка А. Сембаев, Карагандинская обл., Шетский район, поселок Агадырь, март 2017 года».

Да, ну как тут было не воспрянуть, как не поклоняться родному агадырскому акимату, какой не забыл агадырского дедугана, какого акимат не посчитал, что этот дед во сто шуб одет, но в свои восемьдесят еще живой и бодрый, и какой в ответном слове сказал: «Менын бас истейде, аяк истейде, Гульчатай шай береде, тагада не керек?». По-русски говорить не стал, но письменно это означало: «Голова у меня работает, ноги тоже, Гульчатай чай готовит, чего еще надо?». И правда - чего?

Если только шоколада... Так это по линии моей женки Гульчатай, а по моей линии это когда рука тянется к перу, а перо к бумаге, на которой и рождается вся моя писанина. С 2013 года по нынешний день живыми в издательском доме «Классик» города Караганды вышли одиннадцать моих книг тиражом в 20-30 экземпляров каждая. Семь из этих книг я подарил агадырской библиотеке, столько же школе имени Гагарина, остальные раздал друзьям и моей родне в Астане, Жалтыре, Чебоксарах, Барнауле и Новоалтайске.

Родня говорит, что им мои произведения нравятся. В них есть живая жизнь, живые герои со своим характером, своими мечтами и надеждой. Агадырская библиотекарша Галина мне так откровенно говорит, что меня

вообще не читают и вообще не обращают внимания на красочные обложки с моим портретом. А все, скорее, потому, что нынче век компьютеров, мобильных телефонов, ноутбуков, планшетов и знаменитого Интернета, какие не усаживаютт людей за книги и какое-то чтение.

Что ж, новый век рождает и новых людей. Им, наверно, есть чего взять от нас, своих предков. Мы все-таки построили новый Казахстан, дали ему свою Независимость. В Казахстане процветает дружба народов всех наций и народностей, какая уж точно даст людям счастье увидеть свой Казахстан красивым и светлым царством, о каком человечество мечтало всегда, как бы не со дня своего рождения...

А нынешний Наурыз мейрамы в год Петуха для казахстанцев и непосредственно для агадырцев станет праздиком дружбы, труда и единства. Мне же остается в этот год ждать выхода в свет остальных трех моих книг. Они наверняка последние, потому как восьмидесятилетнему аксакалу надо и меру знать, по поводу чего только что родилось и это стихотворение:

А годы, парнишки, нас не щадят,
С годами мы резвость теряем:
То ноги скрутило, то почки болят -
Вот так мы в тиши помираем.
Но я не желаю тихонько заснуть
Сном неожиданным, вечным,
Хочу, чтобы около был кто-нибудь,
Хотя бы рассказчик беспечный.
Пусть будет усердным товарищ медбрат,
Какой и глаза мне закроет,
А за окошком пусть дети шумят
И в поле волчица завоет.
То будет по мне предпрощальная боль,
Я, может, и тем успокоюсь,
Я в жизни исполнил нелегкую роль,
Пред вами о чем и откроюсь.
Хотел бы я на старости, как орел небесный,
Тот, что постоянно в облаках парил,

Стать для Казахстана как поэт известный,
И чтоб меня читатель хоть как-то полюбил.
Я тогда, душою и мыслью воспаряя,
Вознесусь, как птица в небо, в вышину,
И увижу мир, глазами не мигая,
Увижу землю, небо, солнце и луну.
А они и есть наше притяжение,
Наша жизнь, надежда, счастье и судьба,
Наша Независимость, наше продолжение,
Наши планы, мысли, память и борьба.

О НАШЕЙ ВСЕЛЕННОЙ

Как-то попала мне в руки удивительная, на мой взгляд, Книга рекордов Гиннеса, о существовании какой в нашей агадырской библиотеке я не знал, не ведал и какая увлекла меня как нечто необычное и непривычное. Прежде постранично пролистал всю книгу, а после стал внимательно вчитываться в каждый раздел, первым из каких явился «Человек».

Ну, о человеке рассказывали открытия современных цивилизованных ученых, какие в своих раскопках находили окаменелые скелеты первобытных людей, живших на Земле и пять, и два миллиона лет назад, и совсем даже в 500 тысяч лет. Указывался рост скелета и даже его пол. В разделе «Человек» говорилось о долгожителях планеты, о многодетных роженицах, какие за свою жизнь рожали аж до 69 детей, что якобы точно подтверждено соответствующими документами. Была это, как сообщается в книге, жена Федора Васильева. Роды эти происходили с 1725 года по 1765-ый в городе Шуя, о чем и было доложено императрице Екатерине Второй, какая к факту отнеслась с интересом и доброжелательностью. Что удивительно, роженица рожала всего лишь 27 раз, когда родилось 16 двоек, 7 троек и 4 четверни. Как ведает история, 67 детей выжили и дожили до преклонного возраста.

Конечно, знать о человеке мне хотелось многое, потому я задерживался на этом разделе подолгу, благо что меня как пенсионера никто не торопил.

Дальнейшие разделы Книги Гиннеса тоже меня интересовали, я их прочитывал, читаю и теперь.

Но больше всего меня заинтересовал раздел «Вселенная», где меня интересовало буквально все: наше Солнце, Луна, наши звезды, какие мы часто видим в яркую лунную ночь, если нас тянет посмотреть на наше звездное небо. Среди этих звезд, как указывается в книге, существуют планеты с твердым покрытием, как на Земле, какими являются Марс и Венера. Среди девяти планет во Вселенной, известных человечеству, самыми близкими являются спутник Земли Луна, какая находится от Земли всего лишь в 400 тысячах километров, а в точности, какую дают ученые, это расстояние равно 384399,1 километра. Что удивительно, ученые усекли даже эти несчастные сто метров. Ну, при нынешней технике и технологии сделать это, наверно, не слишком сложно. Что удивительно, ученые с этими самыми ста метрами определили и размер нашей спутницы Луны, какой равен 34751,1 километра.

Размеры Луны удивляют. Оказывается, она почти втрое больше Земли, диаметр какой с востока на запад равен 12756 километров и даже 274 метра, а с севера на юг размер нашей планеты несколько сдавлен и равен 12713,5 километров. Длина земной окружности всего-то равна сорока тысячам километров!

Ах, какая же все-таки маленькая наша планета Земля! Если посмотреть на ее географическую сушу, где могло бы существовать человечество, то ее на Земле совсем немного. Посмотрите на карту Земли - сколько на ней рек, озер, морей да океанов, где не распашешь пашню и не посеешь хлеб, не построишь и своего собственного дома. Без них, конечно, человек существовать не может.

Это ведь не теория, а практика жизни. Знаменитые и такие большие регионы на Земле, как Антарктида, пустыня Сахара и другие безжизненные места, необитаемы человеком, потому как там нет для него условий жизни. Так они и существуют безлюдными со времен появления человечества на Земле.

Антарктида - это вечный ледяной и снежный покров, а пустыня Сахара - сплошной песчаный и солнечный край, какой никогда не знал дождя и не видел воды. Ну, а без воды какая жизнь? Солнце, воздух и вода для жизни были нужны всегда. Там, где они есть, там непременно есть жизнь,

есть живой человек. С ними человек живет уже миллионы лет и наверняка будет жить, пока существует живая Вселенная с ее Солнцем, звездами, Луной и другими планетами, с морями и океанами, с реками и озерами и с нашим чистым небом без дыма и гари.

А вот давайте спросим себя: что мы знаем о своей Вселенной? Конечно, главным живым ее объектом, какой дает жизнь всему живому на Земле и в космосе, является Солнце. Ученые говорят, что Солнце отстоит от Земли почти на 150 миллионов километров и в поперечнике равно 1 миллиону и 392 тысячам километров, не забыв приплюсовать и несчастные простые 140 километров. С нынешними учеными не поспоришь, потому как они знают и температуру Солнца, и причины темных пятен на нем, и даже о затмениях Солнца, умея их предсказывать и предвидеть. Их предвидения пока оправдывались.

Знают ученые и о всех девяти планетах во Вселенной, какие вращаются вокруг Солнца. Планеты эти, как, скажем, Марс и Венера, удалены от Земли на порядочные расстояния, но люди все равно планирует на них полетать. Марс удален от Земли на 55 миллионов километров, а Венера - на 41 миллион.

Ученые говорят, что Марс и Венера - мертвые планеты. Они, по предсказаниям ученых, по размерам вдвое меньше Земли. Что там интересно землянам - неизвестно, но полет на них человек планирует не в каком-то отдаленном будущем, а буквально в ближайшее десятилетие.

Чем обрадуют землян эти далекие планеты - Бог весть. Может, там много полезных ископаемых, каких нет на Земле, может, там много железа и золота. А может, там есть солнце, воздух и вода, и там возрождается живая жизнь, как это было миллионы лет назад на Земле. Ученые почему-то уверены, что живая жизнь во Вселенной есть не только на Земле, но и на других планетах, какие находятся в далеких мировых пространствах, удаленных от Земли на целые миллиарды километров. Пока существует Солнце, жизнь возможна в любой точке нашей необъятной Вселенной.

Обозревая прочитанные страницы Книги рекордов Гиннеса, приходится, правда, многому удивляться. Удивляться современному человечеству и тому же космосу с его планетами, их спутниками да разными метеоритами, какие носятся по космосу и нередко падают на Землю, когда

сгорая и еще не долетая до нее, а то и врезаясь в нее со своей космической скоростью.

О том, что некая российская женщина, жена простого российского мужика из Шуи, что в 240 километрах от Москвы, рожала аж 27 раз и родила в общем 69 детей, из каких 67 дожили до преклонного возраста, я узнал только теперь, на своем девятом десятке. Что женщины могут рожать тройню и даже четверню, я узнал впервые из этой самой Книги Гиннеса.

О человеке в книге вообще сообщается многое. Сообщается о том, какие бывают самые высокие и самые маленькие, самые легкие и самые тяжелые, и о том, кто прожил на Земле больше всего лет...

О космосе тоже сообщается много интересного и занятного. Ну как было не занести в эту самую книгу данные от крупнейшем в мире метеорите, какой был найден в 1920 году в такой стране, как Намибия! Интерес к такому небесному пришельцу вызван тем, что монолит имеет размеры в длину 2,75 метра и 2,43 в ширину, а весом во все 60 тонн. В этом монолите ученые обнаружили около 93% железа и 7% никеля. Металлы на Земле не новые, но как они затесались еще в космические объекты, землянам пока неизвестно. Кто знает, возможно, блуждают в космосе подобные метеориты, состоящие из сплошного золота или серебра. Попробуй разберись в этом космосе и в том , что хранят в себе Марс, Венера, Плутон, Меркурий и знаменитый великан Юпитер, диаметр которого равен почти 143 тысячам километров с поперечником в 134 тысячи тех же земных километров...

Все найденные на Земле прищельцы из космоса, такие как метеориты и всякие каменные раздробленные осколки, хранятся в различных музеях мира и вызывают интерес у человечества. Ему ведь тоже интересно знать, существует ли подобная земная жизнь, живая то есть жизнь, в далеком космосе, у какого нет ни конца, ни края. У землян есть Солнце, какое и дает жизнь всему живому. А почему бы оно не могло дать жизнь тому же Марсу или той же Венере? Если природа дала им воздух и воду, то почему-то хочется верить в то, что в космосе может существовать такой же человек, как на Земле. Время и жизнь когда-то это откроют, только обидно, что мы этого знать не будем. Наши потомки наверняка будут счастливее нас, и, может, они даже будут общаться с космическим человеком.

МОЙ ПРИЧАЛ

Памятных дней в нашей жизни немало. Это какие-то праздники, дни рождения, дни памяти... Вот приближается праздник для наших прекрасных женщин, традиционный и довольно давний - 8 Марта. В этот день надо вручить женщинам все цветы мира, что, видно, и будет сделано.

Сделаю нечто подобное и я, но 7 марта моя женка должна меня опередить и поздравить меня с моим 80-летием. Подумываю: 80 - это все-таки годы, до каких нынче в атомный и космический век, в век безумного количества машин с их безумным движением и задымлением нашего воздушного пространства, где мы живем и чем дышим, прожить большие годы не так просто.

И правда, мои друзья по прежней работе, мои сверстники и одногодки, а то и вовсе люди моложе меня, но тоже недавно ушедшие на свой заслуженный, отчего-то потихоньку уходят в мир иной, не предупреждая о своих хворях и болезнях, каким нужно долгое и дорогостоящее лечение. Ни на что мои друзья не жаловались, а вот тихо засыпали и не просыпались. Один так и вовсе на «дембеле» протянул всего лишь пару лет и заснул прямо на диване перед телевизором, какой что-то показывал и даже о чем-то глаголил. Жена же его хлопотала на кухне, готовя какую-то обеденную похлебку, принесла что надо, окликнула к обеду, а он в мирной позе сидел все на том же диване. Жена подошла к нему, а он уже начал стынуть...

Другие друзья и знакомые по поселку тоже уходили из жизни тихо, будто крадучись. Лучший друг мой, ровесник и к тому же мой тезка так и до «дембеля» не дотянул. Работал он, правда, в Караганде, ехал с работы домой в автобусе и в автобусе же заснул прямо в автобусном кресле. Было ему всего 56, так что до «дембеля» ему оставалась по нынешним временам так аж целая семерка.

Справляя сегодняшние мои 80, я подумал, что Агадырь и впрямь стал для меня моим причалом. Каким таким образом? В поселок, а точнее, на большую железнодорожную станцию Агадырь, что в трех часах езды до областной Караганды на электричке, я был заброшен по направлению после окончания Акмолинского железнодорожного училища шестьдесят

лет назад. В то время железная дорога только-только начала переходить на тепловозную тягу, давая отставку вечному паровозу, появившемуся на Руси как бы не со времен самого Черепанова.

Новый вид тяги требовал и новую обслугу с новой профессией, какая в корне отличалась от паровозной. На паровозной бери лопату да бросай уголь в топку, создавай и поднимай большой пар, а тепловоз - это уже двигатель внутреннего сгорания, где от человека зависит лишь одно: дай двигателю топливо да нажми на кнопку запуска двигателя, все остальное пойдет своим чередом, предусмотренным и разработанным конструкторами.

В 50-ых годах появились и специальные тепловозные учебники, по каким мы, учащиеся Акмолинского ЖУ, осваивали тепловозную науку в течениие двух лет. А после окончания ЖУ, как было принято в то время, всех учащихся разослали по локомотивным депо Казахстана. Нас, тепловозников, было в училище только две группы. 11 -ая, то есть моя, готовила слесарей по ремонту тепловозов, в какой было 25 человек, и 12-ая, какая готовила помощников машиниста тепловоза. После училища половина слесарной братвы была направлена в Агадырь, а другая половина - в Кызылорду. Куда-то разбросали и помощников машиниста, но за истекшие 60 лет я так запамятовал, кто куда попал. Помню, что в Агадыре обосновался только один из них, какой работал положенные четыре года, а потом Агадырь оставил, как и все его друзья по училищу. Фамилия у этого помощника была Виктор Верба.

Как бы ни было, а жизнь шла. Мы, тогдашние двадцатилетние, трудились, как требовало то время, по-коммунистически. Я слесарил в депо Агадырь целых три коммунистических пятилетки, был передовиком, часто вместе со всеми вывешивался на деповскую доску почета. А в отделе кадров нас предупредили, что мы, выпускники «железки», должны отработать на той же «железке» целых четыре года, только после каких мы будем иметь право увольняться и работать там, где нам заблагорассудится. Из пятнадцати моих училищных друзей в Агадыре остался только я один, и все на той же «железке», какой отдал сорок лет, и перед самым 2000-ым был выпровожен, как мы любили говорить, на «дембель», на каком я уже целых семнадцать лет.

В самом Агадыре я так уже целый шестидесятник. Не влекут меня города ни в моем Казахстане, ни тем более где-то за бугром. Дети там обосновались на Алтае сразу после развала СССР, но мы с женкой решили, что Агадырь останется нашим родным причалом до наших последних дней. Жена моя так и вовсе родилась в Агадыре, и мы даже готовимся отметить ее восьмидесятник, какой наступит после моего. А его осталось ждать совсем недолго: произойдет это 7 марта 2017 года, а ее восемь сносим - двумя годами позже.

Насчет причала, так это что-то связано с большим родным пространством. В Агадыре его никогда не было, нет и не будет, но поселок все равно остается моим родным причалом. В нем я уже шестьдесят лет, в нем я поздравлю в предстоящие дни свою дорогую Раису, супружницу мою, и всех сотрудниц «Индустриалки», штатных и внештатных, с днем 8 Марта и пожелаю им всем всяческих успехов, здравия, исполнения всех их желаний и чтобы женщины никогда не были одинокими.

А дети, однако, сманивают нас на свой Алтай: мол, чего вам вдвоем стариться в своем Агадыре? Жить у нас есть где, поскольку в своей трехкомнатной светлице мы вдвоем друг за другом ходим, поскольку дети нашего сына давно живут своими семьями. Приезжайте, мы будем ухаживать за вами, и вы ни в чем не будете обделенными!..

Чего бы дети ни говорили, как бы нас ни уговаривали на переезд к ним, я все равно останусь в своем Агадыре, где я начинал большую сознательную рабочую и всю мою человеческую жизнь, какую я наверняка здесь и закончу. Говорят, что долго прожить и взять жизнь у времени можно даже мужеством. Взять жизнь мужеством вряд ли под силу простому смертному. Кто-то даже сказал, что некоторые пытались и еще пытаются, но мужеством брались города, села и высоты и уничтожался враг, пришедший на твою страну и на твою землю. Жизнь же говорит, что взять ее можно, но только надеждой...

Не знаю, не знаю... То ли вправду такой век настал, когда атомный энергетический прогресс влияет, то ли какие-то космические пертурбации происходят, какие, сплюсованные с атомными разложениями вместе, и укорачивают человеческую жизнь. Что удивительно, копытятся люди часто без больниц или после каких-то физических увечий. В просторечии так уже не стали говорить «умер», «ушел из жизни», а с какой-то злобой ляпают: «Отбросил копыта». А все как человек умер тихо и даже не в боль-

нице под присмотром врачей, что пришлось мне видеть собственными глазами.

Нет-нет, такой смерти себе я не желаю. Я хочу умереть так, как мне только что пришло в голову:

А годы, парнишки, нас не щадят,
С годами мы резвость теряем:
То ноги скрутило, то почки болят -
Вот так мы в тиши помираем.

Но я не желаю тихонько заснуть
Сном неожиданным, вечным,
Хочу, чтобы около был кто-нибудь,
Хотя бы рассказчик беспечный.

Пусть будет усердным товарищ медбрат,
Какой и глаза мне закроет,
А за окошком пусть дети шумят
И в поле волчица завоет.

То будет по мне предпрощальная боль,
Я, может, и тем успокоюсь,
Я в жизни исполнил нелегкую роль,
Пред вами о чем и откроюсь...

ЖИЗНИ МОЕЙ

КОЛЕСНИЦА

Стихи, поэмы, мысли

ОТ АВТОРА

В старину колесницей на Руси называли большой длинный экипаж, запряженный парой-тройкой лошадей. Такая колесница предназначалась на очень длинную дорогу и на недели и месяцы ее продолжительности. Сие неудивительно, поскольку тогда машин и железных дорог человечество еще не изобрело.

Вот и моя жизненная колесница выложилась не в месяцы, а в целые восемьдесят лет. Не знаю почему, но многое из прожитого почему-то сегодня вспоминается, именно сегодня, когда я переступил свой восьмидесятилетний порог. Ну, прежде вспоминаются годы начала войны, хотя мне было в ту пору что-то четыре с полтиной. Помнится главное: отец пришел

с работы на обед и сообщил за столом матушке и нам, детям, каких была аж целая тройка, что началась война, какую развязала гитлеровская Германия. В нашем ауле Кенбидаик Кургальджинского района Акмолинской области, отстоявшем от областного центра и от железных дорог на целых сто пятьдесят верст, мировые вести доходили в аульную контору по ее конторским телефонам.

Конечно, аульный народ зашевелился. Через какие-то дни или недели отца и всю механизаторскую братию вызвали в контору и предупредили, что на них накладывается какая-то бронь, в течение которой они должны убрать подоспевшие хлеба, скосить их, вспахать зябь и отремонтировать технику, после чего их и отправят в Акмолу, откуда их и пошлют на эту самую войну. Таково указание районного военкомата, а район знает, что делать, потому как получил указание от областных властей.

Все так и получилось, как наметили областные и районные военные власти. Хлеб был убран, скошен, куда-то засыпан и куда-то увезен, зябь распахана, техника отремонтирована, из области прислана большая машина, какая и увезла всех кенбидаикских новобранцев. Случилось это сразу же после нового 1942-го, в зимнюю стужу.

Где-то шла война, а мы, аульчане, жили своей жизнью. В 1944-ом я пошел в первый класс, а во втором так вместе со всеми радовался пришедшей Победе. Дни бежали, я окончил второй класс, и наступило долгожданное лето. Что удивительно, летом стали возвращаться некоторые работники тракторного парка. Приходили отъявленные сильные мужики, увешанные многими наградами. Вернулись несколько друзей отца по тракторному парку, таких же трактористов, как и мой батька, только мой батька не вернулся. Матушка говорила, что сложил батька голову еще в 1943-ем, а где, в каком месте, она не знала. Да и откуда было ей знать с ее четырехклассным образованием...

А после войны, когда мне стукнуло десять лет, помнится вообще многое. Помнится, как поменялись деньги и исчезли красивые красные тридцатки, какие я брал из маминых рук и любовался ими. Что на них можно было купить, я не представлял, но то, что они были удивительно красивые, а значит, и дорогие, это я знал точно.

В том же 1947-ом к маме приехали сразу два ее брата, Илья и Василий, вернувшиеся с войны, и увезли всю нашу семью на лошадиной подводе

на свою железнодорожную станцию Жалтырь, где они оба после войны работали на железной дороге. В этом самом Жалтыре я прожил десять лет, встретил целину, на какую и подался. Два года на ДТ-54 пахал наши акмолинские залежи, был передовиком и даже поэтом, какой прославлял в стихах целинные степи, какие должны дать народу большой хлеб. На целине удивлялись: тракторист, да еще и поэт? Местные газеты тискали мои стихи о целине, о трактористах и даже какие-то гимны о Хрущеве.

Целине были отданы два года, после каких я, когда мне стукнуло двадцать, решил, что целина - не моя стезя. В 1957-ом еду в Акмолу, поступаю в железнодорожное училище, оканчиваю его, и с братией в пятнадцать душ мы по распределению направляемся в Агадырское локомотивное депо, какое только что с паровозной тяги перешло на тепловозную. Мы же, пятнадцать гавриков, как раз и были слесарями-тепловозниками, задача каких и заключалась в том, чтобы оздоравливать эти самые тепловозы, какие должны водить поезда.

Тепловозам я отдал пятнадцать лет. За эти годы окончил ШРМ, получил аттестат зрелости, поступил в КазГУ на заочку и через шесть лет окончил его. Начальство усекло грамотного слесаря и перевело его на работу в отдел снабжения, какому я отдал двадцать пять лет и с какого был выпровожен на «дембель», на каком уже целых восемнадцать лет.

На «дембеле» куда себя девать? Времени с утра до вечера, делать нечего, особенно когда в доме ни котенка, ни курчонка, ни поросенка - чисто городская жизнь. В городе так старики выходят на балкон, присаживаются на свое старческое кресло и наблюдают уличную жизнь, где сплошь машины и пешеходы на обоих тротуарах улицы. У нас в Агадыре, где я проживаю уже 58 лет, у меня есть балкон, я иногда посиживаю и думаю о жизни, об окружающем человека мире. Ну, проскакивают машины, проходят и прохожие, иногда даже знакомые, какие даже здороваются со мной. Здороваюсь с ним и я. А в целом проходит народ незнакомый. Все-таки в Агадыре одиннадцать тысяч своего кровного населения, какое появилось здесь в годы, когда существовал Агадырский район, с 1973 года по 1997-ой, когда район был какими-то силами закрыт и уничтожен, как враг народа.

Не знаю, как у прочего пенсионного народа поселка, только свое время с 2013 года я стал тратить на стихи и прозу, какие почему-то просто начали доставать меня и днем, и ночью. Мне в это время стукнуло семьдесят

пять. Чего они меня не доставали до этого - не представляю. Досадуя на себя, себя же и спрашивал: где же ты был, образина эдакая, в двадцать, тридцать, сорок, пятьдесят, шестьдесят, семьдесят лет, почему не писал в эти годы? Что, только в семьдесят пять свои набрался ума? Так в семьдесят пять мужики сплошь и рядом отбрасывают копыта, а ты, прореха на человечестве, ударяешься в стихи и в прозу, строчишь романы и повести, да всякие стихотворные завихрения. Это не иначе как поджимает твой последний час, когда и ты отбросишь копыта. И на могиле твоей кто-то из смельчаков прочтет нечто из твоего написанного и скажет, что покойник был талантливым поэтом, но держал себя в руках, не высовывался наружу, не афишировался, а скромно делал свои писательские дела, о каких знают пять-шесть человек из издательского дома, столько же близких друзей и родня в те же пять-шесть человек.

Не знаю, как там сложится моя дальнейшая жизнь, только нынешняя донимает меня писательским наплывом, какой породил аж целых восемь книг, из каких три прозаических и пять поэтических. Пять книг валяются в черновых набросках и ждут своего издателя. Коль найдется таковой, значит, за пять лет я написал тринадцать книг. Таким талантом обладал разве только Лермонтов, до какого мне как свинье до неба. Лермонтов прожил всего лишь двадцать семь лет, а его литературное наследство укладывается как бы не в десять томов. А какие у него вещи! О них знает весь цивилизованный литературный мир, а обо мне не знает даже мой долбаный Агадырь.

Двадцать экземпляров каждая книга - разве на ней разгонишься? Много экземпляров - много денег, а где их возьмет притыренный пенсионер? Конечно, хочется и книги издать, и колбаски покусать, но такие действия у меня никак не стыкуются. Решил: поживу на похлебке, а после книг потерянное непременно наверстаю и, может, даже догоню Наталью Крачковскую. Этим я живу и вовсе не жалею. Ну, а когда отброшу копыта, все равно кто-то да вспомнит своего доморощенного писателя и поэта и, может, даже опустит на мой могильный холмик степные цветы, а то и степной подснежник...

Такова колесница моей жизни, какая провела меня от рождения до пенсионного порога. Перешагнул я этот пенсионный порог и вот целых двадцать лет нахожусь в пенсионной сфере. Некоторые мои недруги говорят: зажился старик! Восьмерку добил, так намеревается и на девятку на-

ступить! Тут пятидесятилетние да шестидесятилетние копытятся, а этому и восьмидесяти мало, так он и на девятку давит. На одних атом да космос давит, а ему и хрен по деревне. Наверно, те, кто довоенного производства, имеют какой-то свой иммунитет, каким нынешнее поколение просто не обладает. Пусть о том думают медики, а мы, пенсионеры, будем жить столько, сколько нам отпущено жизнью и судьбой.

А судьбой было отпущено, что в 1955-ом подался я на целину, прошел курсы трактористов и на новеньком ДТ-54 поднимал целину. Было мне тогда только восемнадцать, был я молод и силен, имел планы, мечты и надежду на красивую жизнь. К тому же я неплохо шарил на баяне, каким и после работы забавлял своих целинников на полевом стане. Два с половиной года отдал я целине и понял: она не моя стезя. Тут же уволился и подался в Акмолинское железнодорожное училище, какое и окончил через два года. У «железки» были свои законы, по каким мы, выпускники училища, должны были отработать на железной дороге ровно четыре года.

Нас, пятнадцать гавриков, слесарей по ремонту тепловозов, направили в депо Агадырь, какое всего лишь как два года назад с паровозной тяги перешло на тепловозную. Нашей задачей и было оздоравливать эти тепловозы, чему я отдал три коммунистических пятилетки. За эти годы окончил ШРМ, получил аттестат зрелости, поступил на заочку в КазГУ.. и через шесть лет его окончил. После учебы меня сделали начальником снабжения, какому я отдал двадцать пять лет.

После сорока лет работы на «железке» подоспел мой «дембель», на какой меня и отправили в 1999-ом. Вот уже почти двадцать лет мы с моей женкой Гульчатай только на пенсии. В 2016-ом я отметил свои семьдесят девять, а Гульчатай только две семерки.

Что удивительно, в мои-то почти восемьдесят меня постоянно донимают стихи. Как им я противиться - не представляю, а потому записываю все, что приходит в голову. Записал вот и это:

А годы, парнишки, нас не щадят,
С годами мы резвость теряем:
То ноги скрутило, то почки болят -
Вот так мы в тиши помираем.
Но я не желаю тихонько заснуть
Сном неожиданным, вечным,

Хочу, чтобы около был кто-нибудь,
Хотя бы рассказчик беспечный.
Пусть будет усердным товарищ медбрат,
Какой и глаза мне закроет,
А за окошком пусть дети шумят
И в поле волчица завоет.
То будет по мне предпрощальная боль,
Я, может, и тем успокоюсь,
Я в жизни исполнил нелегкую роль,
Пред вами о чем и откроюсь.
А роль та была - жизнь красиво прожить,
Белый свет повидать, родить сына,
Чего не достиг я - не слишком тужить
И судьбу не считать в том повинной.

Насчет же того, чтобы писать о себе, о том, куда меня довезла моя жизненная колесница, как делали великие мира сего, я не думал и не гадал. Знаю, в миру существуют такие произведения, в каких авторы рассказывают всем на весь белый свет, где родились и где крестились, кто были их отец и мать, братья и сестры, дед и бабка и люди, какие окружали их всю их жизнь.

Попался и мне в руки трехсотлетней давности Жан Жак Руссо и его «Исповедь». Прочел его. Да, умел древний француз красиво и умно говорить о себе и своем времени! Писатель умел найти храбрость, чтобы сказать: «Я хочу показать своим собратьям одного человека во всей правде его природы, и этим человеком буду я, я один. Я знаю свое сердце и знаю людей. Я создан иначе, чем кто-либо из виденных мною; осмеливаюсь думать, что я не похож ни на кого на свете. Если я не лучше других, то, по крайней мере, не такой, как они. Хорошо или дурно сделала природа, разбив форму, в которую меня она отлила, об этом можно судить, только прочтя мою исповедь».

Да, начало книги занимательное, какое поневоле навострит читателя на всю человеческую исповедь всего лишь одного человека из всего окружающего мира. Этим человеком и был Жан Жак Руссо во всей книге повествования от первой страницы до последней.

Нечто подобное Жану Жаку Руссо сделал и Илья Эренбург в своей четырехсотстраничной книге «Годы, люди, жизнь». Прочел я этих людей и их жизнь. Да, большая жизнь была у писателя. Он воевал, бывал в Чили у писателя Пабло Неруды, какому даже вручил премию Мира. Бывал Эренбург в Аргентине, в Латинской Америке, в Индии, в Японии, в Китае. О чем и говорил писатель в свое й книге.

Я так за свою жизнь мало где бывал и мало чего повидал, однако работа бросала по всему Советскому Союзу, где я встречал много разных людей, говорил с ними, решал какие-то совместные дела. Но рассказать о том, как Руссо и Эренбург, у меня не хватит тяму. Гульчатай моя так вообще советует мне завязать с писаниной, поскольку я на нее слишком трачусь. Не любит она, когда я ночью схватываюсь, иду к своему журнальному столику, что в другой комнате, и колдую над стихами до утра. Утром чаевничаю и разбираюсь, какую я там ахинею состряпал ночкой лунной.

Так вот и длится моя пенсионная жизнь. Со здоровьем и со всей жизнью у нас с Гульчатай все в порядке. По телефону она постоянно говорит с детьми, какие в Барнауле и в Новоалтайске. В Барнауле так ее любимая внучка Марина, которая родилась в Агадыре, ходила в детский садик и в школу до пятого класса, когда родители облюбовали Барнаул, где они уже двадцать лет. Бываем мы с Гульчатай у детей часто, приезжают в Агадырь и они. Так что колесница жизни не останавливается, и я думаю, что у нее еще будет долгий путь длиной в человеческую жизнь.

Н. СЛЕПЦОВ
Агадырь

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Жизни моей колесница»...
Хотел бы я с нею явиться
В доме, где «Классик» витает,
Что-то там пишет, черкает,
Даже Слепцова листает,
А то и серьезно читает,
Делая в списке учет:
Эта строка не пойдет,
А эта уж точно как черт.
Она по Союзу летала,
При Сталине правду искала,
Искала у жизни природу,
Видала врагов лишь народа.
Это в строке должно жить,
Чтоб прошлого нам не забыть,
Какое когда-то творилось,
Но чтоб никогда не вернулось.

А «Разговор с котом» - комедия?
Да это ж ведь находка!
Такой прием для «Классика»
Не всегда встречается,
У поэта и у кота
Надежная походка,
А вот вспомнить жизнь свою
Нечасто получается.

Да и правда, для того
Надо жизнь ворочать,
А вот в жизни не всегда
Сладости бывали.

Потому не стоит нам
И голову морочить,
То, что было на веку,
Мы часто забывали.

«Классик» смотрит на мой стих
«Об электричке».
Да и правда, почему б ее
Подальше не продлить?
Пассажиры б пили в ней
Коку и водичку
И «железку» наших стран
Будут благодарить.

О столице Астане
Нет и разговоров,
Троллейбусы угроблены,
А там хоть разорвись,
Город отдан лишь одним
Дымчатым моторам,
А они, по медикам,
Сокращают жизнь.

А как ей не сокращаться,
Когда одни моторы,
Одни моторы дымные
По городу снуют?
О них власти города
Тусуют разговоры,
Только дымный транспорт
Гуляет там и тут.

Чего б его не заменить
Троллейбусной подвеской

И по всей столице
Троллейбусы пустить?
Горожанам станет
Жить просто интересно -
Теперь они по сотне лет
И правда станут жить.

А о портрете матушки
Мной уж говорилось,
Правда, это было
В давние года.
Мне отчего-то матушка
Вновь живой приснилась,
Может, что считаю я
Опять свои года?
А чего их не считать,
Коль мне скоро восемь?
Тут и здравомыслящий
Со счетов собьется.
Восемь аж десятков
Я навзничь жизни бросил,
Ну, а там от времени
Ждать судьбу придется.

Комментировать себя
Я не собираюсь,
«Классик» это сделает
Похлеще всех писак.
То, что к вам я с новою
Книгою бросаюсь,
Думаю, что не дадите вы
Ей попасть впросак.

Жена так говорит мне:
Пора б остепениться

И пора завязывать
С книжною игрой,
Иди во двор к соседям
В домино сразиться,
А там уж загоревший
И придешь домой...

Не знаю, нет, не знаю,
Как там бьют в костяшки,
Только мне Есенин
Не дает играть.
Он мне рекомендует
Разные бумажки
И говорит: ты должен
Что-то им отдать!
Я и отдаю творчества закваску,
Отдаю, что долго
В душе моей хранилось,
Отдаю я «Классику»
С тревогой и опаской:
Может, их задачи
К поэтам изменились?

Нынче приглядеться -
Век совсем другой,
Люди налегают
На ноутбуки разные,
Я их не понимаю
Своею головой
И на машинке стряпаю
Листочки безобразные.

Машинка моя, кажется,
Ровесница моя,

Как бы мир ни тешился,
А мы с ней подружились.
К машинке попривыкла
Вся моя семья,
На машинке все мои
Книги появились.

Будет ли «Москва» моя
И дальше мне служить?
Этого, друзья мои,
Я пока не знаю.
Мне, признаюсь, так хочется
Жить и жить, и жить!
С этими я мыслями
Живу и поживаю.

Восемь мне десятков лет -
То не трын-трава,
Это все же годы,
Пусть не боевые.
У меня о прошлом
Не кружит голова,
Мы теперь, друзья мои,
Вовсе не такие.

Мы теперь, друзья мои,
Не рвемся на труды,
Нам так больше нравится
Иметь свой магазин.
О будущем мы вовсе
Не ломаем головы,
Будь в стране казах, латыш,
Литовец иль грузин.

Такова у СНГ и у нас позиция:
Рабочих сокращают,
Посколь работы нет,
Нет работы даже в доблестной полиции,
Таков у СНГ теперь
Весь жизненный секрет.
А жизнь, друзья, как ни крутись,
А все же продолжается,
В магазинах чего хошь,
По-русски - завались!
Цены, правда, как зверьки,
Жалеют, но кусаются,
А это все-таки и есть, друзья,
Сегодня наша жизнь.

Сегодня в жизни раз не враз,
А продают детишек,
А то и вовсе их, бедняг,
Бросают на помойку.
В наши дни таких, друзья,
Не было подвижек,
Жили небогато мы,
Но смело, честно, бойко!

А теперь где наш накал,
Где наша человечность,
Где человеколюбие, правда и любовь?
Нас же обуяли зависть и беспечность,
Мы готовы враз пролить
И человечью кровь.

Кровь Владислава Листьева
Ни за что пролили,
А кровь друзей в Актюбинске
За что так пролилась?

Их, таких красивых,
Мы похоронили,
Какая же убийцам
Требуется власть?

Боевикам,конечно,
Мы не дадим пощады,
Против них мы силы
Свои объединим.
Нам, кроме мира и любви,
Ничего не надо,
Мы будем жить свободою
И временем своим.

Позвонил я в «Классик»:
Как у вас делишки,
Много ли работы,
Как дела идут?
Как там поживают
Мои горе-книжки,
Они какой-то смысл
В себе живой несут?

Мне сказали: все о’кей,
Есть с книгами движение,
А живая жизнь у них
Хорошо видна.
Герои ваши чистые,
Не терпят поражения,
Потому всегда у них
Быстрая волна.

Но сделать ваши книжки
Вовремя не сможем,

Поскольку в типографии
Истинный завал.
Хотя мы помогаем им,
Их напряженье гложем,
И себя геройски
Каждый подавал.

Но, Андреич, как-никак,
А ваш заказ в работе,
Корректоры читают
И другой народ,
Все сегодня заняты
Издательской работой,
А это значит, наша жизнь
И ваша мчат вперед.

Писатели, издатели
Испокон дружили,
Друг без друга издревле
Не жили никогда.
Писатели, как правило,
Что-то ворожили,
Издатели ж к писателям
Тянули провода.

Провода те значили
Связь между собою,
А связь, конечно, жизнь
Тем и другим давала.
Они, бывало, жили
Мечтою голубою,
Оттого их дружба
И не иссякала.

И нынче эта дружба
Меж ними продолжается,
Рождая в свет романы
И стихотворный вал.
Обе те сторонушки
Друг другом заряжаются,
И когда книги вышли в свет,
Приходит к ним привал.

Привал - то отдых всей души,
Привал - то время отпускное,
Когда все люди хороши,
У всех и счастие седьмое...

Писатели ж с издателем
Не живут в раздельности,
Им судьбой заложено
Общаться и дружить.
Они друг с другом разнятся,
Но для пущей верности
Дают друг другу клятву
В книжном мире жить.

9-11 июня 2016 г.

О НОВОЙ КНИГЕ

«Жизни моей колесница»
В мой старческий век рождена,
Она и сегодня мне снится,
В ней молодость, жизнь, седина...

Мной прожита жизнь нелегкая,
О ней ведаем я и жена,

Жизнь меня мяла, коверкала,
Но воля во мне так сильна!

Работа всюду по свету бросала,
Объездить пришлось полстраны,
Жизнь, бывало, кусала,
Но шрамы ее не видны.

О всех пертурбациях жизни
Хотелось бы вам рассказать,
Как строили коммунизм,
Целинку пытались поднять.

Коммунизм умер вместе с Хрущевым,
Целину ж мы взметнули везде,
Даже я в своей кепке холщовой
Своим лемехом был в борозде.

Что ж, пахал целину я ударно,
У начальства в героях ходил,
Со Стахановым шел солидарно,
Его прошлым болел я и жил.

Ну, а дальше житейские будни:
Учеба, женитьба, семья,
Свои огородные клубни -
Их женка любила моя.

Лет двадцать вели огороды,
Картошка-моркошка - свои,
Они отнимали свободу,
Но в зиму достойны любви.

Не надо бежать в магазины
И что-то казенное брать,

Копаться в казенных корзинах,
Съедобный продукт выбирать.

А тут все свое, наживное -
Картошка, моркошка, борщи,
Огород — это дело такое,
В магазинах лишь соль поищи.

Огород — то хозяйская штука,
Он к тому ж кошелек бережет,
А беречь кошелек - то наука,
С кошельком ты умчишь на лужок.

Что разлился в лесном Боровое,
А то и вовсе в горах Алатау,
Люди знают, что там такое,
А то и вовсе помчишь в Темиртау.

Там есть тоже куда окунуться
И поплавать, и рыбки поймать,
Загоревшим оттуда вернуться -
Кошелек будет в том помогать.

Сбереженья мы с женкой готовим
На курорты земли Черноморья,
Где здоровье мы с женкою ловим,
Его брали у солнца и моря.

О прошлой жизни с моей женою
Остается нам лишь вспоминать,
Что начертано было судьбою,
Я хочу лишь теперь рассказать.

Теперь у нас пенсионные годы,
У нас с женкой счастливая старость,

Нынче нет у нас с ней огорода,
О нем только лишь память осталась.

Жизнь и правда была на ладони,
Бери в руки ее и пиши,
Женка мне постоянно долдонит:
Ты и правда о нас напиши!

Я приказу ее подчиняюсь,
Эту книгу на суд выдаю,
Этой книгой уж год занимаюсь:
Примет мир ли судьбину мою?

«Жизни моей колесница»,
Куда тебя время несет?
У тебя еще прочные спицы,
И ты делаешь свой поворот.

Путь прямой у тебя завершился,
Ты любила идти по прямой,
А теперь поворот появился,
Он заказан женою и мной.

Зачем гнать нам прямою дорогой
И честному народу мешать?
Нам свернуть бы в медвежью берлогу,
Где окажутся стол и кровать.

Пенсионнику что еще надо?
Стол накрыт, бешбармаком дыши,
Ну, а после пей чай с шоколадом
И свои мемуары пиши.

Что и делаю я в «Колеснице»,
Все же жизнь уже мной прожита,

«Колесница» ползет, а не мчится,
У ней жизнь и скорость не та.

У меня тоже скорость сползает,
Я по жизни уж точно ползу,
Моя старость меня заставляет
Иногда пить простую бузу.

Что ж, и пью я ее, не хмелея,
Ну, а в молодости я поддавал,
Над тем временем только лишь млею,
Упивался не раз наповал.

А все как развлекал всех гармошкой,
Гармонисту же - первый стакан,
Был у жизни забавной матрешкой,
Какой впору ползти на экран.

Жизнь крутила любые подвижки,
Все же был я аулом рожден,
Был в ауле подвижным мальчишкой,
А средь сверстников признан вождем.

У вождя столько дивной работы:
Коллективно идти на паслен,
Мастерить из газет самолеты,
Кто на больший способен уклон.

Детских шалостей всем нам хватало,
Ну, а дальше мы все же росли,
Иногда ели мясо и сало -
Мы военное детство вели.

А Победа дала нам раздолье,
О паслене мы просто забыли,

Жили мы уже жизнью привольной.
Свой аул, свою землю любили.

Ну, а после Победы дорога,
Что по свету нас с мамой водила,
Враз рождала нужду и тревоги,
Как рождала и новые силы.

Они мне помогли укрепиться
И слесарной работою жить,
Заодно на заочке учиться,
Заодно свою женку любить.

Атам и «дембельский» срок подкатился,
Мы на пенсию с женкой ушли,
Как над нами б наш век ни крутился,
Были мы на виду у земли.

Тунеядские дни наступили,
Не крутили мы друг другу мозги,
А потом моей женке купили
Дорогие для нас сапоги.

Да и черт с этой самой теньгою!
Так я женке своей говорю,
Пусть теньга эта кроется мглою,
Я тебе целый мир подарю.

А позволят теньгушкины крохи,
Чтоб подарки кому-то дарить?
Не скажи, государство неплохо
Дает «дембелям» в мире пожить.

Каждый год нам теньгу повышают,
Мы с тобою отменно живем,

«Мерседес» наш гараж украшает,
Детям тоже подарочки шлем.

Так что, женка, не будем скупиться,
Купим то, что глаза присмотрели,
На мобильник спеши разориться,
А я враз разорюсь на гантели.

Я не буду полнеть без движения,
Не позволю растить свой живот,
У пенсионера свои отложения
Посколь он без движенья живет.

У пенсионера своя экономика,
Энергетика тоже своя,
Она где стабильна, где ломкая,
Такова теперь жизнь у меня.

Что ей дать - откровенно не знаю,
Но себя я в пути нахожу,
Если с Пушкиным где-то гуляю
И с Есениным крепко дружу.

Для себя написал «Колесницу»,
У меня она только в сорочке.
Ах, не может ли так получится -
Книга вдарит последнюю точку?

Что то значит, любой понимает,
Кто живой в этой жизни живет,
Время многих из нас убирает,
Только космос лишь вечно живет.

Да и то в небе звезды сгорают
В бесконечной живой синеве...

Ну, а люди? Они умирают
На своей планетарной Земле.

Я хотел бы с читателем знаться
И поэзии милой служить,
А потом новой книгой заняться
И, конечно же, жить, только жить!

11-12 июня 2016 г.

О ТОМ ЖЕ И ЭЛЕКТРИЧКЕ

Мне одна цыганка как-то говорила,
Что я кони кину в собственной постели,
Держаться я не буду за койкины панели,
А просто окочурюсь, как старый еж у ели.

В целом я засну тихо, без болезней
И тем от всех хлопот жену освобожу,
Над ямой будут говорить несколько помпезно,
За что я их, конечно, никак не осужу.

А я-то только книги Агадырю оставил,
Какой не прикасался к ним, а значит, не читал,
Как-никак, а Агадырь я все-таки прославил,
Поскольку я любил его и крепко почитал.

Меня же Агадырь не знает как поэта,
Да и как человека он меня не знает,
Мне, конечно, трудно говорить об этом,
Но Агадырь Слепцова вовсе не читает.

Не раз к библиотекарю Галине обращался:
Ваши книгу на виду нетронуты лежат,
Говорила им, что свой поэт в поселке оказался,
Но они у ваших книг лишь волчком кружат.

Говорю им: вы поэт, эпохою рожденный,
Вы знали мир военный, а после целину,
В своем крутом раздумье вы больше откровенный,
Вы славите людей страны, друзей и всю страну.

Вы славите любимую железную дорогу
И ее такой прославленный народ,
У «железки» есть свои печали и тревоги,
Какие она в сердце по стране несет.

Вот страна пустила лихую электричку
«Павлодар - столица наша Астана»,
Она теперь порхает, как праведная птица,
Она народом жданная, а потому сильна.

До Павлодара наш народ с комфортом добирается,
А как бы из него и на Алтай добраться?
Прежний «Караганда - Алтай» просто отменяется,
А народу без него некуда податься.

От Павлодара до Алтая всего лишь километры,
Где-то сто с прицепом или даже двести,
После Павлодара уже другие ветры,
Какие призывают собраться как-то вместе

Астанинским парням и российским денди,
Чтобы посидеть совместно и вопрос решить:
Можно ль с Павлодара открыть сквозные двери,
Дверь железнодорожную, стальную нашу нить?

Пусть белый свет узнает об электричке лихой,
О какой свет белый не ведал и не знал,
Пусть будет она просто «Павлодар - Ребриха»,
Но этот путь серьезно республики связал.

С Ребрихи так легко добраться до Сибири,
До Новосибирска, а там и до Хакасии,
Остается сбросить нашей жизни гири
И сделать электричку из Павлодара массовой.

А всего лишь надо нам сесть и россиянам,
Сесть за круглый стол и сообща решить:
Электричке меж Алтаем и меж Казахстаном
Надо дать дорогу, надо дать ей жить.

1 июля 2016 г.

ФУТБОЛЬНЫЕ СТРАДАНИЯ

Люблю смотреть футбол до умопомрачения,
Хотя в мои года пора б остепениться,
Когда я на футболе, женке поручение -
Не отрывать меня лекарством для лечения.

Да пусть я лучше крякну со своей болезнью,
Чем я матч Испания - Корея пропущу!
Посмотреть мне матч в десять раз дороже,
Чем себя лекарством для жизни угощу.

Какие тут лекарства, когда корейцы давят
Такую мировую футбольную команду?
Испанцев и сегодня во всем мире славят,
Что для них престижно, почетно и отрадно.

Как себя покажут испанские герои?
Только вешать носа они не собираются.
Может быть, они под французским зноем
Как-то напрягутся и крепко разыграются?

Под конец и правда команда разыгралась,
Голы в корейцев ринулись просто друг за другом,
Испанцы нападающих никак не испугались,
Корейцев зажимая поперек и кругом.

Корейцы так дворовой командой оказались,
Испанцы накачали их со счетом шесть-один
И в футбольной лиге победно расписались,
Отчего всем руку жал капитан-блондин.

Ну, а женке я сказал про ее лекарство:
Надо бы, конечно, его употребить,
Но футбол есть для меня собственное царство,
Им, видать, я буду и на погосте жить.

2 июля 2016 г.

ЧТО БЫЛО, ТО БЫЛО ...

Мне осточертели последние кинухи,
Хотя бы «Склифосовский» иль «Катина любовь»,
Мы разочарованы с моей женой-старухой,
Фильмы эти просто сгущают нашу кровь.

Да черт возьми, куда исчезли «Трактористы»
Или расчудесная, смешная «Волга-Волга»,
Или та ж «Стряпуха» с красавцем-гармонистом,
Которые от зрителей спрятаны надолго?

Куда запропастились «Максим Перепелица»
Или незабвенный, любимый «Иван Бровкин»?
Старые кино и старые в них лица,
Забывать о коих просто нам неловко.

А «Усатый нянь», добрый и забавный,
Почему его на века упрятали?
А «Богдан Хмельницкий», фильм шибко давний,
Почему его, беднягу, на экран не сватали?

Ну, а «Свадьба с приданым», бывает, выползает
На экраны наши, но дважды в пятилетку,
А «Дело в Пенькове» так вообще скучает,
У телеков на фильм даже нет разметки.

Куда телевизионщики на века упрятали
Фильм достопочтенный «Свинарка и пастух»?
Вы кого-нибудь из архивов сватали,
Чтобы воскресить вживую наших предков дух?

А чего б не воскресить годы нам военные
Забытым давним фильмом под названьем «Радуга»,
Где мы фашистов били и сами были пленные?
Память о погибших пусть хоть как-то радует.

Нет, други, старых фильмов мы не должны чураться,
Живем мы нашим прошлым, мечтой и целиной,
Мы не имели планов за богатством гнаться,
Мы жили настоящим, собою и страной.

2-3 июня 2016 г.

О НАШЕЙ НОВОЙ СТОЛИЦЕ

Вот иду по Астане - современный город,
Улицы широкие и дома, дома,
Я здесь когда-то рос, когда был слишком молод,
Здесь набирался жизни, взросленья и ума.

Тогда тот город просто Акмолинск назывался,
Ну, а для акмолинцев просто Акмола,
С виду он большой деревнею казался,
И по нему, как нынче, не трогались с ума.

В него не рвали когти ни большой, ни малый,
Просто город жил и рождал детишек,
Как-то очищался от грязи и от хлама,
Записывал в анналы часть своих делишек.

В городе завод «Казахсельмаш» трудился,
А еще трудился большой завод «Насосный»,
Я в то время в городе кой-чему учился,
Хотя был сам себе противен и несносный.

Как-то на «Насосный» работать нанимался,
Брали кем угодно, даже по желанью,
А потом я в армии на службе оказался,
Отдать ей три годочка - трезвое сознанье.

Так и пролетели эти три годочка,
А тут и подоспела Хрущева целина,
Хотя еще не снял я солдатскую сорочку,
Она к себе солдата тоже позвала.

Так я и трудился на своей ДТэшке,
Пласт целинный трактором ударно поднимал,
В час отдыха играл своей гармошке,
Хотя, бывало, просто крепко уставал.

Целинников же наших усталость не пугала,
Она им даже больше придавала силы,
Она им даже как-то в деле помогала
И славу о целинниках по земле носила.

Ну, а после Акмола Целиноградом стала,
Превратился он, как ведомо, в целинную столицу,
Целинная история наш Казахстан достала,
А Целиноград так старикам будет долго сниться.

Целинная столица все же крепко строилась,
Вокзал переродился, выросли дворцы,
Населенье города, по всему, удвоилось,
Правда, постарели целинные отцы.

А Казахстан, как ведомо, по-своему крепился,
Рос, мужал и даже породил новую столицу,
Целиноград стал Астаной - народ не удивился,
Казахстан стал зажигать новые зарницы.

Столица быстро строилась, устремляясь в небо,
Воздвигались крепкие высотные дома,
Кто в Целинограде давно не жил и не был,
Теперь от новостроек и впрямь сойти с ума.

Против Акмолы и Целинограда
Город нам являет истинный Париж,
Лучшего для города, говорят, не надо,
Он дорог астанчанам от погребов до крыш.

Я в Астане бываю наездом и наскоком,
В городе я, правда, как пацан, теряюсь,
Считаю это главным старческим пороком,
Отчего и нынче старчески я маюсь.

В Астане сегодня немудрено забыться,
Ну, а затеряться так вообще легко,
Его домам и улицам надо удивиться -
Астана шагнула вдали далеко.

Есть у Астаны Ишима Правый берег,
Теперь же появился незабвенный Левый.
Страна для новостроек не жалеет денег,
Построен даже мост, по признанью клевый.

Астаною, говорят, можно любоваться,
Любоваться красотой ее и ее проспектами,
Некоторым постройкам просто удивляться
И вообще завидовать строительным объектам.

Но астанчанам, говорят, завидовать не надо:
На их шумных улицах лишь дымные машины
Да дымные автобусы троллейбусам в награду,
Какие асфальт давят выхлопом и шинами.

Миллионный город дышит дымной гарью,
А куда деваться, коль кругом моторы?
Люди задыхаются машинами и бранью:
Что думали начальники в своей большой конторе?

Почему бы не пустить во все концы «рогатого»,
Какому для движения нужен только ток?
Он бросать не будет выхлопы проклятые,
От него лишь будет по жизни только толк.

В городах, где я бывал, в Одессе да Ростове,
Так еще трамваи воздух рассекают,
Конечно, и троллейбусы в свой маршрут готовы,
Они, как и трамваи, свое дело знают.

А астанчанам надо бы троллейбусов добиться,
Пусть они по улицам, как прежде, побегут,
Пассажиры в них готовы хоть сейчас влюбиться,
Потому как они жизнь их как-то сберегут.

Вот опять я, други, на своей прогулке,
За поселком радужно, солнце в синеве,
Где-то ворон рядом кличет свою стаю,
Видно, приглашая воронье к себе.

Тут раскидист колос и цветет пшеница,
К тому ж кругом безлюдно, тихо и светло,
Ворон все-таки немаленькая птица,
Почему ей кушать хочется давно.

Ну как тут не полакомиться дармовою пищей,
Когда кругом безлюдье, синь да тишина?
Я для черной стаи не был злым и лишним -
У них была своя прилетная волна.

Воронья стая тут же кучею слетелась
И колосья начала по-своему клевать,
Наверно, ей по-птичьи все же как-то пелось,
Что могли ей люди такое счастье дать.

4 июня 2016 г.

***

«Расплескалась синева, расплескалась», -
Так пропели мальчики в шансоне.
Синева за месяцем по-своему погналась,
И оба растворились на небосклоне.

Я луну встречаю, а потом рассветы,
Сердце мое хочет с ними говорить,
Я хотел бы посылать им свои приветы
И даже ихней жизнью на земле прожить.

Бывает интересно ночью посидеть
Просто у светильника и под лунным светом
И своими строчками кого-то обогреть,
Потому как все-таки ты живешь поэтом.

У поэта назначенье - быть в кругу друзей,
Быть всегда с народом и со своей страной,
Воспевать в стихах своих не только Колизей,
Но и заскорузлый домик твой родной.

Ей дороги Медео и горы Алатау,
Побережье Каспия и озеро Балхаш,
Чимкент, Тараз, Алма-Ата и лихой Актау,
Какие Казахстан и составляют наш.

Ей дорого степное наше Прииртышье,
Бескрайние просторы Ишимской стороны,
Когда-то здесь бывало тихое затишье,
Теперь затишье это нарушили сыны.

Сыновья бывалых, кто с целиною знался,
Кто строил Аркалык, Сатпаев, Джезказган,
Кто не за деньгами и победой гнался,
А тот, кто строил жизнь и вечный Казахстан.

Такое видел свет и видели поэты,
Такое, между прочим, усекал и я,
Может, потому я и пишу об этом,
Пишет мое сердце и душа моя.

4 июня 2016 г.

ХОЧЕТСЯ ТЕПЛА

Посидели с женкой и потолковали:
Все-таки приятно видеть мои книги,
Как бы наши судьбы нами ни играли,
С ними у нас нет никакой интриги.

Бывает, в полнолуние я с копыт срываюсь
И что-то замутненное на листке пишу,
Ну, а белым утром тихо разбираюсь:
Какую на читателя повесил я «лапшу»?

Читатели сегодня истинно Белинские,
Их на пустословии никак не проведешь,
Издатели мои как есть карагандинские,
Они видят, где ты в правде, а где чушь несешь.

Они знают: Агадырь - это мой причал,
Это моя родина, это дом родной,
Я когда-то за него везде права качал,
Когда он как-то замерзал и был едва живой.

А что? Уже пятнадцать лет в поселке нет котельной,
Ее за расточительность с глаз людских свели,
Она была в поселке роскошью отдельной,
А для агадырцев - памятью земли.

Потом ее угробили, как врага народа,
Бульдозеры трудились день и ночь подряд,
Какие-то людишки ненашенской породы
На угробленье выдали письменный наряд.

Так вот агадырцы и нынче без котельной,
Ставят свои печи и свои «буржуйки»,
Котельная осталась памятью предельной,
Кто-то поиграл с ней в прятки и во жмурки.

Котельная размером с дом пятиэтажный
Семерку лет трудилась, а потом почила,
Неведомо какою она была поклажей,
Но ее угробили без всяческой причины.

Так вот и живем мы с печью и «буржуйками»,
Ими согреваем косточки свои,
В зиму запасаемся теплыми тужурками,
А летом все ж поют нам наши соловьи.

4 июня 2016 г.

О ДЕЛАХ КОСМИЧЕСКИХ

Июнь перешагнул крутую половину,
А это значит, лето повсюду началось,
Строители месили для самана глину,
Им и в прошлом это сделать удалось.

Фирма этим нынче крепко занимается,
Саманы крепчают и тут же идут в ход,
Из самана повсюду стройки появляются -
Гаражи, сараи и даже луноход.

Гаражи, сараи - это и понятно,
Ну, а луноход так в школе возвели.
Школьники так верят: луноход приятно,
Все-таки он значит - послание Земли.

Как-никак, а на Луне он побывал когда-то,
Пусть не этот самый, а только его копия,
Космос протаранили мальчики из Штатов,
Их лунная поездка не стала нам утопией.

Кто знает, что земляне сотворят в дальнейшем,
Говорят, они на Марс лыжи навострили,
Кто будет на планете из землян первейший,
Об этом только окуни в пруду не говорили.

Какой там этот Марс, людям неизвестно,
Известно, что изрезан он сплошными кратерами,
Побывать там людям все же интересно,
Что они и сделают не нынче, а с годами.

А лететь туда потребно полста миллионов,
Конечно же, земных с прицепом километров,
С каким земляне явятся туда земным поклоном,
Об этом знают только космические мэтры.

Что же, пусть земные наши годы катятся,
А там земляне думают помчаться на Венеру,
Земляне уж сегодня о космосе заботятся,
Они его освоят, в чем рождают веру.

5 июня 2016 г.

О ВАСЬКЕ

С Ваською-котярой у нас свои суждения:
Я в постели греюсь, Васька тут как тут,
У меня с тетрадками секреты, откровения,
А у Васьки тоже свой кошачий труд.

Коли я в постели, он мне ноги греет,
Коль за писаниной - и он не отстает,
Свой закон кошачий тут же разумеет,
Он моим ногам и тут тепло передает.

Скрутится клубочком на сандалии-тапки
И мурлычет что-то кошачьим языком,
А на ногах и правда будто греет шапка,
Какая греет каждого, даже стариков.

Подумал я о Ваське: кот и впрямь ученый,
Не менее шесть классов он нынешних прошел,
Он всегда спокойный, вовсе не крученый,
Из рук моих лакает и «моню», и крюшон.

А были у меня пройдошные котяры,
Какие, между прочим, пройдохами и были,
Они не прозябали без красотки-пары
И из дому надолго в свет белый уходили.

Заставлял котов тот белый свет своих подруг искать,
Без подруг не могут жить даже и котяры,
Им по-людски так хочется жить да поживать,
И, может, хоть кошачьей, но все же милой парой.

А мой котяра близ меня надолго прижился,
Молоко ему дороже прочих всех девчат,
«Моню» он попил и тут же развалился,
На него не давят, не гонят, не кричат.

Подумал: видно, мы состарились с котярой,
Нам нужны не менее тепло и тишина,
Когда-то, кот, ты был, видно, парнем ярым,
Посколь твоя сноровка и теперь видна.

Конечно, был и я когда-то непоседой,
Истинно подметки рвал так на ходу,
А теперь, конечно, стал закопченным я дедом,
Но по жизни я-таки молодцем иду.

Жизнь наша с Васькой и нынче продолжается:
Я лежу в постели, он - как штык, в ногах,
У стола он тоже, скрючившись, пластается,
Такие у нас с Васькой родные берега.

Ну, а шесть классов Васька все-таки имеет,
Он даже понимает поэтику мою,
Вслух стихи читаю, он что-то разумеет
И даже лижет руку, как лапочку свою.

Читать стихи котяре мне и сегодня хочется,
Главное, он слушает и ухом не ведет,
Он слушает и вовсе к постели не волочится,
А это мне для творчества силы придает.

У поэта все-таки должен быть читатель!
Васька - не читатель, а слушатель живой,
Он никак не знает, что я поэт-писатель,
А для агадырцев я и вовсе свой.

Васька это, видно, больше понимает,
Отчего внимательно он слушает меня,
А вот агадырцы меня почти не знают,
Не знают, что им служит поэзия моя.

5 июня 2016 г.

РАЗГОВОР С КОТОМ

Давай поговорим, Василий, о мне и о тебе,
О нашей мирной жизни и друзей коснемся,
Поговорим о нашей жизненной судьбе
И вообще о жизни молча пронесемся.

Делать это в общем, в целом нелегко,
Надо, между прочим, жизнь свою ворочать,
А коль она уходит в бездну далеко,
Зачем такою миссией голову морочить?

Ладно бы себе - нам не привыкать,
А читателю оно разве крепко нужно?
Мы с тобой стремимся жизнь обогнать,
Потому живем, по сути, по-кошачьи дружно.

Вот ты, Василий, сколько лет без кошки одинок,
И отчего-то к ним тебя, как евнуха, не тянет,
Ты для себя не делаешь никакой урок,
И тебя на подвиги никуда не манит.

Ладно, у тебя ко мне есть своя привычка,
Ты уж столько лет мои ноги греешь,
Ты всегда в ногах моих, как мягкая тепличка,
А это значит, ты, Васек, дело разумеешь.

А я тебя за это как благодарю?
Ну ладно, «моней» угощу, а когда курятиной,
Иногда так выпускаю к киске и смотрю,
Чтобы ты пошел к ней только на свидание,
Но, как я заметил, идешь ты с опозданием.

Может, киса для тебя серостью не нравится?
Бывает нечто близкое и у человека,
Ему выбрать хочется явную красавицу,
Но в миру не все красиво нынче и от века.

А киска в доме нежится мирно и культурно,
Ну, а Ваське барибер, что там вытворяют,
Ему от всяких диких встреч делается дурно,
Потому он пуще меня обогревает.

Ладно, у Василия свой кошачий век,
Мы оба стариковскими дышим вечерами,
Но я ведь, друг мой Вася, все же человек,
А люди могут стать в жизни кучерами.

Они могут править свое житье-бытье,
Они могут видеть крутые повороты,
Они могут видеть, где твое-мое
И где ты больше нужен для большой работы.

Вот я, Василий, как-никак, а все-таки пишу,
Пишу стихи и повести, а то вдаюсь в романы,
Не знаю, как читатель зрит в них мою «лапшу»,
Только вижу я себя бойцовским атаманом.

Ну, взять хотя бы мой роман о житье-бытье,
О станции железной, что звалась Орлиной,
Здесь встречалась жизнь не только в красоте,
Но не слышно было и песни соловьиной.

Но люди все же двигались и шли вперед, вперед,
Трудности житейские собой преодолевали,
А все как был, Василий, тогда иной народ,
Люди свое время и жизнь понимали.

В том времени, Василий, я тоже проживал,
С железною дорогой навсегда сдружился,
Пятнадцать лет слесарил, передовик бывал,
«Железке» и тому времени искренне молился.

Перекрестить бы надо и саму «железку»,
Она меня, по сути, и сделала поэтом,
Я сам в ней появился, а не по повестке,
Потому вот и пишу искренне об этом.

Как-никак, Василий, семь книг я написал,
В них моя судьба и друзей моих,
Их жизнь не из пальца я своего сосал,
Я знал о жизни каждого - близких и чужих.

О сборниках стихов говорить не буду,
Стихами я, есенинской жизнью живу,
Стихи меня по-своему кувыркают, будят,
Выжимая из меня все новую главу.

В целом я, Василий, семь книжек стихотворных
Своим сердцем, жизнью и душой писал,
А нынче я на «дембеле» и не такой проворный,
Но все же в стихотворстве я собственный вассал.

Но вся беда, Василий, меня ведь не читают,
Как, видно, не читают и прочий писчий мир,
Оттого меня, Василий, никто не почитает,
А значит, я букашка, а не простой кумир.

Быть кумиром значит быть стране известным,
Как известны Сулейменов и цветок Рымбаева,
Их читать и слушать сердцу интересно,
Как читать Сейфуллина и того ж Абая.

Нынче век, Василий, истинно компьютерный,
Все нынче ударяются в какой-то Интернет,
Их слушать так на сердце холодно и муторно,
Другого ж интереса у них просто нет.

Вот так и остаюсь я, Василий, неизвестным,
Может быть, потомки будут нас умнее.
Мы, пишущая братия, им будем интересны,
Они к нам отнесутся надежней и полнее?

Кто знает, каким будет наше поколение,
Но пока, Василий, оно живет собой,
Рождено теперь оно не для преодоления,
Оно довольно жизнью и своей судьбой.

Мы с тобой уж старые, нам не до побед,
Не нужны нам слава, звания, почеты,
Я же так и вовсе восьмидесятилетний дед,
Однако же стремлюсь выбиться в поэты.

Хочу, чтоб меня тоже читали, как Чернову,
Олжаса Сулейменова и того ж Абая,
Хочу, чтобы читатели были всегда новые
От Караганды до самого Китая.

Что ж, Василий, хорошо с тобой мы погутарили,
Так когда-то Шолохов с Доном говорил,
Да, в то время были живые пролетарии,
Какие много родине отдавали сил.

Мы с тобою тоже для страны родные,
Мы себя для родины по капле отдавали,
На войне, на целине были мы лихие,
Чтобы люди там и тут в жизни не страдали.

Но то время утекло, и мы с тобой сроднились,
Ты тепло находишь лишь у ног моих,
Мы с тобой у жизни чему-то да учились,
Нам с тобою этих знаний хватит на двоих.

Я у жизни брал уроки, беру их и теперь,
У тебя житье полегче, как у всех котов,
Как поэт имею я множество потерь,
Но найти у жизни их я и теперь готов.

А потерял я, кажется, Василий, время золотое,
Поскольку не писал стихов в зрелые года,
То ли было время для творчества другое,
Я творческие нити не ведал никогда.

И только лишь на пенсии вдруг я разродился,
Разродился целою книжною семеркой,
Такому разумению невольно удивился:
Ты проснулся лишь теперь на жизненной галерке?

Как себя я ни кляну, а жизнь в общем прожита,
Потерянного нынче просто не вернуть,
Жизнь не спросила: вы со стихами можете
И ваш ли со стихами в этой жизни путь?

Не мой был это путь, и жизнь показала,
Только лишь на пенсии мне что-то удалось,
Наверно, жизнь мною все-таки играла,
Мне подчиниться той игре все-таки пришлось.

Как-никак, а все-таки выродил семь книг,
А сегодня я четыре новые рождаю,
Жизнь моя катится без перца, без интриг,
Какою она станет, я пока не знаю.

Какими будут книги? Тут я промолчу,
Как-никак, а все-таки Слепцова издавали,
Было, что от счастья я плачу и кричу -
Издатели мне просто вторую жизнь давали.

То же самое, наверно, будет и теперь,
Новые издания жизнь мою продлят,
Я ловлю удачу, как добычу зверь,
Не знаю, что читатели в книгах тех узрят.

Пусть меня читатели как-то осуждают,
Но все-таки одиннадцать книжек я родил,
Пока я лишь издателей ими утруждаю,
Утруждаю истиной, какую сотворил.

В целом мне для счастья многого не надо -
Только мои книги и моя семья,
Для меня они есть истинно жизнь и отрада,
В них мое величие, мой закон и я.

Вот на том, Василий, с тобой мы и расстанемся,
Я еду в дом издательства, побудешь без меня.
Не знаю, как издательство со мною повстречается,
Но не бывает дыма, Василий, без огня.

Как-никак, а книгами я как-то надымил,
А зажечь огонь могут лишь издатели,
Ну, а дом издательства мне по сердцу мил,
Как милы издательству поэты и писатели.

Год как я издательство не трогал, не звонил
И в целом никаких вестей в свет не подавал,
Этот год я только писательством и жил
И себя поэзии, как Пушкин, отдавал.

А теперь, друзья мои, и с вами распрощаемся,
Коль выйдут мои книги, узнаете и вы,
Может быть, когда-нибудь мы с вами повстречаемся,
А пока не будем ломать мы головы.

Время мне диктует с читателем встречаться,
Писатель и читатель - это просто сила!
Встреча по обоюдному согласию случается,
А там уж пусть получится, как судьба просила...

5-6 июня 2016 г.

ДУМЫ

Детство старику частенько вспоминается,
Вот и мне сегодня вспомнилось оно.
Мама говорит: опять теленок шляется!
А сама крутила ногой веретено.

Я чувствовал себя совершенно взрослым,
Все-таки я в третий уже класс ходил,
С теленком не хотел я разбираться после,
А тут же взял кнутище и Борьку отходил.

Закралась у Борьки противная привычка
Убегать из стада к родимому крыльцу,
Ему никак не нравились с заветрием кулички,
Он впрямь уподоблялся по жизни мудрецу.

Прибегал он со степи и у дома шлялся,
Щипал у всех сараев и у домов траву,
А к вечеру, как водится, в дом свой возвращался,
Ему я зелень всякую в огороде рву.

Мама говорит: да пусть он, черт, загнется,
Посколь ему не нравится со всеми в табуне!
Соседка так такому рогатому смеется -
Такие просто ценятся на бойне и в стране.

Мне всякого теленка отчего-то жалко,
Пусть он вверх поднимется, а там себя покажет,
Может быть, какой-то просто станет мамкой,
А может, и по правде на стол кому-то ляжет.

Едим же мы борщи с лакомою косточкой,
А в праздники и вовсе варганим бешбармак,
Так вот за этой косточкой кто-то гнался с тросточкой,
Ну, а без бешбармака не обойтись никак.

Такая вот житуха у людей в природе,
Ради жизни ближнего надо умереть,
Такое было испокон у всего народа,
Ради жизни одного другого ждала смерть.

Может быть, и Борька мой сотворит отвагу,
Вырастет и скажет: жить я не хочу!
Поел я много зелени, наглотался влаги,
А нынче в чугунке твоем возьму и заторчу.

Будешь ты от этого сытым и довольным,
А меня, однако, вспомнишь как героя,
Мне и на том свете от того привольно,
Я буду за тебя и за твой мир спокоен.

7 июня 2016 г.

****

Ты скажи мне, туча, чего тебе надо?
Ты хмуришься и хмуришься и по небу плывешь.
Тебе так и никакого не нужно шоколада,
Может, ты и счастье в небесах найдешь?

А чего тебе бы на землю не пролиться
Самым долгожданным проливным дождем?
Люди ради этого тебе будут молиться,
Говоря: ах, дождичек, тебя как Бога ждем!

А дождик, это ясно, живительная сила,
Это живой колос, это тучный хлеб,
Пусть не проливной, а просто б моросило,
Колосом украшен был когда-то русский герб.

Надо бы и нам над колосом склониться,
Им все-таки гордилась когда-то целина...
Туча, я хочу твоим дождем умыться,
Хочет это сделать и моя страна.

7 июня 2016 г.

ПОРТРЕТ

Вот смотрю на карточку:
Матушка в косынке,
А вот здесь и вовсе
С длинною косой,
Здесь она полощет
Старенькую крынку
И почему-то клеит
Какой-то полосой.

А вот мама с тетками
В кругу своих соседок
Крутит на гулянье
Старинный патефон...
«Ах, война закончилась!» -
Сказал прохожий предок,
За Победу эту
Не прочь плеснуть и он.

Женщины сказали:
«Деда, то мы знаем,
Радио об этом
Недавно говорило.
Эту мы Победу
Как надо отмечаем,
Вспоминаем - при войне
Нам несладко было.

Давай, дед, подсаживай,
За Победу рюмочку,
На войне минувшей
Ты не воевал,
Зато в дни революции,
Вложив пожитки в сумочку,
Всяким там Юденичам
Жару поддавал».

У нас в деревне мужиков
В армию забрили.
В деревне кто остался?
Только бабы, бабы.
Они, эти бабы,
За сеялкой ходили,
Поднимали пашню,
Хотя и были слабы.

Вот мамаша, например,
Какой-то клин пахала,
Она еще перед войной
Стала трактористом,
Она свою мужскую
Работу уважала,
Ее так называли
Пашенным танкистом.

А потому как муж ее
Был тоже трактористом,
Он свои колхозные
Пашни поднимал.
Ну, а на войне ему
Стать пришлось танкистом,
Танком он своих врагов
Мял и подминал.

Он бил врага вдоль и поперек
И всех живых давил,
Бросался в трудные места,
Враг злился и дрожал.
Он танком не одну, не две
Высотки покорил,
Отчего фашист лихой
В сумятице бежал.

А работа матушке
Нравилась всегда,
Она и в мирные года
Ей душу отдавала.
Она любила трактор свой,
Ей верилось всегда,
Что без него она вдова,
А потому скучала.

Фотографий с техникой
В семье не сохранилось,
Да и мамы в жизни
Уже больше нет...
Время то умчалось,
Просто испарилось,
Но важен нам из прошлого
Неживой портрет.

7 июня 2016 г.

ПАМЯТНОЕ

Из детства вспоминается немного:
Помню, с батькой красил паровоз,
Какой владел железною дорогой
И в вагонах лишь игрушки вез.

А потом мы с батькой кувыркались,
Вот просто кувыркались на полу,
А потом утрами разминались,
И я крутил цветастую юлу.

А потом мы топали к киоску -
Это наш колхозный магазин,
Где батька брал привычно папироски
И тут же с удовольствием кадил.

Водил меня батяня и по парку,
По тракторному парку, что у гор,
При мне он делал трактору припарку,
Разжигая у колес костер.

Я смотрел на это, любовался -
У трактора такая божья сила!
Хотя он недвижимым оставался,
Но в нем мощь железная бродила.

Я видел этот трактор и в работе
И даже с батькой за рулем сидел,
У батьки с трактором свои были заботы,
От каких он рано поседел.

А дальше вспоминается машина,
Какая батьку прытко увозила,
Я лишь запомнил дымчатые шины
И боль без батьки, дум его и силы.

А мы тогда все батьку провожали
На ту проклятую, что началась, войну,
Мы с пацанвой за шинами бежали
По дороге в пыль и в крутизну.

Осталась мама и трое ребятишек -
Была такая у отца семья,
В деревне было множество парнишек,
Без отцов оставшихся, с ними был и я.

8 июня 2016 г.

ЦЕЛИННЫЕ СТРАДАНИЯ

Гляжу я на сегодняшних
Милых и красивых
Молодых товарищей,
Кому по двадцать лет

Нет, они не выглядят
Бедно и плаксиво,
У них уже сегодня
Свой авторитет.

А одеты, черт возьми,
Истинно с иголочки,
На каждом одеяние -
Хоть в музей веди,
У каждого букет цветов -
Ландыши да розочки,
Значит, ждет мальчишек
Счастье впереди.

А мы в их девятнадцать,
В целинную годину,
Искали, где бы лишней
Колбаски прикупить,
С временем мы шли
Не вскачь - наполовину,
А все-таки старались
Побогаче жить.

Трудились, если прямо,
Просто до упаду,
Потому как того требовала
Нашей жизни власть,
За труд мы не просили
У страны награду,
Нам бы в нашей спешке
Как-то не упасть.

А мы ведь все спешим,
Ведь коммунизм строим,
Хрущев так через двадцать лет

Его нам обещал,
Себя на коммунизм
Мы партизански волили,
К целинным обращаясь
Похлебкам и борщам.

И ничего, целинка
Хорошо кормила,
Давала многим звания,
Машины и почет,
Целина нас истинно
По земле водила,
Кто ей подчинился,
Стал явный патриот.

Целину пахал и я
Доблестной ДТэшкой,
Первый пласт целинный
И я ведь поднимал.
Бывало, развлекал я
Всю публику гармошкой,
А это значит, силы
На завтра придавал.

А завтра мы и правда,
Как быки, трудились,
Землю поднимали,
Сеяли овсы,
Званием целинника
Истинно гордились,
Теперь такое звание
Сбросили в трусы.

Умерла целинная
Хлебная эпоха,

Умерли целинные
Поселки, города,
Мы с целиной росли,
Было нам неплохо,
Целина нам, старым,
Помнится всегда.

Целина рождала
Дружбу, побратимость,
Она рождала истинно
К своей стране любовь.
Как бы время для страны
Вертко ни крутилось,
Целина нам согревала
Нашу жизнь и кровь.

8 июня 2016 г.

РАЗМЫШЛЕНИЯ

Друзья, давайте тихо посидим
В новом здании сегодняшнем житейском
И откровенно чуть-чуть поговорим
О том бывалом времени советском.

Октябрь Ленин как надо совершил,
Народ вздохнул победой и свободой,
Рождать колхозы он все же не спешил,
Дав думать только своему народу.

А у народа - собственная власть,
Нет ни помещиков, никаких хозяев,
Народом сметена романовская грязь,
Чего не поняли разве лишь раззявы.

Но Ленин умер, и тут все началось:
У Сталина наметились глобальные наметки,
Государство к новому стремилось и неслось,
Так что и на месте лопались подметки.

Начали колхозы рождаться там и тут,
В какие деревенские нехотя вползали,
Но в стране насильственный работал институт,
Который жизнь видел своими лишь глазами.

Как-никак, а годы как-то улеглись,
Хлеб растил народ, прижились колхозы,
В целом по Союзу устраивалась жизнь,
Какая вроде катится без пробок и занозы.

А заноза все же в республике была -
У Сталина повсюду одни враги народа,
Каких страна под пули, под проволоку вела,
Лишая часто жизни и людской свободы.

Таких врагов народа набрался миллион,
Многие из них головушки сложили,
Сталин всюду верил, что прав лишь только он,
А прочие ему лишь доблестно служили.

Неведомо бы сколько еще нашлось врагов,
Если бы Иосиф копыта не отбросил,
На поминках кусалось много пирогов,
Люди поминали без лести и вопросов.

Но всего три года усопшего прошли,
Когда нашли у Сталина житейские ошибки,
Какие жизни многих к смерти лишь вели,
Ошибки называли убийственной прививкой.

За смерть людей безвинных Сталин не ответил,
Его из Мавзолея вынесли в цвету
И тут же схоронили за мавзолейной стенкой,
И даже белый памятник поставили ему.

Пусть людьми такими ведает история,
Пусть судит она Сталина, Брежнева, Хрущева,
В жизни и истории большая акватория,
Она и остается временем польщенной.

Жизнь и история должны с людьми общаться,
У людей и в жизни должен быть закон,
Свой закон, к какому надо обращаться,
Когда время ставит какой-то террикон.

У жизни и истории есть свое лукавство,
Разбираться в нем нам часто недосуг,
Есть у них свое и тихое коварство,
Какое к ним приходит нечасто и не вдруг.

С нынешней житухой нам лишь разбираться,
Тут нам не помогут ни время, ни история,
Может, нам придется с прошлым прикасаться,
А то и вовсе выбрать другую акваторию.

В целом же, друзья мои, нас жизнь увлекает,
Мы вспоминаем прошлое, в нем есть своя мечта,
Оно не умирает, на подвиг понукает,
В том прошлом все же жизнь и красота.

Нам что-то надо брать и из прошлой жизни,
Хотя бы ту же дружбу, приверженность трудом,
Строить мы не будем хрущевский коммунизм,
Но его идеей мы-таки живем.

Мы хотим бесплатно учиться и лечиться,
В каждом доме будет достаток и машина,
Туристом в разных странах мы рады появиться,
Что как раз и будет не жизнь, а малина.

Еще хотелось бы, чтоб мы объединились
В единый, как бывало, Союз несокрушимый,
Чтоб мы на свои границы не делились
И страной остались одной и неделимой.

Давайте уничтожим меж собой границы!
Хочешь в Белоруссию - садись да поезжай.
Хочешь пред Невою гостем появиться?
На «Стрелу» кидайся и поезд поздравляй.

Езжай куда захочешь без дурственных таможен,
Какие нынче просто жизнь отравляют,
Вариант вторжения в большой Союз возможен,
Как-никак, а люди Союз тот вспоминают.

Сколько лет мы жили единою семьею,
Ни хлеб и ни границы, ни деньги не делили,
Были все единой мощною страною,
Тогда единым планом и мечтой мы жили.

Что случилось с нами, что врозь мы разбежались,
Какая между нами кошка пробежала?
Мы заокеанским за опытом погнались,
Еде простая часть земли страну отображала?

Нам, простым и смертным, такого состояния
Вот уж столько времени не дано понять,
Нам, живущим ныне, недостает желания,
Чтоб родить нам Родину - единую, как мать.

Матерей своих мы всегда любили,
Любили мы и мертвых, любим и живых,
Любили оттого, что нас они родили,
Нам лишь остается чествовать их.

Чествовать и памятью, и чувствами сердечными,
Тем, что нам долженствует наш сыновний долг,
Они для нас живыми останутся и вечными,
Вам сказать я это лишь сегодня смог.

А теперь давайте подведем итоги:
О прошлом и сегодняшнем мы поговорили,
У кого-то светятся новые дороги,
Кому-то дверь в надежду, как в сказку, отворили.

8-9 июня 2016 г.

****

Прочитал Есенина
Добрые стихи,
Мне сказали: велено
Тебе писать свои.

У Есенина: дорога,
Ты зовешь куда?
Свечкой четверговой
Еорит твоя звезда.

А у меня дороги
Какие могут быть?
Улеглись тревоги,
Я просто хочу жить!

Жить, чтоб видеть, как,
Как цветет акация

И какая у прохожей
Ангельская грация.

А потом, как Пушкин,
Любоваться осенью,
Осень - не игрушка,
Она бывает с проседью.

Потом позабавляться
Белым зимним снегом
И тихо любоваться
Кошевым Олегом.

Кошевым Олегом
И его братвою,
Какие жили снегом,
Весною и травою,

Какие так мечтали
Угроблять фашистов,
Их всюду подрывали
Как подлых колонистов.

Их, как зверей, громил
Простой Сергей Тюленин,
Он был врагам не мил,
Но к ним не ведал лени.

Он их бил огнем,
Винтовкой и гранатами,
Он знал: сейчас живем
С фашистами проклятыми.

Им станет смертью Краснодон
И вся великая Россия,

Забудут фрицы, где их дом
И как их тут носило.

Молодогвардейцы фрицам
Жизни не давали,
Их чужие лица
Они уничтожали.

Молодогвардейцы - под землей,
Почти все погибли,
Но они одной семьей
В Краснодоне жили.

Эх, нам бы жить одной семьей,
Как мы прежде жили,
Жить одной большой страной,
Как в СССР мы были...

12 июня 2016 г.

***

Опять я налег на Есенина,
На его дорогие края,
Пора наступила осенняя,
Люблю осеннюю пору и я.

Поэт что-то кумекал про участь,
И про то, мол, любого спроси:
Радуюсь жизни и мучаюсь -
Хорошо все же жить на Руси!

У Сергея свет лунный и длинный,
Окружают его тополя,
В синеве слышен крик журавлиный,
Всюду тишь и родные поля.

Поэт, этой «новью теснимый»,
Готов даже вслух нам пропеть:
Я хочу «на родине любимой,
Все любя, спокойно умереть».

И я тоже за избы, дороги
На прогулку свою выхожу,
У меня нет на сердце тревоги,
Я лишь радость в душе нахожу.

Радость в том, что я вижу приволье
И седые в степи ковыли,
Где отары пасутся на воле,
На коне и табунщик вдали.

Они здесь, видно, зори встречают,
Казахстанский любимый рассвет,
Они счастье свое получают,
Его ближе и радостней нет.

А чего еще в жизни желалось?
Табуны и отары - свои!
Тут себе, даже детям на старость,
Жизнь и время достойны любви.

Жизнь наша в родном Казахстане
Благодарности высшей достойна,
Казахстан перед миром предстанет
Богат, независим и вольный.

Мы за то Казахстану в поклоне,
Мы в поклоне за то Президенту,
Мир на нашем святом небосклоне
И довольство стране и поэту.

13 июня 2016 г.

***

Читаю у Есенина:
«Край ты мой заброшенный,
Край ты мой, пустырь».
А мой край - заполошный,
Мой милый Агадырь.

Заполошность края
Означала - жить!
Работать, жить играя
И свой край любить.

Так жизнь и катилась -
Работа дни и ночи,
Молодежь женилась,
Отдыхала в Сочи.

И мы с женкой тоже
В отпуск не дремали,
Гнали, где дороже,
Где классно отдыхали.

Была это Ялта
С теми же Сочами,
Курортная та карта
Не зналась с мелочами.

Отдыхали и в Москве,
И даже в Молодечно,
Но скучали по траве,
По Агадырю сердечному.

Мы с женкой повстречались
В году шестидесятом

И тут же расписались
На листке опрятном.

С той поры минуло
Полета шесть годочков,
Нас с нею потянуло
В учебу на заочку.

По пятилетке с женкой
Ударно отучились,
Может, и неловко -
В начальстве очутились.

Она - группы учетной,
Я на повышении,
В отделе на почетном,
В отделе свет снабжении.

Так до «дембельской» поры
В начальстве мы ходили,
Нарожали детворы,
Какую так любили.

С развалом СССР-страны
Детвора слиняла,
У алтайской стороны
Свою судьбу искала.

И, что важно, ведь нашла
Крышу и работу,
По-алтайски повела
Алтайские заботы.

А там у нашей ребятни
И свои родились,

Много было беготни -
Судьбы повторились.

У сына дочка и сынок,
У внучки - дочка, дочка,
У нас - старческий порог,
Какой поставит точку.

Чего здесь думать и мудрить?
У старости своя заточка,
Она может послужить,
Но и поставить точку.

Она Наталью увела,
Крачковскую Наталию,
Она актрисою была
С нестандартной талией.

Старость также увела
Зыкину Людмилу,
Жизнь ей многое дала,
Но увела в могилу.

К горю всех оборвалась
Жизнь у Эльдара,
Она в кинухе началась,
Она судьбой и стала.

Жизнь, к несчастью, увела
И Шурика известного,
Его по телекам вела
Такого интересного...

Всех, конечно, не сочтешь,
Кто в вечность удаляется,

Спасибо жизни, что живешь
И с людьми общаешься.

Жизнь дает нам всем урок -
Живи, учись, работай!
Но у жизни есть свой срок
И свои заботы.

У старости и вовсе дни
По-своему тусуются,
Бывает, клонятся они,
Бывает, и красуются.

У мамы, скажем, дни ее
Никак не красовались,
Послевоенное житье
На жизни отражалось.

Надо было жить да жить,
Да вписываться в жизнь.
Троих деточек растить
И строить коммунизм.

Того требовала власть
С кремлевскою пропиской -
Не хотелось враз упасть
И провалиться низко.

На комбайновом жнивье
Всю жизнь трудилась мама,
Награждала власть ее
Медалью, телеграммой.

Но жизнь ее не сберегла,
В шестьдесят свалила,

А через семь лет увела
В вечную могилу.

Таков, видать, один конец
У старческого племени,
Его черный ждет венец -
Таков посыл у времени.

Такой посыл мне ни к чему,
Ему сопротивляюсь,
А вот прозе и стиху
Послушно подчиняюсь.

Они, я вижу по всему,
Жизнь мою продляют
И писать свою судьбу
Дальше заставляют.

Но делать это нет уж сил,
И старость не советует,
То,что я наговорил,
Хватит мне и этого.

Мною жизнью и пером
Создан мой портрет,
Но не числюсь я орлом -
Во мне движенья нет.

Нет видений будущих
Месяцев и лет,
Даже снов колдующих
У поэта нет.

А у поэта должны быть
Мечты и сны, и явь,

Он обязан жизнь любить,
В ней человечий сплав.

Он ощущает прошлое,
С текущим - на коне!
Пусть в прошлом было пошлое,
Теперь оно на дне.

А в нынешнем видении
Наша жизнь, судьба,
Наше поведение,
Дружба и борьба...

Нынче в человечестве
Свой особый век,
У всех свое Отечество
И свой же человек.

Человек и создает
Жизнь и историю,
В целом он ей подает
Себя и акваторию.

Мир, в котором он живет,
Его время, век,
О чем пишет и поет
Только человек.

ДУМЫ О ПРОШЛОМ

Эх, как было при Союзе
В дни Хрущева, Брежнева,
Когда еды было от пуза
Себе и всем приезжим.

На производство так всегда
Путевки предлагали
В чужие города,
В каких мы не бывали.

Путевки отдыхать,
Скажем, в Белокуриху,
Туристом побывать
При монгольских тугриках.

Предлагали Пятигорск,
Ялту и Сухуми,
Неизвестный Белозерск,
Даже и Батуми.

Предлагали турпоход
Даже по Германии,
На отдых звал и теплоход
В крымскую компанию.

Предлагалось отдыхать
И в Каркаралинске,
Путевку мылились урвать,
Потому как близко.

Предлагали нам «Манкент»
И регион ташкентский,
Был у них авторитет,
Как велось, советский.

Предлагали когти рвать
В край алма-атинский,
Приходилось отдыхать
Далеко и близко.

Алушта - это далеко,
Но с женкой там бывали,
На Черноморье все легко -
Там мы отдыхали.

Сейчас, скажите мне, куда
Крестьянину податься?
Сейчас не пустят никуда -
К таможне обращайся.

А таможня даст свое
Для тебя условие:
Здесь - короткое житье,
Свыше - уголовие.

А о курортах забывай!
Ушедшая страница,
Курортный прежний дивный рай
Теперь нам только снится.

Теперь ты вряд ли попадешь
Даже в Боровое,
Себе отдых лишь найдешь
У телека родного.

А все как нынче по стране
Всем владеет частник,
Он в тебе, в твоей судьбе
Просто не участник.

Сам работай, сам крутись,
Сам о себе заботься,
Коль с деньгами - не боись,
Дверь везде откроется.

Тебя примети Париж,
Примут и Канары,
Когда бросишь тыщи тыщ
Евро и долларов.

Такова вот жизнь пошла
В век наш СНГэвский...
Ах, где ж ты прежняя пора,
Где ты, век советский?

16 июня 2016 г.

* * *

Заерепенилась нынче мысль моя,
А коли быть по-нашему - просто взбунтовалась:
Где же книга самая главная твоя,
Много ли тебе на веку осталось?

И подумал: правда, мне уж много лет,
Я уже, по сути, перешагнул восьмерку,
Ну, а главной книги о жизни просто нет,
Нет, да и не будет - глаголят поговорки.

Но мне б хотелось исповедь личную прожить,
Как родил когда-то француз Жан Жак Руссо,
Я жизнь довоенную с военной смог прожить,
По ней так пробежал истинный муссон.

Но во мне какая-то память сохранилась,
Память о сегодняшнем и память о былом,
Но она в каких-то клетках притаилась,
Скорее, в моем сердце, в творчестве моем.

16 июня 2016 г.

***

Когда-то для Есенина
Выпал свет зари,
И во дни весенние
Примчались глухари.

Рыдала даже иволга,
«Схоронясь в дупло»,
Но ему не плакалось -
«На душе легко».

Нет, читать Есенина
Я больше не берусь,
А то прославлю Ленина,
Заодно и Русь.

Читать я стану от души
Олжаса и Абая,
Они мне оба хороши,
Я их читал и знаю.

В них жизнь доблестной страны,
Народа Казахстана,
Где зори их страны видны
И люди крепче стали.

Стали люди крепче жить,
Жить дружно и богато,
Стали родине служить
И стать всегда солдатом,

Коль кому-то взбесится
На страну напасть
И никак не терпится
Народная им власть.

Что-то где-то уж велось -
В Актобе, в Актау,
Но взять власть не удалось
Ни боем, ни по праву.

В Казахстане силы есть,
Чтоб защищать границы,
Это наша жизнь и честь,
Родной страны зарницы.

16 июня 2016 г.

О СТОЛИЦАХ

Вот кручу я маленький, наверно, школьный глобус,
Ах, сколько здесь разных стран и сколько здесь воды!
Как-никак, а глобус мне поднимает тонус,
Наклонился и усек две красные звезды.

Одна пометила столичную российскую Москву,
Другая до столичного примчалась Ленинграда,
По глобусу я дальше блуждаю и плыву,
На звезды натыкаюсь Ташкента, Ашхабада.

А вот и главная звезда - моя Алма-Ата,
Столица незабвенного большого Казахстана,
Сейчас Алматы, не та, совсем уже не та,
Она на склоне южных гор высотной тоже стала.

А высота столице этой вовсе ни к чему,
У нее повсюду был зеленый свой наряд,
Деревья друг за другом, одно к одному,
Неповторимый создавали городской фасад.

По улицам зеленым сплошь текли арыки,
Нет, они бурлили, унося жару!
Мальчонка своей тросточкой по арыкам тыкал,
Ему тоже жарко было поутру.

И мы порой студенческой встречались у арыков,
Обсуждали важные студенческие дни,
Горы и арыки были нам владыкой,
Они с собой надежду и радость нам несли.

Полета лет минуло с той поры студенческой,
Какою нынче стала былая Алматы?
Говорят, как всюду, у ней вид коммерческий,
И не такие нынче у нее цветы.

Говорят, арыки тоже поутихли,
Как бывало прежде, они уж не журчат,
Горожане к этому вовсе попривыкли,
Привыкли, что и птицы в деревьях не кричат.

Да, годы что-то делают с нашими столицами,
Они поприукрасились, поднялись в небеса,
У города теперь совсем другие лица,
У столиц сегодня свой дух, своя краса.

17 июня 2016 г.

ПОКЛОН ПОЭТУ

Сегодня, между прочим, налег на Щипачева,
Был такой в Союзе доблестный поэт,
Жил он в пору Ленина, Сталина, Хрущева,
Сегодня его, правда, среди нас уж нет.

Родился Щипачев на сходе века Пушкина,
А подрос - так в армию был угнан Колчаком,
Видел Щипачев, что жизнь - не игрушка,
И угнал к Чапаеву уже большевиком.

С чапаевцами шел чрез Оренбург, Самару,
Сражался с беляками, как огненный солдат,
Но стих и на привале Степана жег и хмарил,
Хотя он в этом просто не был виноват.

Он где-то в уголке в окопе притулялся
И карандашом писал свои стихи, стихи,
Командир за это нисколько не ругался,
Читал и говорил себе: очень неплохи!

А дальше революция, Москва и дни учебы,
И первая книжонка «По курганам веков»,
Тут перо поэта не дышало пробой,
Тут талант поэта отринул ряд оков.

«Как мне быть к Вселенной безразличным,
Если суть ее нам все ясней,
Если всем существованием личным
Я в конечном счете связан с ней».

Со стихами быть и тоже со Вселенной
Было Щипачеву велено судьбой,
Был поэтом ранним он и необыкновенным,
Жизнь брал стихами, где-то и борьбой.

А все как воевал в чапаевской дивизии,
В минувшую войну с фашистом воевал,
Стих и тогда ему был главною провизией,
Он себя ему, как солнцу, отдавал.

«В нашей сегодняшней поэзии немало серятины», -
Щипачев так, между прочим, вслух миру говорил,
Он видел, что поэты - простые обитатели,
Поэт в дни кукурузные нечетко все творил.

Была у него гладкопись, живое восхищение
Живою кукурузой, горохом, целиной,
Таким поэтам Щипачев не делал одолжения,
Он хотел, чтобы поэт жил своей страной.

«Гвоздем или рельсом я выдержу службу,
Готов и под молот спокойно я лечь,
Вот только б от ржавчины равнодушной
Мне душу свою уберечь».

От ржавчины душу поэт уберег,
Но годы и болезни свое у жизни брали,
Сохранить себя для мира поэт никак не смог -
Его друзья в последний путь поэта провожали.

В Кунцево теперь над холмом могильным
Всегда лежат ромашки из детства голубого,
Читаю Щипачева упорно и стабильно,
И, может, так не полюблю я никого другого.

И я, друзья, боюсь гладкописи чистой,
Нет, я хочу о жизни лишь душой писать,
Пусть меня считают хорошим гармонистом
И под мою гармошку бросаются плясать.

Но все же в час подлунный я к строчкам обращаюсь
И свои стихи подлунные пишу,
Как-никак, с Есениным и Щипачевым знаюсь,
Хотя я, может, правда лишь вешаю «лапшу».

Как бы жизнь нас ни мяла, ни крутила,
В ней всегда рождаются великие отцы,
На них всегда надежда, в них людская сила,
Они в душе поэта, они и мудрецы.

Такими были Пушкин, Лермонтов, Есенин,
Был и наш советский Степан Щипачев,
Я ими занимаюсь усердно и без лени,
Их, говорят, почитывал даже и Хрущев.

Не знаю как политикам, а тем, кто любит слово,
С поэтами общаться так жизнью велено,
Потому читаю я того же Щипачева,
Хотя он жил по времени от меня давно.

Стихотворный мир Щипачева знает,
Хотелось бы и мне проникнуть в этот мир,
Но меня лишь только Агадырь читает,
Я для агадырцев хоть малый, но кумир.

Не знаю, что кумиру приготовят люди
И будут ли меня, как Пушкина, читать,
Думаю, они меня тут же и забудут,
Мне отчего-то хочется об этом написать.

Может, оттого, что мной владеет старость,
Что мне сегодня ровно восемьдесят лет,
Не знаю, сколько мне еще прожить осталось,
Но к жизни и к читателям претензий нет и нет.

Пусть к кому-то я являюсь только по желанию,
А кто-то пусть читает из интереса,
Кто-то пусть прочтет наскоком, без внимания,
А кто-то увлечется для своего прогресса.

Навязывать себя читателю не стану,
Читателя, по сути, надо заслужить,
Я рожден в ауле в нашем Казахстане,
Где я и сегодня продолжаю жить.

Неведомо, не знаю, сколь мой век продлится,
Только не хотелось, чтоб мой век кончался,
Почему-то верится - еще роман родится,
Он с моих пеленок, с детства начинается.

А эта книга будет, думаю, последней -
Старики с поэзией уже не слишком дружат,
Старикам не следует думать о победе,
Их творческий полет уж никому не нужен.

Мое же углубление в творческий процесс,
Наверно, свою силу старость отдает,
Покажется ли эта книга интересной,
Мне пока ответа время не дает.

Каждому поэту время службу служит,
А жизненные годы багаж свой отдают,
Багаж этот словесный людьми и жизнью кружит,
Поэты и издатели с ним к людям и идут.

Хотелось бы и мне с багажом расправиться
И с книжною новинкой к читателю попасть,
Который сам и скажет - нравится, не нравится
И та ль у этой книги жизненная власть.

У поэта годы прожиты большие,
Их надо как-то вспомнить и скомпоновать,
Потому как годы были те другие,
Когда поэта нянчили его отец и мать.

А дальше дни бежали, месяцы и годы,
Подрастал поэт, но грянула война,
Какая на борьбу подняла народы,
Вступила в бой и наша советская страна.

У войны бывают потери и победы,
Свою Победу в той войне мы и одержали,
Кто выжил - возвратился, теперь седые деды,
Какие с поля боя трусливо не бежали.

Не бежал и мой отец, сражался до последнего,
За родину, за нас с семьей и голову сложил,
Его похоронили как солдата верного,
Он стране и родине, и семье служил.

В его семье и вырос я - рабочий и поэт,
Какому и хотелось о жизни написать,
Рабочий с жилкой Пушкина составили дуэт,
Который и заставил в печати выступать.

Что в том получилось - как-нибудь прочтете,
А я и правда, други, вам жизнь свою отдал,
Мне не нужны поклоны, пожатья и почеты,
Мне бы лишь хотелось, чтоб мир меня читал.

17-18 июня 2016 г.

ПОКЛОНИМСЯ УЧИТЕЛЮ

Как-никак, а годы детства вспоминаются,
Особенно так наши школьные года,
С друзьями-школярами иногда встречаемся,
А вот с учителями обычно никогда.

Была в первом классе красивая училка,
Но семь десятков лет после того минуло,
Неизвестно, где она и где ее могилка -
Годы все-таки, друзья, не придают нам силы.

Хоть убей, не помню училки первой имя,
Я лишь только помню девичью красоту,
Виной тому, конечно, безжалостное время,
Оно съедает память, надежду и мечту.

В старших классах имена кой-какие помнятся,
Помню математика Павла Расторгуева,
Какой сказал, что цифрами люди даже кормятся
И цифирь умчать поможет на звезду другую.

Нас, как знаем, окружают звезды и планеты,
Ну, а звезды тоже твердыми бывают,
Математика как раз твердо знает это,
Знает, что по космосу звезды и летают.

Мне помнится учитель Иван свет Бурьянов,
Какой меня учил когда-то в Жалтыре,
Он вел у нас ботанику дотошно, без изъяна,
Что-то заграничное растил в своем дворе.

В Жалтыре я кой-когда все-таки бываю,
Здесь я десять лет работал и учился,
Могилу моего учителя Ивана навещаю
И с его портретом как-то сговорился.

Ах, дорогой учитель, время нам не властно,
Ты учил меня, когда почил усатый,
Что сказал Хрущев о нем - были мы согласны,
Так как был он на земле во многом виноватый.

У тебя остались в Жалтыре три красивых дочки,
Они тобой и матерью и памятью живут,
Возвратясь к себе домой, я под сенью ночи
Делаю вот этот рукописный труд.

Делаю, чтоб вспомнить учителей, училок,
Кто нас на жизнь людскую усердно наставлял,
Кто с нами просто нянчился и не гнал в затылок,
Жить людскою правдой и верой заставлял.

Учителей науку мы сердцем принимали,
Как-то все учились и делали себя,
А после свои трудные дороги пробивали,
Вспоминая прошлое и учителей любя.

А в Агадыре я даже в ШРМ учился,
Была у нас училка-красавица Беспалова,
Я ее предметом больше всех гордился,
Любить ее предмет сам себе заказывал.

А училка эта вела литературу,
Господи, так это же моя любовь и страсть!
Училка во мне видела Есенина натуру
И просто не желала ей попросту пропасть.

Она все сочинения вслух мои читала,
Мне было неловко, класс слушал и молчал,
Она же мне по-дружески как-то и сказала,
Что во мне хранится пушкинский причал.

Его надо дальше к солнцу, к небу двигать,
Мне лишь на гуманитарный надо поступать,
Не надо по училищам и институтам прыгать,
Мне надо вуз словесника, как песню, выбирать.

По ее совету так и получилось:
Я КазГУ окончил с письменным уклоном,
Во мне стихотворство сильнее укрепилось -
Я к ее могиле всегда иду с поклоном.

Так что, дорогие, учителям поклонимся,
Тем, кто с нами нянчился прежде и теперь,
Давайте за их память и здравие помолимся,
Их наука помогла нам избежать потерь.

А жизнь нам частенько бросает несуразности,
СССР представился, СНГ родился,
Нам часто не хватает, как бывало, праведности,
А урок учителей нам все равно сгодился.

Сегодня, говорят, учителя другие,
Они живут сегодня только своим веком,
У них уроки тусклые, вовсе не такие,
Какие были с нашим советским человеком.

Они не вспоминают былых молодогвардейцев,
О Зое и Матросове совсем не вспоминают,
Больше говорят про США да про корейцев,
Прошлую историю они почти не знают.

А все как у учителя такова программа,
Какую где-то делают в замкнутых кругах,
Где больше говорят о тоннах, килограммах
Золота, какое добывают в собственных горах.

Говорят о том, сколь выплавлено меди
На заводе Балхаша, заводе Жезказгана,
Вслух не распространяются, куда медь эта едет,
Может быть, меняют на бомбы и наганы?

Учеников так пичкают: хлеба у нас море,
А угля добыто миллионы тонн,
Потому нам не страшны голод, войны, горе,
Гражданин сейчас у нас собственный патрон!

Он хозяин на селе и на производстве,
Он нас кормит, поит, только заплати,
Он собой являет силу, руководство,
От такого счастья нам незачем идти

Куда-то в города, в столичные структуры,
На месте можно из себя Рокфеллера родить,
Тут не придерется к тебе прокуратура,
Ты будешь припеваючи, как Рокфеллер, жить.

Неведомо, не знаю, каков учитель нынче,
Но мы своих когда-то любили, уважали,
Они любили жизнь, нам не читали притчи,
Они нас в добрый путь из школы провожали.

18 июня 2016 г.

КАК БЫЛО, ЧТО ЕСТЬ...

Отшумели в школах лихие выпускные,
Школа своим школьникам аттестат дала,
Теперь у них задачи ну прямо боевые,
Словом, у них новые трудные дела.

Им по восемнадцать, жизнь только начинается,
Впереди неясные и трудные пути,
Кто-то так заметил - жизнь и впрямь кусается,
В ней свою тропинку нелегко найти.

А начинать, как принято, придется с института,
Институт даст высшее, а в том уж что-то есть,
Жизнь готовит главный путь, где-то и попутный,
Остается лишь найти себя, свой закон и честь.

Высшее по жизни не каждому дается,
Оно имеет интеллект в звании своем,
Счастье человека нелегко куется,
Мы к нему нечасто прямым путем идем.

Институты разные да университеты,
Заплати теньгушки, а потом учись!
Семь десятков лет Союз не знал об этом,
Плату за ученье не позволяла жизнь.

Не было закона о платном обучении,
Сдал экзамен - хорошо, впрягайся да учись,
Не было закона и о денежном лечении,
А коль ты в институте - учись, да не ленись.

Сейчас простые думки о жизни возникают:
Ну как наш СССР в своей системе жил?
Бесплатно всех учиться в вузы приглашает,
Бесплатно же свою страну и людей лечил.

Где на эти главные проблемы социальные
СССР великий средства находил?
Учить людей, лечить людей - заботы идеальные,
Этими заботами СССР и жил.

А ведь была война, разруха, становление,
Средства уходили на новое житье,
Средства уходили на жизни обновление,
СССР знал место в истории свое.

А чего, скажите, нам нынче не хватает?
Учимся и лечимся только за тенге,
Бывает, человек лишь корку доедает,
А платить приходится, как той бабе-яге.

Да, СНГ нам сильно жизнь исковеркал,
Учеба у нас платная, платное жилье,
Мы теперь живем по СНГэвским меркам,
А у СНГ своя система и торжество свое.

Но жизнь, видим мы, делает подвижки,
Есть уже бесплатные учеба и лечение,
О том, что было в СНГ, напишут даже книжки,
Но повторять не будут такого увлечения.

19 июня 2016 г.

* **

Вот опять наткнулся на доброго поэта,
Известного поэта Степана Щипачева,
Его книжек у меня не было и нету,
Но друзья мне дарят великого такого.

Листаю и читаю ранние стихи,
Хоть они и ранние, но в них жива душа,
Поэт и по малолетству не терпит чепухи,
Жизнь у поэта движется, чем и хороша.

Взять хотя бы прачку, что белье стирает,
Белье чужого люда, вовсе не свое,
Но она за это плату получает,
А деньги все же делают ее житье-бытье.

Щипачев, бывает, и к ветру обращается,
У него, он видит, буйна голова,

Ива и березка с ним всегда встречаются,
И он им говорит влюбленные слова.

Оттого, видать, ветер и счастливый,
А поэт мечтает о любви своей,
Об одной единственной, далекой и красивой,
О какой, быть может, споет и соловей.

А вот поэт увидел сырые облака,
Какие на людей пытаются пролиться,
Они плывут откуда-то с далеко-далека,
А дар их дождевой людям пригодится.

Это в цвет поднимутся трава, деревья, хлеб,
А земля и вовсе жизнью задышит,
Хлебные колосья украсят чей-то герб,
А Аллах поклон себе с молитвами услышит.

19 июня 2016 г.

***

У поэта о любви особые слова,
Они идут от сердца, дышат простотой,
У поэта от любви кружится голова,
Он любимой молится, как праведник святой.

Он свою любимую находит на высотке,
Среди многоэтажья окно ее горит,
Он ей посылает приветственную нотку
И что-то ей волшебное в трубку говорит.

Но волшебство такое обязывает к встречам,
Какие хоть и редко, но-таки случались,
При встрече руки клал он на девичьи плечи,
Ну, а после этого они не расставались.

19 июня 2016 г.

Сегодня медицина вновь в своем фаворе,
Достижений, говорят, у нее не счесть,
О ней всегда ведется много разговоров,
Эти разговоры и сегодня есть.

В Казахстане нынче отрезают почку
И новую усердно тут же пришивают,
Ну, а коль ушную потерял ты мочку,
Приживут такую же - родные не узнают.

А коль у пациента шалости с сердечком,
Его, как было прежде, в Москву не отправляют,
У нас же в Казахстане усладят словечком
И его предсердия умело поменяют.

Так что медицине мы можем поклониться
И в ее праздник ей счастья пожелать,
Была она у жизни усердной ученицей,
Отчего желаем ей жить да поживать.

19 июня 2016 г.

ОПЯТЬ С СЕРГЕЕМ МЫ

Сегодня мы с Есениным
Решили повстречаться
И поговорить о нашем с ним
Бытье и житии,
Вылили у нас
Счастье и несчастье
Или мы просто жили
В городах своих?

Правда, жил Есенин
В своем рязанском крае,
Но он так любил,
Когда блуждала тень,
Он и сам бродил
С гармошкой и без лени
Мимо сел крестьянских
И мимо деревень.

Он ходил, как странник,
По своим дорогам
Мимо стройных елей
И седых берез,
Он видел у народа
Душевные тревоги,
Он видел у крестьянок
Даже капли слез.

А все как солнце жаркое
Все кругом палило,
Не было ни дождичка,
Не было росы...
Было ль то иль не было?
Но, скорее, было,
Посколь жилося трудно
Народу на Руси.

То поэт заметил,
Правды не скрывая,
Это все ж была
Его родная Русь.
В век его нелегкий
И жизнь была такая,
Когда под каждой крышей
Была мечта и грусть.

Поэт видел также,
Как «выткался на озере
Алый цвет на озере
Алый цвет зари,
И на бору со звонами
Плачут глухари.

Плачет где-то иволга,
Схоронясь в дупло,
Только мне не плачется -
На душе легко.

И пускай со звонами
Плачут глухари,
Есть тоска веселая
В ал остях зари».

В алостях зари
Была и жизнь поэта,
Который край рязанский,
Как женщину, любил,
Какой в своих стихах
И говорил об этом,
Поэт любил Россию,
Он Русью цвел и жил.

Поэт сказал когда-то:
Я люблю поэтов,
Это непредвиденный
И боевой народ,
Я его наследник,
Помню строки эти,
Поэт всегда с собою
Что-то в мир несет.

Сам Сергей поставил
Емельку Пугачева,
Марфу свет Посадницу
И святую Русь.
Как-никак, Есенин
А свой край прославил,
Его «Русь» и нынче я
Читаю наизусть.

Его словами все же
Скажу я: «До свидания,
Милый мой, ты у меня в груди».
Нам всегда сопутствуют
Встречи, расставания.
Нам часто неизвестно,
Что ждет нас впереди.

Как сказал поэт,
Ждет нас век суровый,
А в целом: «Не грусти
И не печаль бровей,
В этой жизни умирать не ново,
Но и жить, конечно, не новей».

Да, умирать не ново,
Но так того не хочется,
Мне так лично хочется
Долгий век прожить,
Но все равно за каждым
Смерть все равно волочится,
Тут даже цыганке
Не надо ворожить.

Не знаю, что мне выше
Жизнь приготовила

И насколько долго
Мой продлится век,
Жизнь меня по-своему
К себе-то и приводила,
А значит, для нее я
Нужный человек.

Ведь нужный человек
Был для нее Есенин,
Почему таким же быть
Не могу и я?
Может быть, я стану
Наследник поколений
И так же в мире будет жить
Поэзия моя?

Хотелось, чтоб она жила
И смело шла к читателю,
И чтоб ее читатель
Мог видеть и читать.
Ну, а время уж само
Поклонится писателю
И скажет, надо ли такого
В свет белый выпускать...

Мысли эти чертовы
Меня и донимают,
Если глянуть в точку -
Поэт я иль не поэт?
Поэта настоящего
Так люди всюду знают,
А у простого пробника
Видимости нет.

Обидно, честно слово!
Ни один читатель
Не сказал мне на ухо:
Да у тебя «лапша»!
Ты вовсе не поэт,
Ты вовсе не писатель,
Поскольку в твоих книгах
Отсутствует душа.-

Не сказал он и того,
Что в книгах есть движение,
Что герои там и тут -
Это мы и есть!
У нас бывают разные
В жизни положения,
Но мы все равно несем
Дух страны и честь.

Не сказали потому,
Что к книгам безразличны,
Нынче книги заменяет
Всемирный Интернет,
К нему больше тянутся
Теперь уже привычно,
А у книг, как видится,
Не тот авторитет.

19 июня 2016 г.

О НАС

Наверно, мы сегодня лишь сердцем сознаем
Наш прошлый век страны и наши достижения,
Мы теперь по жизни своим путем идем,
У нас, как видит мир, другое положение.

Мы помним, было время, когда нас мир не знал,
Когда чрез Казахстан ходили супостаты,
Когда своею конницей топтался Чингисхан
И топал по большой степи воинственный хан Батый.

Царские правители тоже у нас были,
Они родили Акмолу, Уральск и Атбасар,
Царские наместники и в Казахстане жили,
Они здесь торговали российский свой товар.

Атбасар так торговал элитными конями,
Акмола растила хлеб и прочее жнивье,
Абай так любовался бескрайними степями
И выдавал народу писательство свое.

Те годы унеслись и укатились в Лету,
Время подоспело, и началась война,
На бой шли казахстанцы от поля, от газеты,
На битву поднялась великая страна.

Формировались разные отряды и дивизии,
Одной из них была дивизия Панфилова,
У страны и у людей не было коллизии,
Был в дивизии Слепцов, Петров да Покатиловы.

И прочий боевой народ родного Казахстана,
Какому было суждено сражаться и погибнуть,
Память о панфиловцах ждать себя не стала,
Им памятник потомками был в городах воздвигнут.

Великий нынче Казахстан свободен, независим,
Этому сегодня девять тысяч дней,
Мы у мира для себя ничего не просим,
Только б не было войны для нас и для детей.

20 июня 2016 г.

О ПРОШЛОМ И НЫНЕШНЕМ

Где ты, моя ОХРА, бывшая общага?
В ней в годы молодые я жил да поживал,
Был отменным слесарем, но не являл отвагу,
Когда рабочий класс учиться заставлял.

Слесарил я ударно, даже был примером,
А вот аттестата из школы не имел,
Задания начальства выполнял отменно,
А вот в вечерней школе учиться не хотел.

А зачем учиться? Девять классов хватит,
Раньше так семерку за подвиг признавали,
А нынче вот десятку выдай и плати!
А ведь наши предки того не совершали.

Для чего копаться в алгебрах туманных,
Какую-то историю от мира постигать,
Постигать писателей живущих и бывалых,
О них и их героях сочинения излагать?

Ну как же, надо вспомнить Обломова Ильюшу,
Какой любил диван свой и на нем поспать,
Любил он, между прочим, и хорошо покушать,
А себя любимому дивану отдавать.

Бывает, про Иудушку тему предлагают,
Ну, который в мире Головлев зовется,
Который своей жадностью белый свет пугает,
Которому и в новом веке хорошо живется.

Конечно, были в свете Грушницкий и Печорин,
Какие дивный век свой бездумно поживали,
Которые любили пустые разговоры,
Но женщинам поклоны усердно отдавали.

Во времена Печорина крутился и Онегин,
Какой своей свободой и честью дорожил,
Любви предпочитал он свою живую негу,
Жизненною негой в своем мире жил.

Мирному Базарову сельская идиллия
Как-никак, а все-таки по душе пришлась,
Была в глуши крестьянской известна та фамилия,
Она по многим судьбам в его селе прошлась...

Вот так все было, было в молодые годы,
Как-никак, а аттестат я все же получил,
С тем аттестатом жизненную я тасовал колоду,
И даже на учебу в КазГУ я поступил.

Шесть годков промчались, и я уже с дипломом,
Какой меня обязывал журналистом быть,
Но я, как и до этого, был с ключом и с ломом,
Чтоб свою профессию без них мне не забыть.

А ОХРА шифровалась по-житейски просто -
Общага холостых рабочих Агадыря,
Был у меня по комнате товарищ Бровин Костя,
Какой напоминал Илью-богатыря.

Был Костя распорядителем на моем венчании,
Он моей невесте даже стих прочел,
Мы с моею женкой жили без печали -
Видно, то Всевышний для себя учел.

Отчего и выдал нам прославленного сына,
Который всю армейскую службу отслужил,
Агадырю же отдал он жизни половину,
А потом в Россию дорогу проложил.

С рожденьем СНГ жизнь многих встрепенулась,
Кто-то на Германию лыжи навострил,
Кому-то она счастьем, малиной обернулась,
Кто на новом месте по-хозяйски жил.

А семья сына нашего Алтай облюбовала,
Где сын и на Алтае поезда водил,
Жизнь и на Алтае ему хлеб давала,
Он Алтаем бредил, он Алтаем жил.

А мы с моею женкой к Агадырю прикованы,
Здесь мы и восьмерки с нею разменяли,
Мы агадырской жизнью просто околдованы,
Все, что у нее есть лучшее, для себя мы взяли.

А лучшим была вера в наше поколение
И в наш наступивший незабвенный век,
Мы у мирового общества не просим одолжения -
В Казахстан нашем свободен человек.

К тому ж он независим, как луна и небо,
Он своей дорогой по земле идет,
Он живет свободой, надеждой, честью, хлебом,
Он одного желает - чтоб счастлив был народ.

От высоких гор Медео, Алатау
До степных просторов далекой Астаны,
От костанайской глади до Актобе с Актау,
Для всех людей великой Казахстан-страны.

21-22 июня 2016 г.

Нынче я опять с Есениным столкнулся,
Он что-то о котенке на лежанке говорил,
Который на лежанке не раз перевернулся
И с бабушкиным клубком невнятное творил.

Он лапой его гнал к бабушкиной прялке,
А потом у прялки лапою крутил,
Он с клубком не иначе играл в кошки-мышки
А потом бабуле его же и дарил.

Сейчас бабки нет, как и того котенка,
Посколь как пробежало много-много лет,
Из того котенка сшили шапку-кепку,
Какую износил поэта разудалый дед.

26 июня 2016 г.

ДЕЛА КАРАГАНДИНСКИЕ

Опять из Караганды я нынче возвращаюсь,
Когда я появлюсь, жена моя не знает,
А как появился, тут же удивляюсь -
Все равно меня жена как-то ожидает.

А все как для меня поджарена картошка,
В ней я даже ножку от курки нахожу,
А чтобы не забыть игру, беру свою гармошку
И с ней в степные дали, в себя я ухожу.

А перед тем я женке отдаю покупки,
Какие покупал в магазине «Южный»,
Конечно, покупатель я, по идее, хлюпкий,
Но выбираю то, что женке моей нужно.

А нужна ей рыба, какая-то горбуша,
Соленая, копченая - пальчики оближешь,
Я не уподобляюсь президенту Бушу,
Но с горбушей этой к нему сдвигаюсь ближе.

По заданью женки выбираю сало,
У нас Агадыре свининку не найти,
Раньше, говорят, она у нас бывала,
Но время все же делает разные пути.

Сейчас так налегают на легкую конину,
Баранина с говядиной тоже в ход идут,
Еще ищу я в «Южном» чернослив, малину,
Они у моей женки на все сто в ходу.

Я в вареньях этих мало разбираюсь,
Но женка заставляет с ними чаевать,
По сути, вкуснота, от души признаюсь,
Вот в «Южном» и стараюсь их как-то доставать.

В целом, женке нравится, что в Караганде бываю,
Как-никак, а что-то оттуда привожу,
По ее заданию что-то покупаю,
Может быть, от этого и душу отвожу.

Иногда по ЦУМу шумному блукаю,
Смотрю на то, на это, товара - завались!
Интимное для бабки тоже выбираю,
Привезу, а там хоть в доску обозлись.

И привез набор ей теплых комбинаций,
Как-никак, а зимушка уже не за горами,
Женка мне не делала своих инсинуаций
И была довольна теплыми дарами.

А недавно подарил я ей отменные часы,
Какие и на тысячу тенге не потянули,
С виду они были невиданной красы,
Но свои минуты на батарейках гнули.

Они и по сегодня свои часы считают,
Время хоть по ним кремлевские сверяй,
А коль батарейки со временем сгорают,
Я ей ставлю новые и говорю: валяй!

Женке моей нравится по Караганде блукатить
И вообще со мною в Караганде бывать,
Я ее и в «Классик» пытался забуравить,
Она же оставалась меня на лавке ждать.

В Караганде ей нравятся в переходах вещи,
Выбирай, что хочешь, по дешевизне,
Считают, переходы - то сдавленные клещи,
Но здесь намного проще, чем в ЦУМовской возне.

Меня ж в Караганду как магнитом тянет,
Здесь все-таки мои книжонки издаются,
Пусть белый свет о них не ведает, не знает,
Но они моим трудом и старостью куются.

Этот стих и эта книга все из той же лепки,
Но что бы мой читатель о них ни говорил,
Я по-стариковски надену свою кепку
И скажу читателю: я вас всегда любил!

И теперь люблю, пусть старческой любовью,
Мне просто очень важно, что вы на свете есть,
Главное, мы с вами полны единой крови,
У нас одна страна, ее мечта и честь.

22 июня 2016 г.

***

Я знал одну подругу красоты небесной,
Она училась в школе, в вузе и была
Работницей отменной, подругой интересной,
Дела свои домашние всегда сама вела.

Отец и мать у девушки в один год почили,
Замужем она от века не бывала,
Из невест она себя в поселке исключила,
Поскольку себя больше работе отдавала.

Ей все равно не хочется одной быть у окошка
И одной смотреть на грустную луну,
Она в своей квартире гладит свою кошку
И читает что-то про жизнь и про войну.

А у жизни нашей всегда свои подвижки.
Ей с кем-нибудь хотелось бы звезды посчитать,
От одиночества ей хочется писать стихи и книжки
И где-то на досуге друзьям своим читать.

Гляжу я на подругу и, может быть, завидую:
Она наполовину моложе дней моих,
Она проводит отпуск то в Москве, то в Видово,
А то и коротает дни у друзей своих.

Так жизнь ее и катится в здоровье и достатке,
Дома полна чаша, ну, а счастья нет,
Счастье - когда дети тебе щекочут пятки,
А ты еще к тому же для них и свой поэт.

У подруги есть что-то ко мне близкое -
Писательство, стихи, страдаю тем и я,
Пусть я выдаю что-то в свет безликое,
Но у меня есть женка, дети, мир, семья.

Мне, как и этой девушке, нужен мир поэта,
Мне также нужен мир читателей моих,
Я как-то не однажды говорил об этом
В наших встречах с вами, то грустных, то лихих.

А девушке знакомой я все же не завидую:
Как бы жизнь нас по свету ни водила,
Ей не нужна столица, не нужно и Видово,
Ей рядом нужна крепкая мужская твердь и сила.

23 июня 2016 г.

ПАМЯТНОЕ

Родился я, друзьяки, в маленьком ауле,
На карте Казахстана такого просто нет,
Помню, как мальчонкой не слушался мамулю,
Но, однако, клянчил у нее конфет.

А где ты их возьмешь, когда война гремела
И отец на фронте со всеми воевал?
Мама ж на работе стахановски потела,
За что совхоз ей грамоты и премии давал.

Была моя мамуля пахарем отменным,
Ей трактор пашни совхозные пахал,
Была еще мамуля и комбайнером верным,
Ее комбайн до колоса спокойно отдыхал.

А колос поспевал - мама на комбайне,
Им она хлеба совхозные косила,
Она в своей работе не оставалась крайней,
В ней была напористость и мужская сила.

Годы пробегали, война уже кончалась,
Тут и похоронка из Москвы пришла,
Мама зарыдала, в горе закачалась,
Но счастье в своих детях и в себе нашла.

А там пришла Победа, жизнь возрождалась,
Переезд на жительство в акмолинский Жалтырь,
В Жалтыре мамаша тоже не терялась,
Ей нужен был комбайн, железный богатырь.

И тут она его в колхозе получила,
Тут как раз и целина хрущевская поспела,
Целинные хлеба стахановски косила,
Так же, как и прежде, от трудов потела.

Не могла мамуля делать все вполсилы,
Себя она работе всецело отдавала,
Пашню ли пахала, ниву ли косила,
Она жила их жизнью, душой с ними бывала.

А годы целины по-своему бежали,
Мы у нашей мамы крепились и росли,
Нас у мамы трое, мы маму уважали,
В дни ее рожденья отовсюду шли.

Трактор и комбайн жизнь ее хранили,
С ними наша мама до «дембеля» дошла,
Может, железяки эти ее и схоронили,
Она и до семерки большой не дожила.

Мы трое, ее дети, у холмика стояли,
Там спит наша мамуля, нам жизнь она дала,
Стояли, взявшись за руки, по-мужски рыдали,
Она все наши горечи на себя брала.

Ей всегда хотелось, чтоб мы крепко жили,
Чтобы наши дети заботились о нас,
Чтобы мы друг к другу как к себе ходили,
А дети переходили лишь из класса в класс.

После того времени, для нас, детей, печального,
Минуло уже сорок с своим прицепом лет,
Каждый к своей гавани как-то да причалил,
И никаких претензий у нас к жизни нет.

Я так холмик мамы, бывает, навещаю,
Старший брат за мамой тут же и почил,
Сестра с своей семьею на Волге проживает,
Я же свои лыжи в свет белый не точил.

Я так и живу в карагандинском крае,
Со мною моя женка и моя семья,
Дети и родные нас как-то навещают,
Ответно навещаю их с женкою и я.

Мы с женкою моей уж двадцать лет на пенсии,
Нам жизнь трудовая что-то да дала,
Мне дала гармошку, ей - лихие песни,
А значит, у нас с женкой хороши дела.

Я так свое детство и жизнь вспоминаю,
И, что любопытно, я о них пишу,
О жизни поколения я тоже что-то знаю,
Но багаж я этот пока в душе ношу.

Прольется он когда-нибудь - меня не колышет,
А душа и вовсе у себя молчит,
Ум мой и душа ничего не слышат,
А сердце так и вовсе в свет белый не кричит.

О своем о личном что-то прорезается,
А о стране, о людях - Боже упаси!
Жизнь страны и общества не каждого касается,
Себе за все молчания и говорю «мерси».

23 июня 2016 г.

Ах, весна, в ее красе распустились ветки!
Так приятно и душевно на их цвет глядеть.
Где твои, Артем, безумные секс-клетки,
Чтобы я могла от них забеременеть?

Год прошел и два прошли, а я не полнею,
Намека на беременность и в помине нет,
А ведь мы друг друга любим и лелеем,
Какой тут у природы, скажи мне, есть секрет?

У соседки Макпузы так каждый год ребенок,
А тут уж, черт возьми, минула пятилетка,
Вон, даже у коровы опять взревел теленок,
А меня обходят нужные нам детки.

То ли мы с тобою в детстве нагрешили,
То ли наши клетки в безумство не вошли,
То ли что мы в детстве жизнь взрослую любили
И по ней в шестнадцать ехали и шли...

Наверно, так и есть: жизнь не прощает
Раннее кокетство и раннюю любовь,
Жизнь нам, Артеша, детей не обещает,
А все как мы так рано сгустили нашу кровь.

26 июня 2016 г.

ДУМЫ МОИ, ДУМЫ...

Думаю, с Есениным
До осени не встретимся,
А осень для поэта -
Писательства пора.
Осенью, быть может,
С рязанцем мы проветримся,
А то и засидимся
С вечор и до утра.

Такое у нас с ним
Уже не раз бывало,
Мы обсуждали жизнь
И все житье-бытье,
А после я натягивал
На плечи одеяло
И мысленно прослеживал
Уже житье мое.

Есенин так прослеживал
Любимый край рязанский,
Как и Русь свою,
Его он воспевал,
Я же воспевал
Край свой казахстанский,
А карагандинскому
Дух свой отдавал.

Все-таки моя
Шахтерская столица
Как-то была связана
С моим житьем-бытьем,

Мне приятно было
Здесь гостем находиться,
Мы все же друг от друга
Рядышком живем.

Сел на электричку -
И ты уже в столице,
А она приветствует
Всех гостей страны,
Есть гостям в шахтерской
Что видеть, насладиться,
Городские подвиги
Здесь каждому видны.

Меня так удивили
Магазины «Южный»
И большой центральный
Под названием ЦУМ.
«Южный» - привокзальный.
Но он, как центральный.
Не создает здесь шум.

Вообще, в шахтерской
Названной столице
У меня красивые
И добрые друзья,
Не дают скучать мне,
Не сдают в полицию,
Ответною любовью
Делюсь с ними и я.

Меня так добрый «Классик»
В Караганде приветствует,
Мы с ним об издательстве
И книгах говорим,

Мне «Классик» как поэту
Что-то да советует,
Я остаюсь доволен
Его людьми и им.

«Классик» меня как-то
Читает, редактирует
И свои советы полезные дает,
Я на его советы
Крепко реагирую,
Поскольку из них каждый
Пользу лишь несет.

Ну, а польза эта
В книги выливается,
Те, что я пытаюсь
Пером своим писать,
В них жизнь моих друзей
Всецело отражается,
В них моя судьба,
Моя семья и мать.

В них где-то проясняется
И страна родная,
Мой такой единый
Великий Казахстан,
Я вижу его степи
Без конца и края,
Ему поклоны вижу
Из отдаленных стран.

Ему поклоны ложит
Франция, Америка,
Италия, Испания,
Корея и Китай,

Они живут своею
Западною меркою,
Но у Казахстана собственный
Съедобный каравай.

Он своею вкусностью
Целый мир прельщает,
Многие пытаются
Отведать сей пирог,
Страны даже новые
Смело наезжают,
Несмотря на дальность
Мировых дорог.

Были у нас Польша,
Эмираты, Турция,
Бывал у нас недавно
И арабский край,
Смотрели эти страны
Нашу Конституцию:
Да, есть в ней и такое,
Что и им давай.

Давай хотя бы ту же
Большую Независимость
И дружбу всех народов,
Малых и больших,
В личной жизни каждого -
Доверие, правдивость,
А инсинуаций в жизни
От века никаких.

24 июня 2016 г

РАЗГОВОР СО СТУДИЕЙ

Нерешенных проблем просто не бывает,
Так с экрана выдает ведущий Руслан Смыков,
Потому звонить студийцам он нас призывает:
Студия поможет, она не шита лыком!

И впрямь студийцы как-то людям помогают,
О том сами люди на студию звонят.
Многодетную семью в новый дом вселяют,
А у погорельцев - акимовский солдат.

Коль за дело взялся сам аким великий,
Значит, у несчастных будет дом и кров,
Как-никак, аким - он всюду многоликий,
Он для людей на многие подвиги готов.

Значит, в самом деле студия работает
И людям пользу от себя и от страны несет,
Она и впрямь людскими полнится заботами,
Студия следит за всеми, их горечи пасет.

А вот «Играй, гармонь» с «Первого канала»
Исчезла на три года - ей так барибер.
Студия причины такого не искала,
Она на программистов не кинулась в карьер.

С этого канала навсегда исчезла
«Закон и человек» - Пиманова находка,
Передача эта от сердца в душу лезла,
В ней жизненная правда, в ней мир живой и ходкий.

Эта передача по миру и теперь шагает,
А вот в Казахстане ей сделали отвод,

К чему страна стремится, как люди поживают,
Не ведает, не знает о том простой народ.

Россия передачу и теперь транслирует,
А вот Казахстану до ней и дела нет,
Он что-то свое тискает, гладит, нивелирует,
«Закону» же с «Гармонью» говорит: привет!

Так что, уважаемый телеведущий Смыков,
Ваша просьба позвонить вовсе ни к чему,
Передачи эти Казахстан заныкал,
Они ему до лампочки, как и Богу самому.

26 июня 2016 г.

ЭТИ ГЛАЗА НАПРОТИВ

Эти глаза напротив
Когда-то я так любил,
Теперь они с бабой Мотей
Напели мне свой мотив.

Тогда была просто Мотя
В свои восемнадцать лет,
А я назывался Костя
И Моте кивал: привет!

Она мне тоже кивала,
Взгляд устремив в меня,
Чем мою душу сжигала
И сердцу давала огня.

А я любовался очами,
Какие ей Бог подарил,

По ним и теперь я скучаю,
Забыть каких нет моих сил.

Мы с Мотей себя не связали,
Наши пути разошлись,
Но я ее жил глазами -
Так распорядилась жизнь.

Моти глаза напротив,
Но в них уже взгляд потух,
И я не склоняюсь к Моте,
К ее голосу тоже глух.

А все как у жизни нашей
Все-таки краток век,
Он красотой был украшен,
Когда молод был человек.

27 июнь 2016 г.

ВОСПОМИНАНИЯ
(Поэма)

Смотрю на свой портрет -
Ну точно образина!
Хотя тому простительно,
Мне все же шестьдесят.
Ну, а когда мне было
Только половина,
Я выглядел как смелый
Боевой солдат.

За мной девки, правда,
Никак не волочились,

Но дружбу предлагали,
А то и их любовь.
Парни, мои други,
Все переженились,
И только я не тратил
На девок свою кровь.

В депо своем любимом
Я ладил тепловозы,
А они километровые
Поезда водили.
Тепловозам отдавал я
Свои мечты и грезы,
Какие меня где-то
По-своему судили.

Ладно, сделал ты ремонт,
Что подвиг совершил,
Ну, а дома так возьми
Да с жизнью побратайся.
Ну, поел там пончики,
Похлебал лапши,
А дальше так на улицу,
В свет белый собирайся!

А в том свете, как-никак,
Жизнь идет другая,
Всюду движется народ
И девушки гуляют.
Как-никак, а жизнь у нас
Сумбурная такая,
Тебя как гармониста
Всюду приглашают.

А чего не приглашать
Гармошку на вечорку?
Работа есть работа,
Но ведь и отдых есть.
Работе отдаются
Время и заботы,
А отдыху и сам себе
Ты должен отдать честь!

Так время и бежало.
Пока я не женился,
А у женатого
Какая тут гармонь?
Проснулся поутру,
Кофейку напился,
А там свою гордыню
До праздников не тронь.

На празднике, конечно,
Можно разориться,
Можно взять гармошку
И для людей сыграть.
Па празднике крестьянин
Готов и порезвиться,
От этого он станет
Жить да поживать.

Так вот мои годы
Бежали и бежали,
Так вот и до «дембеля»
Моего дошли.
Власти и друзьяки
На «дембель» провожали
И сказали на прощанье:
Все то лет живи!

А зачем мне эти сто?
Мне хватит и семерки!
Как-никак, а жизнь большую
Я все-таки прожил.
Прожил я, поверите,
Целую восьмерку,
Дружбою друзей своих,
Их мыслью дорожил.

Ну, а в память о друзьях
И о своей работе
Я так, между прочим,
Выродил роман.
С материалом были всякие заботы,
Но я за ними лазил
В писательский карман.

Хорошо, что были в нем
Какие-то наметки,
Их так или иначе жизнь отложила,
Она шла осторожно,
Не рвала подметки,
Мне она, моей семье
Преданно служила.

Что в наметках тех усек?
Годы боевые,
Мои годы детские,
Прощание с отцом,
Мужики аульные
На фронт все уходили,
Мы их провожали
С заплаканным лицом.

Ну, а дальше, как у всех -
Карточки,работа,
Фронтовые письма,
Шли и похоронки,
А работа так была
Истинно до пота,
О какой, как нынче,
Не говорили громко.

По сути, ее даже
И не поощряли,
Бросали грамотешки
И теплые слова.
Бывало, что начальники
Даже руку жали,
Отчего и правда
Кружилась голова.

А потом, как ждали все,
И пришла Победа,
Наши аульчане
Так от души вздохнули,
Мама же и вся семья
Остались непоседой,
Мы с нашего аула
Взяли да вспорхнули.

Через тройку дней-ночей
Мы с мамой очутились
В селе железнодорожном,
Куда доставил возчик.
От дорожных мы колес
Кое-как отмылись,
С нами конную возню
Отмыл и перевозчик.

Здесь впервые я усек,
Какая есть «железка»,
То есть эта самая
Железная дорога.
Никогда я на «железке»
Не бывал в поездке,
И какую она давит
На людей тревогу.

В ауле я своем лишь знал
Степную нашу ширь,
Где дороги конные
От колес пылили,
А здесь впервые я узрел
Железный богатырь
С железными колесами,
Какие, как небесный гром,
Били и дымили.

Мне сказали: дорогой,
Это паровоз,
Он грузы и людей
Своим возит паром.
Ему, как лошадям,
Не страшен снег, мороз,
Ему сено и овес
Не нужны и даром.

Ему лишь уголь подавай
Целыми горами
Да в котлы воды давай
Целыми морями.
Вода и уголь дадут жизнь,
Паровоз потянет так,
Хоть за луну держись!

Так и шли мои года -
То бегом, то шагами,
И я с ними рос,
Срастался с ними в жизнь,
В школе увлекался
Стихом и учителями,
Хрущевской целиною
И строил коммунизм.

Целина и вовсе
Меня к себе сманила,
Где я, как целинник,
Целину пахал.
Целина кому-то
Подати дарила,
А я без целины
По-мужски страдал.

Целина давала мне
Жизненную силу,
Заряжала мужеством
Для подвига страны,
Она меня с ДТэшкой
По полям носила,
Подвиги мои были ей видны.

Были то поднятые
Черные гектары,
Какие по весне
Тут же засевались,
А после мы под звоны
Гармони и гитары
Отдыху и пляскам
В экстазе отдавались.

Ну, а дальше с целиной
Мы дружно распрощались,
Она жила своей судьбой,
А я судьбой своей.
Мы, кажется, друг с другом
Усердно расквитались,
Нам, кажется, на зорьке
Спел даже соловей.

После всех целинных лет -
Упорная учеба
На той же все «железке»,
Какую я любил.
Мы эту «железку»
Дополняли оба,
Я у той «железки»
Даже принцем был.

Я о ней писал очерки, рассказы,
Даже подрядился
На собственный роман,
Очерки газеты хватали сразу,
А роман мой плавал,
Как утренний туман.

В нем не хватало наших
Жизненных коллизий,
Какие в нашей жизни
Все-таки бывают.
Может, оттого что
Плохо знал я жизнь,
Мои герои ней всегда,
Как голуби, порхают.

А ведь у жизни есть свой стиль
И своя сноровка,
Ведь жизнь не раз бывала
К человеку грозной,
Она и стопорилась
В ненужной остановке,
Посколь была не праздной
И совсем серьезной.

У жизни остановки
Всякие бывают,
Бывают и такие,
Что жизнь отравляют.
Но люди с тем не мирятся,
Роги ей сбивают,
А каких нельзя терпеть,
Так многие стараются
Шоры затемненные
На глаза надеть.

Меня такие недуги
Как-то обходили,
Я с жизнью со своею
Консенсус находил.
О мировых проблемах
Мы не говорили,
Нам наш мир советский
Был триедино мил.

Ну, а когда Союз угас
Изменилось многое,
В жизни у нас многих
Коснулась перестройка.
Жизнь так бывала
То сухой, то волглою,

И мы старались уходить
От жизненной помойки.

Мне жизнь помойку, правда,
Вовсе не сулила,
Может, и готовила,
Да я ее избег.
Она меня, как понял,
Все равно ловила,
Но, чтоб мне быть самим собой,
Взамен испек пирог.

Жизни он, как кажется,
Вкусностью понравился,
Оттого меня оставили
Всякие невзгоды.
Я по жизни собственной
Полоскался, гладился
И от жизни только ждал
Солнечной погоды.

А помойку в дни мои
В молодые годы
Мне приготовил город,
Город Кривой Рог.
В свои двадцать лет
Мне захотелось моды,
Отказать в те дни мои
Я сам себе не мог.

А работал я
На шахте железнорудной,
Но не в подземелье,
А больше наверху.

Было мне и скучно,
И, конечно,трудно,
Был я не в почете
И так, и на слуху.

На шахте криворожской
Я месяц продержался
И вернулся в Казахстан мой,
В мой юный Агадырь,
Где я с родными лицами
И с родней братался,
А Агадырь остался
Мой в жизни поводырь.

А Агадыре я вечность
С женкой продержался,
Вечность продержалась
В шестьдесят годов.
Никогда я больше
По стране не шлялся,
Хотя душою ринуться
Был на луну готов.

Мой пенсионный век
И луну отринул,
Мне нужны по жизни
Агадырь и Караганда.
Все мои желания
Теперь я сам покинул,
А это, между прочим,
Совсем не ерунда.

А желанья были -
На Алтай уехать,

Где бы свою старость
У детей прожить,
Какие меня будут
По-своему лелеять
И тут же, на Алтае,
Смогут схоронить.

Но, слава Богу, этого
Себе я не позволил,
Так и остаюсь я
Жить в Агадыре.
Алтай меня для жизни
Никогда не волил,
Отчего я и живу
В своей большой дыре.

Так об этом молвили:
«Кто не видел хуже дыр,
Пусть приедет в Агадырь».
Кто-то это принял
Для себя серьезно
И, конечно, лыжи
Куда-то навострил.
Он о поселке думал
По-свойски одиозно,
А я-таки поселком
Нежился и жил.

И теперь живу я,
Живу его судьбою,
Поскольку нам обоим
По семь десятков лет.
Я живу страною,
Поселком и собою,

У нас других желаний
С моим поселком нет.

Он мне дал жену, детей,
Известность, уйму внуков,
А еще мне, как-никак,
Он дал Караганду.
Она ж давала и дает
Писательства науку,
С какой по жизни и теперь
Я по земле иду.

28-29 июня 2016 г.

***

Говорил мне дед,
Раскуривая трубку:
«Ну, какой сегодня хилый
На земле народ!
Ну, встретил он свою
Милую голубку
И так вот, взявшись за руки,
По жизни и идет.

Идут и жизнь прошли,
Там «дембель» подкатился.
А там какая жизнь?
Лишь старческий покой.
А вот из семейства
Сын лишь появился,
Который в доме правит
Правою рукой.

А мы-то в наши годы
Так детей рожали -

Три-четыре-пять,
А то и вовсе семь.
Что такое абортарий,
Мы отродясь не знали,
А женки так рожали
И не старились совсем.

А нынче посмотри,
Что в миру творится:
Одного сварганят
И цацкаются с ним.
То им надо вверх расти,
А значит, жить, учиться,
А это все же годы,
Подчиняйся им.

Так жизнь нынче всюду
Не бежит - волочится,
Отдана учебе, карьере и труду.
Ну, а деток, может быть,
Завести и хочется,
Когда тебе за сорок,
Они и не идут.

О том нам часто говорит
И медицина наша:
Деток, дорогие,
До сорока рожайте!
Дети в эти годы
И здоровей, и краше,
И вы еще большою силой
Сами обладаете.

Все-таки, друзья мои,
Рожать надо уметь,

В старину так, в наши дни
Строгали деток классно!
Мы на сторону не знали
Как ходить, глядеть,
Потому как этот миг
Был для нас ужасный.

Мы своих возлюбленных
Любили и жалели,
Они у нас и дома,
И на земле пахали,
А еще он и за всеми
За детьми глядели,
А бывало, и во ржи
Новеньких рожали...

Вот такие были дни
Наши боевые,
Мы детей по семеро
Рожали и растили.
Нынче бабы, мужики
Вовсе не такие,
Мы так больше для себя,
Для потомства жили».

26 июня 2016 г.

Вместо поспешное

Николай Слепцов порой заглядывает к нам в редакцию, и не ради праздного развлечения, преимущественно по делу: при непосредственном участии нашего издательского дома «Классик» он выпустил в свет целый ряд литературных произведений... 80-летний аксакал Николай Андреевич занимает в нашем рейтинге лидирующую позицию: как-никак, а написал уже двенадцать книг!

...Николай Слепцов родился в ауле Кенбидаик Кургальджинского района. Отец его погиб на фронте. После войны мама с детьми перебралась в целинный поселокЖалтырь. Николай рано оставил школу ради того, чтобы поднимать целину («Да уж, Хрущев умел агитировать!»). Два года он состоял помощником комбайнера, причем тот конкретно взятый комбайн водила его мать.

Повзрослевшего парня потянуло к рельсам и шпалам, благо наглядный пример постоянно маячил перед глазами: в 1954 году через Жалтырь строили вторую железнодорожную ветку на Атбасар.

- С 1957 по 1959 год я учился в Акмолинском железнодорожном училище, окончил его по специальности «слесарь по ремонту тепловозов», - рассказывает Николай Андреевич. -В то время тепловозы только-только пришли на смену паровозам... И с тех пор я живу в Агадыре, душой привязался к тамошнему депо и его людям!

...Он не летал в космос и не бороздил океанические просторы, однако накопил багаж впечатлений и опыта, достаточный для того, чтобы поделиться им с читателем. Выйдя на «дембель», Николай Андреевич сохраняет боевую форму, утро начинает с длительной пешей прогулки, ежедневно садится за старенькую пишущую машинку и занимается творческой самореализацией.

...Не единожды в своих рукописях он предрекал, что произведение, с которым читатель знакомится в данный момент, уж точно станет последним, завершающим творением Н. А. Слепцова на литературном поприще. Однако проходит совсем немного времени... и новая книга, будто очередная исповедь автора, ждет опубликования.

(«Газета для пенсионеров», №01 (55) от 10 января 2018 г.)

СОДЕРЖАНИЕ

С МИРУ ПО НИТКЕ

От автора 3
Была война... 9
Встреча через 25 лет 12
О времени и о себе 15
«Война прошлась и по детским душам» 39
Жизнь как она есть 41
О писателях-поэтах 45
Письмо большому человеку 51
Где вы, старые киноленты? 56
Щедрые забавы 59
Модернизация - это усовершенствование 64
Не жизнь, а спотыкачка! 68
Главному Деду Морозу Республики Казахстан 70
Прелюдия для телевидения 73
Весна пришла - весне дорогу 80
На агадырской параллели 82
Ах, эта белая сирень... 85
Весна, весна ... 87
Где-то я это слышал ... 91
Железнодорожные страдания 96
Большое тепло души 100
О нашей Вселенной 105
Мой причал 109

ЖИЗНИ МОЕЙ КОЛЕСНИЦА

От автора 114
Предисловие 121
О новой книге 129
О том же и электричке 136
Футбольные страдания 138
Что было, то было ... 139
О нашей новой столице 141
Хочется тепла 146
О делах космических 147
О Ваське 149
Разговор с котом 151
Думы 157
Портрет 159
Памятное 162
Целинные страдания 163
Размышления 166
Думы о прошлом 179
О столицах 184
Поклон поэту 185
Поклонимся учителю 190
Как было, что есть... 194
Опять с Сергеем мы 198
О нас 203
О прошлом и нынешнем 205
Дела карагандинские 208
Памятное 212
Думы мои, думы... 216
Эти глаза напротив 221
Воспоминания 222
Вместо послесловия 237